

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТ

Издается с апреля 1924 года. До октября 1952 года выпускался под названием "Большевик". С сентября 1991 года по июль 1995 года журнал не издавался.

ЖУРНАЛ КОММУНИСТОВ

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА
№ 4 (1407) ИЮЛЬ - АВГУСТ 1999

Содержание

Документы

В.Видьманов - Доклад Пленуму ЦК КПРФ
«О Позиции Коммунистической партии Российской
Федерации по выводу страны из экономического кризиса» 3

Надстройка

Л.Гриффен - Социализм (вопросы теории) 17

Базис

А.Махоткин - Пропорциональное разделение
продукта: становление, значение, перспективы 43
В.Потапов - Терминологическое обеспечение целей
политики 66
Г.Пирогов - Новинка сезона: пылесос для откачки валюты 78

Спорили, спорим и будем спорить

<i>В.Трушков</i> - Перестройка как фактор капиталистической реставрации	82
<i>Е.Польгуева</i> - Крах ложной пропаганды	88
<i>В.Симчера</i> - Самодостаточна ли экономика России?	90

Вселенная

<i>Э.Муртазин</i> - Операция «СС» в Югославии	96
<i>О.Блюм</i> - Имеет ли история сослагательное наклонение? К вопросу о цикличности социалистических революций	113
Резонанс (О статье «Российская коммунистическая академия»)	126
Список авторов	127

Документы

В.Видьманов

Доклад Пленуму ЦК КПРФ «О Позиции Коммунистической партии Российской Федерации по выводу страны из экономического кризиса»

Товарищи!

Вопрос, который мы рассматриваем, представляет особую значимость и для партии, и для всего нашего народа. Нынешнее положение России не только предельно сложное, но и опасное. В стране, которая три четверти века развивалась по социалистическим законам, идет процесс реставрации капитализма, рушатся Российское государство, его экономика и все общественные устои. Если решительно не пресечь эту политику вандализма, страна потеряет самостоятельность и целостность, будет отброшена в хвост земной цивилизации.

В подтверждение тому приведу лишь несколько цифр, характеризующих экономическое положение России сегодня.

Валовой национальный продукт по сравнению с 1991 годом сократился более чем в два раза. Внутри страны производится лишь 40% необходимого продовольствия. Практически полностью уничтожены высокотехнологичные и наукоемкие отрасли отечественной промышленности, да и сама наука - лидер прогресса - влечет жалкое существование. Зато зеленый свет дан ростовщикам, спекулянтам, азартным игрокам и прочим алхимикам, оторванным от реального сектора экономики. Все эти нечистоплотные дельцы и биржевые спекулянты, истощая экономику страны, ежегодно вывозят за ее пределы до 25 млрд. долларов. Частные банки, прилично зарабатывая на спекуляции валютой и ценными бумагами, практически не инвестируют в реальный сектор российской экономики, т. е., как и прочие теневые дельцы, работают не на подъем производства, а на его уничтожение. Опустошая государственную казну, они своими действиями толкают страну в кабальные займы.

Внешний долг достиг фантастической величины и продолжает расти. В этом году только по процентам за кредиты Россия должна вып-

латить 17,5 млрд. долларов, что равно почти годовому ее бюджету. И это при том, что средняя зарплата по стране в пересчете на валютный эквивалент - не более 40 долларов в месяц! Впервые в истории Российское государство не может расплатиться по своим долговым обязательствам, становится банкротом. Вот результат правления так называемых реформаторов и олигархов - разрушителей Отечества.

В ходе грабительской преступной приватизации 500 крупнейших отечественных предприятий стоимостью не менее 200 млрд. долларов приватизированы за 3% их реальной цены! При этом большинство приватизированных предприятий не использует свои мощности и работает не в интересах экономики России. Уровень жизни подавляющего большинства россиян снизился втрое. В то же время двух-трехпроцентная прослойка населения страны, незаконно завладевшая общенародной собственностью, сказочно обогатилась, увеличив свои капиталы в десятки тысяч раз!

Таким образом, реформы, представленные обществу в 1992 году как средство быстрого и радикального решения накопившихся в стране болезненных проблем, явились по сути чисто политическими средствами радикального изменения общественного строя, формирования узкого круга «собственников» путем присвоения ими национального богатства страны, созданного многими поколениями советских людей.

Считаю, нет необходимости подробно анализировать результаты антинародного курса ельцинского режима. Они враждебны российской государственности и не согласуются ни с какими нормами человеческой чести и порядочности.

Поэтому если коммунисты и патриотические силы России не оставят этот процесс, то компартия и ее союзники потеряют доверие народа на длительный исторический период.

Таким образом, на данном этапе вопрос о спасении России как государства становится вопросом о власти. Время ее перехода к патриотическим силам предельно ограничено - 1,5-2 года, и мы обязаны не упустить его.

Товарищи!

Двадцатый век прошел под знаком социализма. За годы своего развития в условиях экономической блокады и политической изоляции новый строй продемонстрировал высокие темпы подъема производительных сил и жизненного уровня людей, успехи в области образования, здравоохранения, науки, культуры, формирования новых нравственных ценностей и отношения к труду. Социализм создал экономику высокой эффективностью, развитую производственную и социальную инфраструктуру, в основном обеспечил население самым доступным в мире продовольствием, жильем, коммунальными и транспортными услугами, предметами длительного пользования. Общие

принципы и цели социально-экономического развития в советский период, как видим, были направлены на повышение благосостояния народа, укрепление государства как мировой державы. Социализм оказал сильнейшее влияние на ликвидацию мировой колониальной системы. Многие сотни миллионов народов планеты получили государственность, обрели свободу и независимость. Большая часть из них пошла по социалистическому пути.

Вместе с тем процесс созидания нового советского общества проходил не без серьезных изъятий, ошибок и эксцессов. Причины этих ошибок носили как объективный, так и субъективный характер.

Экономическая отсталость царской России, послевоенная разруха, бешеное сопротивление внутренних врагов, интервенция врагов внешних требовали зачастую жестких, авторитарных мер, вынуждали к поспешности, форсированным методам социалистических преобразований, которые нередко сопровождались экстренными решениями, в том числе и репрессивными действиями, искажающими природу социализма.

Одновременно сложившийся к началу 60-х годов застой теоретической мысли препятствовал критическому осмыслению опыта просчетов и ошибок социалистического развития. Получили распространение волюнтаристские, необоснованные концепции. В результате реальный социализм, сложившийся к 80-м годам, оказался чрезмерно обременен зацентрализованным бюрократизмом, захимом инициатив, идущих снизу. В руководстве СССР и стран социалистического содружества стали проявляться элементы самодовольства и самоуспокоенности, что создавало почву для внедрения агентуры противников социализма в высшие эшелоны власти, в конечном счете приведших к контрреволюционному перевороту 1991 года.

Замалчивать сегодня подобные ошибки и просчеты в построении социализма тех лет и тем более оправдывать или защищать нельзя. Мы отвергаем их навсегда как трагическое заблуждение.

Развал СССР и приход к власти в России компрадорского режима Ельцина и команды «либеральных реформаторов» придали этому процессу столь разрушительную силу, что вряд ли можно в этом плане привести какие-то аналоги в России, кроме «смутного времени» начала XVII века.

Устранение государства из ключевых сфер производства и управления, разрушение прежних регулирующих механизмов породило всеобщую неуправляемость. Сложившаяся ситуация формировалась всей предыдущей экономической политикой, и августовский 1998 года обвал рубля - результат этой политики, а не наивные действия правительства Кириенко, как это пытаются представить действующий режим и обслуживающие его средства массовой информации.

Иного результата быть не могло. Развал СССР одномоментно сбросил четверть производства валового внутреннего продукта. Либерализация цен разрушила всю финансовую систему, внесла хаос в ценообразование, нарушила основные принципы товарно-денежных отношений. Приватизация дала простор разграблению национального богатства, отмыванию криминального капитала, разрушению сложившихся производственно-хозяйственных и структурно-технологических связей, оставила на длительные годы без хозяина все производительные силы государства. Основные фонды лишились средств поддержки, подверглись физическому и моральному разрушению и разворовыванию. Резко сократилась доходная часть, государство полезло в долги.

Сегодня под угрозой сами системы жизнеобеспечения населения, без которых в нашей северной стране жизнь вообще невозможна.

Компартия Российской Федерации со всей ответственностью заявляет, что экономика страны на пороге полного распада.

В сложившихся кризисных условиях главной задачей Коммунистической партии Российской Федерации является изменение антинародного курса реформ, где вопросы экономической политики приобретают первостепенное значение.

Мы отчетливо себе представляем, что август 1998 года не только кульминационный момент позора обанкротившегося ельцинского режима, но и его тактический маневр - отвести от себя нарастающий гнев народа за содеянное. Именно в этих целях он пошел на контакт с левыми силами, и мы приняли этот вызов, отдавая себе отчет в том, что судьба России и ее народа намного выше амбициозного политиканства и демагогии.

Коммунисты поддержали нынешнее правительство с целью увести страну от политического хаоса, учитывая его публичные заявления о необходимости вернуть государство к регулированию экономики, о пересмотре приватизации, о борьбе с коррупцией, о выработке мер по созданию социально ориентированной экономики.

Эти его заявления отвечают и интересам коммунистов и всех трудящихся. Однако предложенный правительством после этих заявлений план социально-экономического развития вызывает двойственное мнение.

С одной стороны, нынешних руководителей правительства и Центробанка нельзя упрекнуть в забвении национальных интересов. В отличие от своих предшественников, использовавших рычаги государственной власти для обеспечения сверхприбылей узкой группе олигархов, новые руководители заявили о смене приоритетов экономической политики в интересах населения страны. В то же время мы, коммунисты, должны ясно себе представлять, что правительство является

заложником не только всего предшествующего курса «реформ», но и существующего режима.

Все это требует принятия решительных мер, и коммунисты не должны бояться правды. Необходимы в этих условиях чрезвычайные и неординарные меры при соблюдении основных прав и свобод граждан.

Мы заявляем, что только усилиями всего народа при строжайшей экономии государственных средств на всех уровнях законодательной и исполнительной власти, при гарантированных государством стандартах заработной платы, стабильности цен и пропорционально трудовому вкладу распределении материальных благ из общественных фондов потребления можно уберечь страну от окончательной гибели и постепенно, в течение двух лет, отвести от края пропасти, а затем и вывести из кризиса.

При этом стратегические цели и действия коммунистов России должны быть неизменны. А именно:

- отстранение от власти антинародного режима;
- возрождение власти народного доверия, построенной на власти труда и социалистических принципах развития;
- повышение жизненного уровня народа;
- сохранение государственной целостности и территориального единства страны.

Решая эти вопросы, не следует забывать слова В.И.Ленина: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она только положила краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184). Об этом же говорил и И.В.Сталин, умудренный опытом побед и поражений, гениальных прозрений и трагических ошибок. Суть нашей политики заключается в последовательном, неторопливом и тщательно продуманном продвижении к намеченной цели.

Для ее реализации мы предлагаем:

В области управления

Осуществить конституционный переход от президентской республики к парламентской, а в дальнейшем, по мере создания предпосылок и соответствующей поддержки народа России, к республике Советов. Лишь правительство, получившее мандат доверия от народа и сформированное на всех уровнях, сможет выработать правильный курс общественного развития и успешно реализовать его.

Восстановить систему планирования основных народнохозяйственных пропорций, которая будет носить индикативный характер для экономики в целом и обязательный в государственном секторе.

Восстановить систему госзаказа и ответственность госструктур за его финансирование, позволяющую создать материальную базу для реального планирования, гарантированно обеспечить общегосударственные потребности материальных ресурсов и задать общеэкономические ориентиры для крупнейших системообразующих предприятий страны.

Обеспечить эффективное управление государственной собственностью во всех секторах экономики и персональную ответственность госслужащих за результаты их деятельности.

Сохранить государственное регулирование цен на медикаменты, а также цены на социально значимые продукты питания и некоторые потребительские товары обязательного пользования.

Национализировать важнейшие бюджетообразующие и стратегически важные предприятия - топливно-энергетического комплекса, металлургии, химической промышленности, оборонного комплекса, морского и воздушного транспорта и портов, рыболовецкого флота. При этом данная мера первоочередная.

Ни одно правительство при существующем режиме не пойдет на национализацию этих отраслей, так как она подрывает его устои. Только КПРФ как представитель интересов народа ставит ее в свою программу как государствообразующую основу. При этом термин «национализация» не должен трактоваться как экспроприация. Национализация есть обратная сторона приватизации. То есть если приватизация собственности в России проходила практически за бесценок, то и национализация должна проводиться с компенсацией за те же деньги, причем с учетом долгов в разные уровни бюджета.

В области реального сектора экономики

Считать структурную перестройку экономики страны приоритетным направлением в экономической политике КПРФ. Без решения этих задач у страны нет будущего. Поэтому каждый свободный рубль должен направляться на финансирование научно-технического прогресса с максимально возможной ориентацией полученных результатов на удовлетворение потребностей населения.

Снизить тарифы на энергоносители и транспорт до уровня, обеспечивающего как конкурентоспособность продукции отечественного производства на мировых рынках, так и восстанавливающего хозяйственную целостность страны, позволяющего снизить издержки населения на потребительские нужды.

Особого отношения в стране заслуживает село, сельскохозяйственное производство - и не только как поставщик продуктов питания и сырья, но прежде всего и как среда обитания россиян. Вся страна не может быть городской, крестьянство и его среду обитания следует

всячески сохранять как элемент национальной культуры, национальный уклад жизни нашего народа. Страна должна наконец повернуться «лицом» к деревне. Принципиально важна и функция обеспечения продовольственной независимости страны, без которой никакое самостоятельное развитие невозможно.

В области финансов

Сконцентрировать в руках государства Центробанк и Внешэкономбанк, все валютные финансовые ресурсы, национализировать основные месторождения алмазов, золота, других ценнейших редкоземельных элементов.

Включать ежегодно в приходную часть бюджета определенную величину доходов от использования собственности РФ за рубежом. Провести в кратчайшие сроки полную инвентаризацию всей государственной собственности РФ как внутри страны, так и за рубежом.

Пересмотреть функции Сбербанка, который используется сегодня как источник покрытия дефицита госбюджета и практически не выполняет функции финансирования реального сектора экономики. Часть аккумулированных в нем сбережений населения будет направляться исключительно на инвестирование в реальный сектор экономики.

Исключить практику начисления пени и штрафов на хозяйствующие субъекты, если им не выплачивает средства государство.

Продолжить снижение налогов в реальном секторе экономики, особенно в ведущих отраслях, при одновременном повышении налогов в сфере банковских, посреднических услуг, шоу-бизнесе и других сферах, где норма прибыли оказывается существенно выше средней по народному хозяйству.

Осуществить государственное воздействие на экономику на основе инвестиционной эмиссии, т. е. выпуска денег под инвестиции при условии жесткого контроля по недопущению их выхода на потребительский рынок. Подобные финансовые ресурсы, будучи капитализированы в основных фондах и продукции производственного назначения, не вызовут мощной инфляционной волны и позволят дать мощный импульс для развития экономики.

Защитить национальный финансовый рынок от разрушительного влияния международных спекулянтов. Для этого в обязательном порядке осуществлять государственное регулирование процентных ставок на заемный капитал и в ценные бумаги.

О собственности на землю

Мы четко разделяем земельные ресурсы по типам использования. Леса, недра, воды, биологические природные ресурсы как общий дар природы обществу, неделимые по самой своей сути, остаются в общественной собственности.

Предметом частного оборота может быть лишь та часть земель, которая находится в использовании у населения в качестве приусадебных, дачных и садово-огородных участков.

Земли сельскохозяйственного назначения могут передаваться в долгосрочную аренду на срок, не превышающий 50 лет, с фиксированным характером использования и разумным, прогрессивным налогообложением коллективных и индивидуальных хозяйств, а также иностранных пользователей.

В социальной сфере

Материнство, детство и старость - наш главный приоритет. Мы обещаем, что, как бы ни было тяжело, пособия на детей будут систематически выплачиваться из федерального и региональных бюджетов, а по мере создания предпосылок они будут повышаться до уровня, позволяющего гражданам иметь полноценные семьи.

Пенсионерам, чьим трудом создано все существующее в нашей стране богатство, пенсии по старости, нетрудоспособности и другие льготы, определенные законом, будут выплачиваться в обязательном порядке и в размере, обеспечивающем достойное их существование.

Будут созданы государственные фонды поддержки и социальной реабилитации бывших военнослужащих, ветеранов и инвалидов войны и труда, а также реализовываться программы по профориентации молодежи.

Будут восстановлены общедоступная государственная система здравоохранения, санаторно-курортная сеть, оснащенные современным оборудованием, инструментами и необходимым набором медикаментов.

Важное место в национальной экономике займет частная инициатива граждан, в первую очередь в отраслях сферы услуг, торговли, аграрного сектора, транспорта и других.

Каковы наши подходы к развитию важнейших секторов экономики?

Выходить из кризиса России придется, опираясь преимущественно на собственные силы за счет использования внутренних резервов нашей страны, с учетом ее географических особенностей. Краеугольным камнем реального сектора экономики и обеспечения жизни населения является созданный за годы Советской власти усилиями всего народа топливно-энергетический комплекс. Производство топлива и энергии, политика внутренних и внешних цен на энергоресурсы должны создать эффект мультипликатора в экономике. Поэтому снижение цен на энергоносители и их последующее жесткое государственное регулирование является базовым условием эффективности функционирования всей отечественной экономики.

Более того, политика в области ТЭК должна стать важным внеш-

неполитическим инструментом в отстаивании национальных и геополитических интересов нашей страны. Посредники в процессе продажи и распределения всех видов ресурсов внутри страны будут исключены.

Решение этих коренных вопросов станет производиться поэтапно. На первом этапе через многоукладное общество социалистической ориентации, основными чертами которого будут: истинная демократия в смысле народовластия в форме Советов, свобода личности в условиях подлинного коллективизма, высокое качество жизни каждого человека.

Дальнейшее развитие должны получить оправдавшие себя достижения реального социализма: это плановое начало и управляемость экономики; мощная индустриальная и научная база; доступные всему народу общественные фонды потребления в области здравоохранения и образования, обеспеченности жильем, транспортом и возможностью отдыха.

В начальный период значительное место займут рыночные механизмы при индикативно-договорном планировании, т. е. в системе взаимоотношения прогнозных показателей. В ходе разработки планы станут согласовываться на региональном уровне и на уровне предприятий, причем послужат основой для заключения между последними долгосрочных договоров. В то же время эти планы не будут являться строгой директивой для обязательного исполнения и в изменяющейся обстановке подлежат пересмотру.

В дальнейшем все большее развитие будут получать нерыночные формы хозяйствования. Структурно и организационно-технически они наиболее эффективны для повышения качества жизни народа, наилучшим образом соответствуют основным направлениям научно-технического прогресса, однако нуждаются в тщательной теоретической и правовой проработке.

Особенно важную роль в экономической политике этого периода должны сыграть два момента:

Во-первых, проблемы владения и управления такими общероссийскими комплексами, как ТЭК, ВПК, железнодорожный транспорт, связь, тяжелая индустрия и другие стержневые системы, которые не только играют большую экономическую роль и обеспечивают государству основные валютные поступления, но и связывают воедино пространство России. К ним нельзя подходить с меркой сиюминутной экономической эффективности. Нельзя допустить их перехода в частные руки, равно как и их расчленения.

Во-вторых, в руках государства должны находиться основные доходобразующие предприятия. Неоднократные попытки режима повысить уровень собираемости налогов в России неизменно проваливались, что наглядно демонстрирует как отсутствие у новой российской

буржуазии всякого желания платить налоги, так и отсутствие у власти возможности их сборов. Ожидать крупных иностранных инвестиций или займов России в нынешней ситуации вряд ли приходится. Склонность отечественных предпринимателей к капиталовложениям в реальный сектор также, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

Важнейшими приоритетами в структурной экономической политике станут:

- задействованные на полную мощность предприятия с высокими технологиями, выпускающие импортозамещающую, дешевую, доступную населению продукцию, и прежде всего авиационной, космической, химико-технологической, медико-биологической и другой промышленности;

- спасение разоренного антинародной властью села и ускоренное развитие перерабатывающей сельскохозяйственной промышленности, активная помощь государства в строительстве жилья, объектов образования и здравоохранения, культуры и быта, сельских дорог и газификации;

- достижение современных стандартов ресурсосбережения в базовых отраслях на основе внедрения наиболее наукоемких и высоких технологий.

Особое внимание будет уделено развитию высокотехнологичных «центров кристаллизации», готовых к производству конкурентоспособной и импортозамещающей продукции; активизации предприятий легкой и пищевой промышленности с целью ускорения движения оборотных средств и получения бюджетом «живых денег».

Мы готовы к сотрудничеству с теми, кому дороги интересы собственного трудового народа, независимость и процветание России.

Но мы не согласны, когда в поиске путей выхода из кризиса обозначилось и другое. Дав всестороннюю и объективную критику и его деяний, сыграв на патриотической ноте, кое-кто пытается обнадежить сограждан тем, что коренной поворот можно обеспечить, не меняя доктрины капиталистических преобразований. Предлагающие этот путь господа высшие чиновники, представители жиреющей рядом с олигархами бюрократии и плутократии заявляют, что «Россия выстрадала идею создания взвешенного, гармоничного общества социал-демократического типа, сочетающего эффективную рыночную экономику и сильную политику, соединяющего достижения мировой цивилизации и российские традиции, общества, где права и свободы личности гарантируются и охраняются ответственным государством». При всей заманчивости «социал-демократического пути», на котором наверняка больше удач, чем на пути нынешнего передела собственности и криминального разбоя, надо честно признать, что декларирующее эти ценности общероссийское общественно-политическое движение «Отечество» имитирует

социал-демократическую позицию. Эксплуатируя патриотическую лексику и социалистические лозунги, это движение вобрало в свои ряды много тех, кто несет персональную ответственность за приведение к власти разрушителей державы.

Вместе с тем критическое восприятие различных общественных движений нами не должно возводиться в абсолют их отторжения. В той мере, в какой любое движение готово к осмыслению конструктивных мер по выходу российского общества на столбовую дорожку развития и прогресса. Партия будет поддерживать эти движения.

Товарищи!

Каждому из нас ясно, что на проведение неотложных мер по выводу страны из экономического кризиса потребуются немалые средства. На наш взгляд, государство получить их может за счет следующих мер:

- будет осуществлена контролируемая эмиссия под рост производства, при которой каждый рубль найдет своего потребителя, предприятие - оборотные средства, работающий и служащий - зарплату, пенсионер - пенсию, студент - стипендию. После расчета государства с долгами эмиссия останется в пределах стабильного денежного оборота. Одновременно с эмиссией операции с валютой будут направлены только на ее покупку государством у населения и организаций. Курс рубля будет заморожен;

- основные экспортно-импортные поставки будут находиться под государственным контролем, кредитоваться Внешэкономбанком и его филиалами на местах;

- установление полной государственной монополии на производство и реализацию алкогольной и табачной продукции, экспорт энергоносителей и других стратегических видов продукции. Только это может дать бюджетам всех уровней около 200 млрд. рублей;

- введение прозрачного учета и контроля за хозяйственной деятельностью юридических и физических лиц позволит удвоить, утроить собираемость налогов;

- огромные средства будут получены за счет установления контроля государством за финансово-кредитной и коммерческой деятельностью, а также сокращения значительного разрыва в доходах между узкой группой сверхбогатых лиц и большинством населения;

- будут осуществлены меры по взаимозачетам российских долгов иностранным государствам и долгов иностранных государств России с учетом капитала, незаконно вывезенного за границу за последние 8 лет.

Достаточно сказать, что в настоящее время разные потери в народном хозяйстве и прямое разворовывание практически сравнимы с бюджетом государства. Их ликвидация позволяет решить многие социальные и экономические проблемы. Приведу лишь некоторые из них:

- за рубеж незаконно переправлено за последние годы более 250 млрд. долларов. Их возвращение в Россию - приоритетная задача государства;

- России другие страны должны 150 млрд. долларов, за которые надо интенсивно бороться, как это делают страны Запада;

- соотношение доходов 10% самых бедных и 10% самых богатых составляет, по официальным данным, около 1:13. (По данным независимых ученых, это отношение равно 1:65). Доведение с помощью налогов этого соотношения до 1:6 (как в Европе) позволит большей части граждан России обеспечить прожиточный минимум уже в этом году;

- за время проведения «перестройки» доходы за экспорт оружия уменьшились с 18 до 3 млрд. долларов в год. Этот доход можно существенно увеличить;

- только полная загрузка пищевой и легкой промышленности может дать прирост бюджетных расходов более чем на 20%.

Увеличение денег в бюджете также возможно за счет отмены необоснованных льгот и подавления теневой экономики, размеры которой достигают почти половины всей экономики страны.

Неотложная задача депутатов-коммунистов - сделать все возможное, чтобы эти меры в значительной степени нашли уже отражение в федеральном бюджете на 1999 год.

Товарищи!

Социалистический принцип народовластия будет осуществляться на основе многопартийности при широком развитии производственной демократии и усилении роли профсоюзов.

В социалистически ориентированном многоукладном обществе в условиях допущения частного капитала, в том числе и иностранного, огромная ответственность ляжет на общенародное государство. Именно оно будет устанавливать допустимые пределы и условия деятельности частного капитала, народнохозяйственные пропорции и паритеты цен на согласованной плановой основе.

Государство будет последовательно проводить в жизнь принцип социальной ответственности предпринимательства, т. е. требовать от предпринимателя: учета в своей деятельности общегосударственных и региональных интересов; выполнения обязательных требований по поддержанию социальной инфраструктуры; недопущения спекулятивного взвинчивания цен; повышения уровня занятости за счет создания новых рабочих мест. Будет установлен жесткий государственный контроль над финансовыми потоками с целью пресечения утечки капиталов за рубеж, а также перетоков их из реального сектора в финансово-спекулятивный.

Ленинский принцип учета и контроля явится важнейшей частью механизма государственного управления и регулирования.

Иначе говоря, возрождать Отечество мы начнем там, где его начали разрушать горе-реформаторы: с усиления роли государства; отказа от сырьевой модели и иностранной зависимости; регулирования ценообразования и ликвидации ценовых диспаритетов; беспощадной борьбы с коррупцией, бандитами и ворами всех мастей.

Будет оказана решительная поддержка науке и образованию. Повышена роль профсоюзов и советов трудовых коллективов по выводу страны из экономического кризиса.

При разработке программ и планов возрождения российской экономики мы учитываем сложности международной обстановки, в том числе и вызревание мирового финансового кризиса с возможностью перерастания его в глубочайший всеобщий экономический кризис. В связи с этим мы предлагаем действия по следующим направлениям:

- замедление темпов интеграции в мировую систему и прекращение наращивания иностранной долговой зависимости;
- приоритетное внимание опоре на собственные силы;
- активизацию экономического и прежде всего антикризисного взаимодействия со странами СНГ, укрепление союза с Белоруссией.

Одним из главных условий вывода страны из кризиса станет новая региональная политика, основой которой будут следующие положения:

- восстановление вертикали законодательной и исполнительной власти;
- экономическая самостоятельность регионов в сочетании с единой централизованной и согласованной с регионами стратегией развития производительных сил;
- в соответствии с этой единой стратегией Федерация должна взять на себя ответственность за развитие производственной и социальной инфраструктуры общенационального значения, а также крупнейших стратегических и доходообразующих предприятий, за поддержку межрегиональных программ и проектов;
- ответственность за развитие инфраструктуры и предприятий регионального значения несут субъекты Федерации.

Выравнивание уровня жизни по регионам необходимо обеспечить через систему дотаций, трансфертов и субсидий и региональных программ.

В качестве долгосрочной цели политики нашей партии мы выделяем выравнивание статуса субъектов Федерации. В едином государстве все граждане должны быть равны. Не может башкир иметь в Москве меньших прав, чем в Башкирии, а русский в Казани меньше прав, чем в Орловской области. Это наша принципиальная позиция.

В докладе приведены лишь основные принципиальные положения и меры по выводу страны из экономического кризиса.

В настоящее время группой коммунистов фракции КПРФ Госдумы подготовлен проект Федерального закона «Об экстренных мерах по выводу Рос-сии из кризиса, обеспечению социально-экономического развития страны», в котором учтены практически все принципиальные позиции партии по этому вопросу. Важно добиться, чтобы этот документ был принят.

Думаю, что сегодня по столь важному обсуждаемому вопросу для партии и народа члены ЦК внесут дополнительные предложения с учетом их опыта и практической работы на местах и по итогам обсуждения будет принят программный документ партии по выводу страны из кризиса.

Задача каждого партийного комитета - не только довести эту программу до каждого избирателя, но и с учетом местных условий и особенностей сделать все возможное, чтобы она была осуществлена и восторжествовало народовластие.

Товарищи!

Коммунистическая партия Российской Федерации, верная и последовательная коммунистической идее, никогда и нигде не предававшая и не продававшая ее, не собирается ни с кем соревноваться в пустозвонстве о спасении Отечества от катастрофы. Для нас не только смешны, но и возмутительны все те, кто, разорив страну до предела, все еще набираются наглости заявлять, что знают, как восстановить ее. Разрушители и вандалы никогда не были и не станут созидателями. Народ убедился в этом.

Мы - за национальную независимость России, за многоукладность экономики при преобладании общественного сектора, за быстрый рост реальной экономики, за повышение качества жизни россиян.

23 января 1999 г.

От редколлегии: В момент сдачи данного номера в производство газета «Советская Россия» (24.06.1999) опубликовала экономическую программу НПСР. Как легко убедятся читатели, одним из идейных импульсов этого документа дан публикуемым здесь докладом В.Видманова.

Редакция «Советской России» пригласила читателей принять участие в обсуждении программы НПСР. Редакция «Коммуниста» также приглашает читателей к обсуждению обоих документов. Мы готовы предоставить свои страницы и тем, чьи отклики отклонит, по своему обыкновению, «Советская Россия».

Надстройка

Л.Гриффен

Социализм (вопросы теории)

Что такое социализм

Неблагоприятные тенденции общественного развития, вызванные сепаратизмом и капитализацией, резко усилились, что, как и следовало ожидать, ведет к подъему, коммунистического движения. Но, к сожалению, возрождается оно в виде разрозненных, нередко соперничающих между собой партий и групп, что сильно затрудняет достижение столь необходимого сейчас единства действий. Причина этого отнюдь не сводится к несомненно имеющим место амбициям их лидеров. Куда важнее отсутствие достаточно четких представлений о целях и задачах коммунистического движения в современных условиях. Еще раз подтверждается та ленинская мысль, что «крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов». Трудно достичь организационного единства, когда при наличии общности взглядов на то, против чего необходимо бороться, она зачастую отсутствует в определении положительных целей. Конечно, в коммунистическом движении существует согласие о необходимости социалистического пути развития, но сам этот путь представляют себе весьма по-разному.

Существовало и существует множество теоретических «моделей» социализма, по поводу которых ведется незатихающая дискуссия. Но в наше время вопрос о социализме не решить, не определив отношения к строю, существовавшему в нашей стране на протяжении последних десятилетий, тем более, что именно это отношение в значительной мере определяет и нынешние цели. А в данном отношении сторонники социалистического пути разбились на множество течений, которые, однако, если исключить второстепенные моменты, достаточно четко укладываются в три основные схемы.

Согласно первой из них у нас несомненно был социалистический

строй. Он имел множество положительных черт, хотя не был лишен и определенных недостатков. С течением времени по ряду причин как внутреннего, так и внешнего порядка эти недостатки усилились, что и привело к кризису социализма. Следовательно, его необходимо восстановить, ничего принципиально не меняя, но, естественно, очистив наше общество от недостатков и развив положительные его стороны. Дальше нужно только совершенствовать этот строй, переходя, таким образом, от первой ступени коммунизма, которой является социализм, ко второй, к полному коммунизму (в том числе и в «отдельно взятой стране»).

Вторая схема также не отрицает наличия у нас социализма, однако как бы не настоящего, с «извращениями». Сторонники этого взгляда считают, что у нас был не «истинный», а некий «феодальный», «казарменный», «бюрократический» и какой там еще социализм. Поэтому о восстановлении такого социализма не может быть и речи. Наученные горьким опытом мы должны учесть ошибки и на этот раз построить «настоящий» социализм («демократический», «гуманный», «с человеческим лицом» и т. п.).

И, наконец, согласно третьей схеме никакого социализма у нас вообще не было, ибо отсутствовали его самые необходимые признаки. Поэтому дело построения социализма необходимо начинать с самого начала (конечно, используя те положительные моменты, которые все же имели место). А потому сколь бы ни было желательно начать это строительство уже сегодня, необходимо разрешить еще ряд предшествующих задач, а уж потом, постепенно, создавать у нас социализм.

Казалось бы, точки зрения куда как различные, однако парадоксальным образом базируются они на общих основаниях - утопизме и антиисторизме. Действительно, определяя сущность господствовавшего у нас строя, во всех этих случаях пользуются некоторым (часто весьма различным) набором «характерных черт» социализма, заданных априори; сравнение их с действительностью (корректность которого часто оставляет желать лучшего) и позволяет сторонникам этих взглядов делать вывод как о наличии социализма, так и о его «качестве». С другой стороны, сторонники всех трех точек зрения смотрят на социализм как на нечто раз и навсегда определенное (во всяком случае, в главных чертах), и допускающее разве что улучшение и совершенствование, но никак не качественные изменения.

Вот ведь что удивительно. Как-то легко допускают существеннейшие изменения других укладов во времени, например, то, что домонополистический капитализм, тем более капитализм эпохи первоначального накопления, в весьма существенных чертах отличаются от современного империализма. А вот для социализма ничего подобного в расчет не принимается, хотя, казалось бы, для строя, осуществляющего

коренное преобразование общества, различия его этапов должны быть еще более значительными. Так нет же, вынь да положь именно то, что считается «истинным социализмом», а нет, так его и вообще не было, разве что какой-то искореженный.

Но что же это такое - социализм? Вряд ли стоит спорить о том, был ли у нас социализм, и какой он был, равно как и рассуждать о будущих судьбах социализма, не определяя достаточно четко того, что мы понимаем под этим термином. Как всегда в таких случаях, здесь возникают определенные методологические сложности: с одной стороны, прежде чем исследовать какой-либо предмет, следует определить, что же именно мы собираемся исследовать, выделить объект исследования из ряда других объектов; с другой стороны, удовлетворительное определение того или иного объекта может быть получено только в результате его исследования, когда выявлены его характерные черты, обуславливающие упомянутое его выделение. Указанное противоречие разрешается только в самом процессе изучения данного объекта. Однако термин «социализм» имеет уже достаточно длительную историю, и невозможно обойтись без того, чтобы определиться в отношении того содержания, которое в этот термин вкладывалось прежде и вкладывается теперь.

Прежде всего следует отметить, что слово «социализм» многозначно, и чтобы избежать путаницы, необходимо четко различать по крайней мере два основных его употребления: как наименование определенного состояния общества, и для обозначения определенного течения общественной мысли. Первоначально слово «социализм» использовалось для обозначения будущего общества, основывающегося на идеалах социальной справедливости. Разное понимание принципов социальной справедливости приводило к возникновению различных «моделей» предполагаемого общественного устройства, по названию романа Т.Мора получивших наименование «утопии». Социалисты-утописты рассчитывали реализовать свои проекты идеального общества, убедив остальных в их преимуществах, полагая, что «истинный разум и истинная справедливость до сих пор не господствовали в мире только потому, что они не были еще надлежащим образом поняты». Стремление идеологов различных социальных групп обосновать и внедрить в общественное сознание свои представления об «истинной справедливости» породили соответствующие течения общественной мысли, которые также получили название социализма. Когда Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии» пишут о «феодальном социализме», «мелкобуржуазном социализме», «буржуазном социализме», они, естественно, не допускают и мысли о возможности действительной реализации такого рода общественного строя, и говорят о них только как о соответствующем комплексе представлений той или иной соци-

альной группы. Что касается развитого Марксом и Энгельсом научного социализма, то он, в отличие от других видов социализма, не рисует конструкцию «общества социальной справедливости», а указывает «такие силы, которые могут - и по своему общественному положению должны - составить силу, способную снести старое и создать новое». Именно это, а не «проект» нового общества, Ленин считал содержанием научного социализма. Более того, по его мнению вообще «никаких особенно перспектив будущего научный социализм не рисовал; он ограничивался тем, что давал анализ современного буржуазного режима, изучая тенденции развития капиталистической общественной организации - и только». Разумеется, классики марксизма не могли не пытаться спрогнозировать результаты такого развития, но, как видим, такой прогноз имел факультативное значение и вовсе не входил в понятие научного социализма. Таким образом, в марксистской литературе было принято слово «социализм» использовать для обозначения определенного общественного устройства, а система взглядов, отражающая представления о законах развития капиталистического общества, результатом которого неизбежно явится его революционное преобразование, называлась «научным социализмом» (Маркс и Энгельс вопрос о разных видах социализма в «Манифесте...» даже рассматривают в разделе, посвященном социалистической и коммунистической литературе).

Что касается самого Маркса, то он для обозначения нового общества предпочитал не применять слово «социализм», а называть его коммунизмом, особо выделяя в нем первую - переходную - ступень, для которой потом использовалось указанное понятие. Зато этим понятием широко пользовался Энгельс, чему имелись веские причины. Еще позже этот термин столь же широко применял Ленин. Именно так он называл тот общественный строй, который под его руководством строился у нас после Великой Октябрьской социалистической революции. Да, результат этого строительства во многом расходится с предположениями классиков марксизма. Но следует учитывать и то, что тот строй, при котором мы прожили столько десятилетий, исторически получил такое наименование. Вся наша история, все наши победы и поражения связаны с общественным строем, носившим такое название. Этот строй определял жизнь не одного поколения советских людей, он оказывал и продолжает оказывать огромное влияние на ход мировой истории. И вряд ли нам следует сейчас по каким бы то ни было соображениям отказываться от того наименования, которое он носил на протяжении многих лет. Единственная причина, по которой это можно было бы сделать - если бы было практически доказано, что реально возможен какой-то другой социализм. Но таких данных мы не имеем. Потому когда мы в данной работе говорим о социализме, рассматривая некоторые вопросы его теории, то имеется в виду именно такое значение данного слова.

А вообще-то, говоря словами Ленина (относящимися, правда, к другому вопросу), «совершенно несерьезен тот спор о словах... Называйте, как хотите; это безразлично». Дальше ведь речь пойдет не о предполагаемом, а о том реальном общественном строе, который существовал у нас на протяжении нескольких десятилетий: «Ныне о социализме можно говорить только по опыту». И целью нашей будет не судить этот строй на основе неких априорных представлений о том, каким ему положено быть, а постараться понять сам этот строй как данность, его место в процессе развития общества, его сущностные характеристики, закономерности функционирования и развития, его нынешнее положение и будущие судьбы - независимо от того, совпадают ли они с чьими бы то ни было представлениями о том, какими они должны быть для «истинного» социализма - что бы под ним не понимали.

2. Марксизм и «теория социализма»

Но как же тогда быть с тем, что не только Маркс и Энгельс, но позже и Ленин неоднократно писали о будущем обществе? Принять за «истину в последней инстанции» и не отступать ни на йоту (независимо от того, насколько их предположения того времени соответствуют такой скучной материи как сегодняшняя реальность) - если марксизм воспринимать в качестве «божественного откровения». Если же воспринимать его как науку об обществе, которой он и является на самом деле, то приходится рассматривать то, что было сказано классиками о будущем обществе (прежде всего о социализме) как гипотезу, высказанную в рамках данной науки. Но не как теорию: у них «теория претендует на объяснение одной капиталистической организации и никакой другой». «Никакой другой»! - можно ли выразиться яснее? В самом деле, теория «есть снимок (все более и более точный) с объективной реальности». Так о какой же теории социализма можно было говорить тогда, когда и само-го-то социализма в объективной реальности не существовало? Настоящие марксисты (прежде всего сами основоположники этого учения) и не говорили, что именно Ленин понимал под «научным социализмом».

Казалось бы, ситуация здесь настолько ясна, что по вопросу о том, была ли классиками марксизма разработана теория социализма, сказанным вполне можно было бы и ограничиться. Но, оказывается, это не так. Опубликованная мною статья на данную тему вызвала весьма неоднозначную реакцию, причем особенно отчетливо - негативную, связанную прежде всего именно с утверждением, что совокупность высказываний Маркса и Энгельса о будущем обществе имеет характер не теории, а гипотезы.

В своей статье, отрицательно отвечающей на вопрос о наличии в настоящее время марксистской теории социализма, я фактически отстаиваю три основных тезиса:

1. Классики марксизма не могли создать теорию социализма как определенного состояния общества, ибо создать теорию (т.е. идеальное отражение реального объекта) того, чего в реальной действительности еще не существует, в принципе невозможно. В те времена это невозможно было и для социализма, поскольку для него, по выражению Ленина, еще не было создано даже кирпичей, из которых он будет построен. Речь могла идти только лишь о гипотезе.

2. Когда социализм возник и проделал путь развития, достаточный для появления возможности теоретических обобщений «экспериментальных данных», позволяющих отразить хотя бы некоторые существенные его черты, номенклатура как господствующая социальная группа не хотела и не допускала объективного его исследования - как и всякая господствующая социальная группа, она не была заинтересована в объективном исследовании «своего» общества.

3. Чтобы сегодня, когда в этом существует крайняя нужда, успешно создавать теорию социализма, необходимо развивать дальше марксистскую теорию. Поскольку любое развитие, согласно Марксу, предполагает отрицание предшествующего этапа, то желательно в качестве обязательного предварительного условия определиться, какие именно моменты в «классическом марксизме» подлежат «отрицанию».

Эти вопросы чрезвычайно важны и актуальны, а потому полемика по ним нам сегодня жизненно необходима. Но вот полемики-то как раз и не получилось. Вышло что-то вроде «теологической дискуссии» Остапа Бендера с ксендзами: «Эй вы, херувимы и серафимы! Бога нет!» - «Как же вы утверждаете что бога нет, когда все живое создано им!» Я утверждаю (не будучи оригиналом, ибо для науки это тривиально), что в принципе нельзя создать научной теории того, чего нет, что существует не актуально, а потенциально, - только гипотезу, которая неизбежно, по самой своей природе есть всего лишь первое, притом исключительно умозрительное, приближение к истине. А в ответ мне перечисляют высказывания (в том числе и до сих пор не утратившие своей актуальности) классиков марксизма о будущем (для них) обществе. Я про Фому - мне про Ерёму. Что может дать такая «дискуссия»? С научной точки зрения - ровным счетом ничего. А уж попытки в чем-то убедить моих оппонентов - дело и вовсе безнадежное: им же из работ классиков марксизма уже известна в общих чертах вся истина, и любое развитие науки об обществе они видят только в конкретизации этой истины по объекту и времени, но ни в коем случае не в появлении новых идей, в том числе и принципиально отличающихся от некоторых идей классиков марксизма. Мысль Гегеля и Маркса о том, что любое развитие осуществляется обязательно через отрицание (естественно, диалектическое, с сохранением положительных моментов) предыдущей ступени, им глубоко чужда.

Вопрос, существовала ли теория социализма, или только гипотеза на основе марксистской теории общественного развития, имеет чрезвычайно важное значение. Но повторим: для каждого, кто имеет какое-то отношение к науке, разница между теорией и гипотезой настолько ясна, что здесь просто нет предмета для обсуждения. Однако, как оказалось, это вовсе не ясно «философам-марксистам». Приходится ломиться в открытую дверь.

Итак: «Теория... - комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на использование и объяснение какого-либо явления ... целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности». «Теория - форма достоверного научного знания о некоторой совокупности объектов... содержащая методы объяснения и предсказания явления данной предметной области». Можно было бы дальше приводить дефиниции выделенных нами понятий, показывая, что все они касаются исключительно реальной действительности и непосредственно связаны с проверкой общественной практикой: это два необходимейших условия любой теории. Стоит ли?

А гипотеза? «В современном словоупотреблении гипотеза - выраженное в форме суждения (суждений) предположение или предугадывание чего-либо ... В этом смысле научная гипотеза по своей гносеологической роли является связующим звеном между «знанием» и «незнанием». Ну, что тут не ясного? «Предугадывание» того, что пока еще не существует, - вообще, или же для нас (вследствие ограниченности имеющихся сведений), - по самой своей сути неизбежно содержащее как истину, так и заблуждение, преодолеваемое далее уже не умозрительно, но только в опыте. Давным-давно Энгельс писал:

«Наблюдение открывает какой-либо новый факт, делающий невозможным прежний способ объяснения фактов, относящихся к той же группе. С этого момента возникает потребность в новых способах объяснения фактов и наблюдений. Дальнейший опытный (!) материал приводит к отрицанию этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон». Тем более это относится к обществоведению, где «мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях и лишь настолько, насколько эти условия позволяют» (выделено Энгельсом!). Вот слова истинного ученого! И о чем можно спорить, если мои оппоненты ухитрились не заметить появления даже за сто пятьдесят лет каких-либо фактов, «делающих невозможным прежний способ объяснения» (об «отрицании» боже сохрани даже заикаться!). Для обычного человека (не говоря уж об ученом) такая «слепота» попросту невозможна, здесь требуется особым образом деформированное сознание.

Но об это скажем ниже, а сейчас вернемся к классикам марксизма и их представлениям о различии между гипотезой и теорией. Эн-

гельс в «Антидюринге» пишет, что «и Коперникова система мира также остается донине не более, чем гипотезой». Чего же не хватало этой гипотезе, чтобы стать полноправной научной теорией? Энгельс отвечает на этот вопрос совершенно определенно: опытной проверки. «Солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Лавуазье на основании данных этой системы не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до сих пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана». Правота Коперника была доказана, но значит ли это, что его гипотеза стала теорией в том виде, в котором она была им сформулирована? Нет, конечно. Она подтвердилась в принципе, но отнюдь не в деталях. Оказалось, что планеты движутся вовсе не по таким орбитам, какие, вслед за Птоломеем, предполагал для них Коперник (эпициклы и деференты). Другими учеными были определены законы взаимосвязи небесных тел, формы орбит, их расположение, скорости движения и т.п., о чем Коперник не имел (и не мог иметь) ни малейшего представления. Для этого понадобились работы Ньютона, Декарта, Кеплера, ряда других ученых, благодаря которым данная система действительно отразила реальное положение и из гипотезы превратилась в теорию. Но, главное, она оказалась отнюдь не «системой мира», а всего лишь его небольшой составной части - планетарной системы. Итак, система Коперника в момент своего создания была всего лишь гипотезой, а не научной теорией строения Вселенной. Но разве же это хотя бы в малейшей степени снижает значение научного подвига Коперника?

Относясь к тому, что говорили классики марксизма о будущем обществе, как к научной гипотезе, мы не только вправе, но и обязаны поставить вопрос: подтвердила ли общественная практика, которая, как известно, и является критерием истины, - тогда, когда объект, к которому она относится, обретает реальное бытие, - их предположения, и если подтвердила, то в какой мере? И мы с полной уверенностью можем ответить: общий вывод, что развитие общества неизбежно приводит к новому строю, реализующему то, что классики считали основой программы коммунистов - «отрицание частной собственности» - подтвердился блестяще. Этот вывод твердо следует из несомненных исторических фактов, и опровергнуть его не может даже нынешний кризис социализма. Но столь же четко мы должны сказать, что в том, что касается конкретного характера этого перехода, как и характеристик данного нового общества, то они самым существенным образом отличаются от имевшихся представлений о социализме как первой фазе будущего коммунистического общества, содержащихся в рассматриваемой гипотезе. Это

вполне естественно ставит вопрос о создании теории социализма, адекватной его реальному бытию. Но вместо того, чтобы эту теорию создавать, «философы-марксисты» продолжают твердить о ее наличии в трудах классиков марксизма. Почему?

Оставив пока в стороне вообще-то чрезвычайно важные моменты, связанные с тем, интересы каких социальных групп защищают те или иные течения в среде сторонников социализма (что, понятно, весьма существенно сказывается на их представлениях о данном общественном строе), рассмотрим психологические и гносеологические причины удивительной зашоренности, препятствующей созданию научной теории социализма. Главным препятствием в этом отношении является ряд догматизированных положений, основное из которых - представление о социализме как первой фазе коммунизма, коммунизма еще незрелого, не успевшего, еще только выйдя из классового общества, в достаточной мере развить свои основные характерные признаки, но уже их имеющего, т.е. уже относящегося к той же формации.

Указанная гипотеза возникла на фундаменте марксистской теории, которая в качестве методологической базы имеет диалектический материализм. В основе же последнего, кроме марксова материалистического понимания истории, лежит диалектика, основы которой заложены Гегелем. Маркс считал Гегеля своим учителем, что не мешало ему критически отнестись к тому, что тот процесс мышления, свою «абсолютную идею» превращает даже в «самостоятельный субъект». Но, по мнению Маркса, «мистификация диалектики» у Гегеля не меняет того, что он дал «всеобъемлющее изображение всеобщих форм движения». Дело стало, следовательно, только за тем, чтобы «поставить на ноги», сделать материалистической стоящую у Гегеля «на голове» диалектику, что и было выполнено Марксом.

Но остался неучтенным один существенный момент гегелевской диалектики. Его «абсолютная идея» представляет собой не только отмеченный Марксом «самостоятельный субъект», но и некий искусственно созданный объект развития. Такая «модель» не вызывала бы возражений, если бы не то обстоятельство, что данный объект у Гегеля был единственным и, следовательно, принципиально не предполагал каких-либо внешних взаимодействий с другими объектами. Не удивительно, что при этом самодвижение становится не просто основным, но и единственным фактором развития. Но реальные объекты столь же принципиально находятся во всеобщей взаимосвязи, и на характер их развития не может не влиять также наличие вещественного, энергетического и информационного взаимодействия как с другими объектами, так и вообще с окружающей средой. Более того, как отмечал Энгельс, оно является необходимейшим условием развития. Тем не менее, такого рода предпосылка не могла не сказаться на представлениях о характере об-

щественного развития, а соответственно и на получаемых выводах. Когда дело касалось анализа реально протекающих общественных процессов («мы в наших исследованиях имеем дело с уже сложившимся, движущимся на своей собственной основе буржуазным обществом»), классики марксизма неизменно успешно преодолевали этот дефект методологии; положение менялось применительно к гипотезе относительно будущего хода развития, т.е. относительно процесса возникновения и основных характеристик грядущего общества - социализма, где влияние указанного дефекта уже не могло быть компенсировано изучением реального объекта по причине его отсутствия.

Если, для краткости изложения, сильно упростить взгляды классиков марксизма на общественное развитие, выделив в них основное, то можно сказать, что они представляли его себе как изменение некоторого объекта - общества - по диалектическим законам под действием внутренних противоречий, порождаемых развитием производительных сил, того главного, что определяет производство - способ существования общества во взаимодействии с природой. Развитие производительных сил по мере этого развития приводит к противоречию между новым достигнутым ими уровнем и наличными производственными отношениями, в которых совершается производство. В результате разрешения этого противоречия происходит скачок в общественном развитии и старая, отжившая общественно-экономическая формация заменяется новой, в которой опять достигается временное соответствие характера производственных отношений уровню производительных сил.

Как видим, здесь уже четко просматривается важное отличие данного объекта развития - общества в марксистском понимании - от гегелевского единичного (следовательно, заведомо изолированного) объекта, ибо ведущей стороной представляется как раз то, что связывает объект развития с внешней средой - производительные силы общества. Это и было тем важным моментом, который помогал преодолевать указанный дефект методологии. Но общество при этом все же фактически представлялось в виде единого объекта развития (конечно, с постоянной сменой его элементов - индивидов).

Понятно, что классики марксизма, изучая общественное развитие, учитывали наличие различных общественных образований и неравномерность для них этого процесса. (Здесь отметим в скобках, что они, дав замечательное общее определение общества как сущностного единства человека с природой, никогда не конкретизировали этого понятия применительно к определенной совокупности людей). Но, тем не менее, само это развитие представлялось в виде единого поступательного движения данного, хотя и неопределенного по составу, объекта. В результате, образно говоря, человечество (общество) оказывалось чем-то

вроде команды велосипедистов,двигающихся вперед пусть и не с одинаковой скоростью, но совместно, в том числе и со сменой лидирующей группы в команде.

Но в том-то и дело, что общество как некоторая определенная (пусть и относительная) целостность - только потенциальный результат его развития, как раз и представляющего по своей сути процесс формирования этой целостности. Уже начиная с распада первобытнообщинного строя изменения не происходили вне взаимодействия различных общественных образований. В то же время в целом общественное развитие еще не представляло в полном смысле общечеловеческого процесса. Первый целостный объект, который конкретно можно было определить как общество, исчез с разложением первобытного племени, второй же - объединенное человечество - может возникнуть (на этапе коммунизма) только как результат всего предшествующего процесса общественного развития («предыстории» человечества). А потому само это развитие на протяжении всей известной нам истории шло во взаимодействии различных общественных образований, принадлежащих и не принадлежащих к единому (существующему и не существующему) целому, находящихся на одинаковых или различных уровнях развития. И это взаимодействие становится одним из наиболее существенных факторов общественного развития, которое, следовательно, можно втиснуть в гегелевскую схему развития единичного (изолированного) объекта разве что в весьма ограниченных пределах (например, в какой-то мере при анализе данной конкретной общественно-экономической формации). И речь вовсе не о том, что гегелевская теория развития неверна; просто она представляет частный случай развития, а потому применительно к реальным процессам может «работать» только в первом приближении.

Следует также отметить определенный европоцентризм рассматриваемого представления, который имел основания не только в научных традициях того времени, но и фактические, поскольку в Европе как некотором целом в свое время обнаруживались и первобытнообщинный, и рабовладельческий строй, и феодализм, и капитализм; к тому же Западная Европа в то время существенно вырвалась вперед практически во всех областях общественного развития, как бы сосредоточивая в себе и общественные противоречия, и возможности их разрешения. Действительно, если скачок в общественном развитии - результат его определенного уровня (прежде всего, производительных сил) в данном общественном образовании, то и ожидать его следовало именно в том месте, где этот уровень наивысший, а следовательно, все в той же Западной Европе. При этом вследствие все усиливающихся интеграционных процессов произойти это должно было во всех промышленно развитых странах (или, по крайней мере, в большинстве их).

Дальше все должно было происходить в соответствии с логикой

гегелевской диалектики. Отжившие производственные отношения, связанные с частной собственностью на средства производства, переставшие соответствовать достигнутому уровню производительных сил, в том числе и уровню фактического обобществления производства, в результате «экспроприации экспроприаторов» заменяются новыми производственными отношениями, базирующимися на общественной собственности на средства производства, характерной для коммунистического бесклассового общества. Однако новое, коммунистическое общество, как появляющееся из общества старого, капиталистического, еще носит на себе его «родимые пятна», и требуется определенный (переходный) период их преодоления. Производительные силы, освобожденные от оков неадекватных производственных отношений, начинают бурно развиваться, создавая материальную основу для осуществления в конечном счете развитых коммунистических отношений, для окончательного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы». Этот период и представляет собой первую, еще несовершенную (вследствие наличия указанных «пятен») ступень коммунизма - социализм.

Таким образом, представления о социализме как о первой ступени коммунизма, побеждающей одновременно во всех (или большинстве) передовых стран, достигших определенного уровня развития, представляет собой стройную и целостную логическую концепцию, опирающуюся на гегелевскую диалектику развития единичного объекта в результате самодвижения, которое, в свою очередь, имеет источником внутренние противоречия. Именно на эту концепцию опирались марксисты-революционеры, в том числе и те, кто совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Это уже задним числом была придумана для объяснения конкретного хода событий, не соответствовавшего предварительным соображениям, и только на эти конкретные события рассчитанная теория «слабого звена» (типичная теория *ad hoc*). Готовили же и совершали революционеры-ленинцы эту революцию только и исключительно как часть (свою часть - по Ленину «узкациональную») революции всемирной.

Особенно хорошо это видно по работам самого Ленина. В канун революции, летом 1917 года с целью обеспечить теоретическую базу для предстоящих преобразований, он пишет работу «Государство и революция». Нет, он не муссирует в ней без конца тезис о всемирном характере предстоящей революции - зачем было снова толковать о том, что ни у одного марксиста тогда и тени сомнения не вызывало. Но сегодня хоть сколько-нибудь вдумчивому читателю (уверовавшему в теорию «слабого звена») не может не показаться странным, что в работе, посвященной функциям нового, созданного революцией государства, ни слова не говорится о его внешних функциях - и это в то время, когда в мире полыхает империалистическая война; известно, какое значение

Ленин придавал аграрной политике партии, действующей в преимущественно крестьянской стране, - и он в этой своей работе практически не затрагивает вопрос о крестьянстве. Можно привести и другие примеры такого рода. Но все это не только перестает быть странным, а становится совершенно естественным, если вспомнить об ожидаемом мировом характере предстоящей социалистической революции (в которой революции в России предназначалось весьма важное, но отнюдь не перво-степенное место). При мировой революции указанные вопросы автоматически теряли свою исключительную значимость для нее как целого, зато ее приобретали другие вопросы, которым вполне закономерно Ленин и отдавал предпочтение.

И эта надежда на всемирный характер была не только до революции, но оставалось еще длительное время и после ее свершения в нашей стране. Даже весной 1918 года Ленин считал российских революционеров всего лишь социалистическим отрядом, «отколовшимся в силу событий от рядов социалистической армии», который вынужден «переждать, пока социалистическая революция в других странах придет на помощь». И дело было здесь не только в том, что «окончательно победить можно только в мировом масштабе и только совместными усилиями рабочих всех стран», но и в судьбе самой российской революции: нужно было «удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран», ибо «абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибли... во всяком случае при всех возможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, - мы погибнем».

Да, учитывая возрастающую неравномерность развития капитализма, Ленин еще до революции допускал, что она может начаться в одной стране, которая в этом развитии вырвалась вперед и раньше других созрела для преобразований, что «возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране», но что тут же потребуются борьба «социалистических республик с отсталыми (!) государствами». Так что даже трудно определить, результатом недоразумения или сознательного искажения ленинских мыслей являются утверждения, что из «ленинского учения о неравномерном развитии при империализме» «следует, что революция может произойти только в некоторых относительно или средне или слабо развитых странах». На самом же деле, как мы видим, принцип у Ленина все тот же, и ни на какое «слабое звено» в то время и намек не было.

Что же касается положения о том, что новый общественно-экономический строй появляется именно там, где развитие предшествующего достигло наивысшего уровня, строго соответствующего гегелевской диалектике, то подтверждения в истории оно вообще никогда не нахо-

дило. Безусловно, определенный уровень развития всегда был необходимым для социального скачка. Но столь же неизменно жизнеспособными оказывались исключительно «боковые побеги».

Для иллюстрации достаточно вспомнить, например, что рабовладельческий строй в Западной Римской империи был заменен феодализмом первоначально вовсе не в высокоразвитой метрополии, где для этого, в соответствии с теорией саморазвития, давно созрели условия, а на ее отсталой окраине. Причем введение нового строя сопровождалось настолько существенным снижением уровня производительных сил, что для его восстановления понадобилось много сотен лет. Равно как и буржуазная революция (не первая, но фактически открывшая эпоху капитализма), произошла вовсе не в передовой стране классического феодализма - Франции, но в экономически и социально более отсталой Англии, где, что еще существеннее, предыдущий строй - феодализм - к тому же существовал в сравнительно неразвитой форме. Так что отнюдь не только в случае социалистической революции феномен «слабого звена» властно вмешивался в стройную гегелевскую систему саморазвития, и скачок в общественном развитии происходил в сравнительно отсталой стране с относительно менее развитым предшествующим общественно-экономическим строем, в том числе и с более низким уровнем развития производительных сил. Приходится думать, что это вовсе не исключения, а достаточно явственно просматривающаяся закономерность, и что, следовательно, сама методология анализа социального скачка, обеспечивавшая научность и адекватность этого анализа на определенном уровне развития социологической теории, в настоящее время нуждается в весьма существенных уточнениях и коррективах.

Почему же они до сих пор не были внесены? Тому существует немало причин, о некоторых нам еще предстоит говорить. Вот одна из них, отнюдь не самая главная. Мы видели, какую важную роль в науке об обществе играют вопросы методологии. Имея главным объектом исследования такой ультрасложный объект как общество, марксизм как наука обязан базироваться на наиболее общих законах развития, основывающихся на всей сумме знаний, накопленной человечеством. И любые существенные изменения в нем не могут не быть связанными с ними самым тесным образом. Здесь действует «принцип домино» - одна костяшка влияет на другую, а та - на следующую. И чтобы не допустить развала, исследователь сам должен разбираться хотя бы в общих чертах в квантовой механике и эволюционной биологии, теории информации и антропологии, экономике и современной технике. А наши «философы-марксисты» отнюдь не перегружены такого рода знаниями - тренировка «гибкости позвоночника», позволяющей успешно приравниваться к любым колебаниям «генеральной линии», отнимала все силы.

Тут поневоле будешь судорожно цепляться за некоторое, пусть созданное на давно существенно превзойденном общем уровне знаний, но зато добротное сработанное универсально образованными людьми и, главное, уже существующее и такое привычное целое, и просто из чувства самосохранения сделаешь все, чтобы не допустить такого святотатства - «отрицания» (хоть трижды диалектического) какой-либо из «костяшек».

То, что гипотеза о социализме, в качестве первой ступени коммунистического общества побеждающем в передовых странах в мировом масштабе, практикой не подтвердилась, потребовало - с позиций беспристрастной науки - не штопать дыры, а отказаться от нее и заняться изучением реально возникшего строя, возникшего не в результате чьих бы то ни было произвольных действий, или по чьему-то «проекту», а, как и любой другой общественный строй, в результате действия объективных законов общественного развития, по Марксу «осуществляющихся с железной необходимостью». Но здесь действует куда более важная причина. Общественные науки - как пылающий уголь: светить-то он светит, но и руки жжет (тому, кто пытается его «держать в руках»). И с «теорией социализма» произошло то же, что, по словам Маркса, в свое время произошло с такой наукой как политэкономия. Помните? Как только «созрел капиталистический способ производства», т.е. как только «возникли условия, при которых буржуазная политэкономия как наука оказалась возможной, как она уже снова сделалась невозможной», ибо ее объективные выводы стали невыгодными господствующему классу.

Аналогично, как только социализм в нашей стране установился настолько, что появилась практическая возможность изучать его как реально существующий объект и разрабатывать его теорию, так эта теория оказалась крайне неудобной господствующей социальной группе - номенклатуре. И в этих условиях по отношению к данной науке все произошло опять же по Марксу: «При таких обстоятельствах ее представители разделились на два лагеря. Одни, благоразумные практики... сплотились вокруг... вульгарно-экономической апологетики... другие, профессорски гордые достоинством своей науки... последовали попытке примирить непримиримое»; имеющееся теоретическое наследие при этом «превратилось в их руках в собрание догм». В ту пору один из лагерей персонифицировал И.В.Сталин, другой - Л.Д.Троцкий.

Сталин был наиболее выдающимся и последовательным выразителем и защитником интересов господствующей на данном этапе социализма социальной группы - номенклатуры. Созданная под непосредственным влиянием Ленина с целью обеспечения развития социалистической экономики как единого целого, жизненно необходимая и прогрессивная в период становления социализма, эта группа обеспечивала эффективное выполнение данной и других задач, которые были не под силу никаким другим социальным группам. В значительной мере

благодаря активности и самоотверженности этих людей, бывших в то время плотью от плоти пролетариата, социализм победил в неимоверно трудных условиях. И Сталин, сменивший Ленина в качестве лидера страны, именно как проводник интересов этой группы, к которой и сам органически принадлежал, совершил то, что навсегда останется в истории неосценимым вкладом в строительство социализма.

Но такова диалектика общественного развития, что неизменно то, что еще вчера было прогрессивным, по мере этого развития становится реакционным. С железной необходимостью это происходило и с номенклатурой - по мере завершения ею своей исторической миссии. Соответственно все более реакционной (точнее, охранительной) становится ее политика, опирающаяся в качестве «теоретического фундамента» на догматические положения сконструированного для ее нужд под руководством Сталина «марксизма-ленинизма», в том числе и те, которые, будучи верными в свое время, перестали соответствовать изменившейся ситуации. И наряду с подтвердившимся общественной практикой положением о возможности победы социализма не только в отдельной, но и в отсталой стране, находящейся во враждебном капиталистическом окружении, по мере нарастания противоречий между номенклатурой и основной массой трудящихся делается уже неверный, но крайне необходимый номенклатуре для оправдания своих действий вывод о нарастании внутренней классовой борьбы (все те же «родимые пятна») между буржуазией и пролетариатом (на самом деле уже давно исчезнувшими в нашей стране в качестве производственных классов) - со всеми вытекающими практическими последствиями для тех, кого объявляли «агентами буржуазии». О каких объективных исследованиях социализма в этих условиях могла идти речь? Рассчитывать на что-нибудь иное, кроме «вульгарной апологетики» (и не только «экономической»), никак не приходилось.

Казалось бы, другие возможности открывались перед Троцким и его последователями, особенно тогда, когда многие из них очутились вне досягаемости (как потом оказалось, относительно) «железной руки» Сталина. Но не тут-то было. Перегруженный старыми, отмечавшимися еще Лениным, теоретическими ошибками, ослепленный гжучей обидой, Троцкий оказался неспособным воспользоваться этими возможностями. Но самое главное, что и он не смог «выпрыгнуть» за интересы той общественной группы, которую представлял в качестве идеолога, и которой являлась часть все той же номенклатуры, но проигравшей в междоусобной борьбе. Как известно, основой его теоретических представлений являлась так называемая «теория перманентной революции». Ее теоретические корни растут все из того же представления об обязательности победы социалистической революции именно в передовых странах и только в мировом масштабе, которое пытались приспособить к

имевшимся фактам («примирить непримиримое»). Реального же хода событий Троцкий так и не принял. Если действительность не соответствует теории - тем хуже для действительности. Раз новое общество возникло «не по правилам», в одной, да еще отсталой стране, находящейся на периферии капиталистического мира - значит, это никакой и не социализм. А значит - даешь мировую революцию любой ценой! Тем более, что найти для себя место упомянутая часть номенклатуры могла только в условиях этой самой «перманентной революции». Что касается «реального социализма», то на что еще, кроме жалкого лепета все о том же «обуржуазивании», да еще «обюрокрачивании», был способен Троцкий, если он и сам душой и телом принадлежал все к той же номенклатуре, хотя и был исторгнут ею - этакий номенклатурный «падший ангел».

3. Социализм как общественно-экономическая формация

Относительность истины как нельзя более ярко проявила себя в представлении о социализме как первой фазе коммунизма. В момент своего возникновения оно имело конструктивный характер, позволяя, опять же в первом приближении, представить себе контуры будущего общества, но в качестве «теории» стало настоящими путями для теоретической мысли тогда, когда возникла необходимость анализа конкретного процесса его построения. Только его «отрицание», отказ от определения социализма как «пятнистого» коммунизма, представление его тем, чем он на самом деле и является, а именно, совершенно особой общественно-экономической формацией, отличающейся по своим основным общественно-экономическим характеристикам от коммунизма никак не меньше, чем от капитализма, причем не столько количественно, сколько качественно, открывает сегодня возможность действительно научного анализа данного строя, его становления и развития. Так что сейчас, когда нужда в научных представлениях об этом общественном строе необычайно усилилась, хочешь - не хочешь, а создавать теорию социализма придется нынешним марксистам. И создавать, обязательно опираясь на имеющееся теоретическое наследие, но принимая принципиально новые решения, смирившись с тем, что обнаружить их в трудах классиков марксизма не удастся.

На социализм, как определенный общественный строй, имеется три достаточно существенно различающиеся точки зрения. Имея генетическую связь с представлениями о социализме социалистов-утопистов, они, тем не менее, формировались по мере того, как убеждение последних в том, что социализм может быть создан в соответствии с определенным проектом, заменялись представлениями о развитии общества в соответствии с объективно существующими законами.

Первая такая точка зрения принадлежит социал-демократам. Они

считают, что в настоящее время достигнута добротная основа для общественного устройства, когда в принципе человек как суверенная личность может удовлетворить свое стремление к достижению собственных целей в условиях уважения выгоды других, вследствие наличия реальных недостатков нуждающаяся, однако, в совершенствовании. При обеспечении совершенной кооперации и имел бы место социализм, но поскольку, вследствие индивидуалистической природы человека, такая цель недостижима, то к ней нужно только постоянно стремиться, в чем и заключается глобальный смысл социал-демократического движения - при всех частных различиях между его отдельными течениями. Другими словами, здесь социализм представляется результатом прогрессивного развития нынешнего (буржуазного) состояния общества, и стало быть, не имеющим каких-либо собственных законов развития.

В доказательство справедливости такой точки зрения приводят достаточно высокий уровень жизни и социальной защищенности в так называемых «цивилизованных странах». При этом не только не рассматривается вопрос, что же делать гораздо более многочисленным «нецивилизованным» странам, которым даже в силу нынешней ограниченности природных ресурсов планеты «цивилизованный» путь западных стран заказан, но, что гораздо важнее, в рассуждениях о таком «социализме» стыдливо обходится то обстоятельство, что «социализация» западных стран своим экономическим основанием имеет прошлую и нынешнюю эксплуатацию остального мира и грабеж его природных ресурсов. Так когда-то в Древней Греции высокое развитие демократии ограничивалось свободными гражданами, а гораздо более многочисленные рабы, за счет эксплуатации которых существовало все общество, в расчет попросту не принимались. То же сейчас с «социализацией» на буржуазный манер. В свое время национал-социалистам не удалось построить свой «социализм» за чужой счет на национальной основе; «цивилизованные страны» сегодня гораздо более успешно добиваются той же цели на основе региональной («цивилизационной»). Ясно, что такой весьма удобный (для «всадника», но не для «лошади») «социализм за чужой счет» будущего не имеет - не вечно же эксплуатируемое большинство будет покорно его терпеть.

Коммунисты, базирующиеся на теоретической основе марксизма, представляют себе социализм как вполне реальное и достижимое посредством собственных усилий состояние общества. Однако в том, что касается его сущности вообще, и тех законов развития, которым он подчиняется, в частности, здесь также имеются весьма существенные различия.

Вторую точку зрения представляют те, кто ранние, доопытные гипотезы классиков марксизма возвел в ранг непогрешимого догмата веры. Для них социализм - первая фаза коммунистического общества, в каче-

стве таковой уже имеющая его сущностные характеристики, но еще не-сущая на себе последствия своего происхождения из общества капиталистического. Другими словами, для них это «ранний», еще «незрелый» коммунизм, чье развитие детерминировано конечной целью - полным коммунизмом, которым последний должен стать после созревания. Таким образом, и здесь социализм управляется не собственными законами развития, а законами развития другого общества. А поскольку это будущее общество, то здесь мы имеем достаточно явственный случай телеологического подхода, к науке отношения не имеющего.

Вообще понятие (а точнее, категория) «зрелости», которое сейчас все чаще используется для характеристики социализма в нашей стране (как, впрочем, и в других социалистических странах), применительно к общеметодологическим моментам имеет явно выраженный телеологический характер. Этимологически данное понятие восходит к определению относительно устойчивой взрослой формы биологического организма по сравнению с ее «ранними», еще «незрелыми», изменяющимися в сторону достижения «зрелости» формами. В этом случае конечная цель - взрослая форма - действительно как бы «из будущего» определяет в значительной степени (но не полностью, поскольку и «незрелый» организм находится в окружающей среде и вынужден взаимодействовать с ней как некоторое отдельное образование независимо от конечных результатов его развития) путь развития «ранней», т.е. как бы обратным воздействием влияет на формы незрелые, превращая их таким образом в ступени достижения зрелой формы. В этом случае такая возможность существует в связи с онтогенетически циклическим развитием биологических организмов. Но в филогенезе это как бы детерминирующее «будущее» на самом деле является «прошлым» - результатом борьбы за существование, эволюции, и ничего общего с мистическим влиянием конечного результата на процесс не имеет. А когда речь идет о действительном становлении того или иного объекта, входящего в определенный ряд развития (например, о том или ином общественном устройстве), рассуждения о его «зрелости» или «незрелости» уже напрямую приобретают мистическую форму телеологической заданности процесса развития конечным результатом. На самом деле характер реально существующего объекта на каждом этапе его развития определяется не мистическим стремлением к «зрелости», а исходными условиями и действующими законами. Моментом же развития некоего «зрелого» объекта каждый этап становится только после его «созревания», но не в момент существования - в этом случае он имеет самодостаточный характер, не привязанный к конечному результату, как тот выливается впоследствии (и который, кстати, мог бы оказаться и другим, если бы в процессе развития условия существования, редко остающиеся неизменными, изменились иным образом). Только «в искаженно-спекулятивном

представлении делу придается такой вид, будто последующая история является целью для предшествующей... Таким способом бесконечно легко придать истории «единственные» обороты: для этого достаточно изображать каждый раз самый новейший ее результат в виде «задачи», которую «она искони ставила перед собой»... Можно, например, утверждать, что подлинная «задача», которую «искони ставил себе» институт земельной собственности, заключалась в вытеснении людей овцами - последствие, обнаружившееся недавно в Шотландии». Пользуясь такой методологией, «излагают историю только с той целью, чтобы изобразить рассматриваемую эпоху как несовершенную, предвзятую («незрелую» - Л.Г.) ступень, как еще ограниченную предшественницу истинно исторической («зрелой» -Л.Г.) эпохи».

И, наконец, все явственнее начинает проявляться третья точка зрения на социализм, согласно которой социализм представляет собой особую общественно-экономическую формацию со своими собственными законами функционирования и развития, существенным образом отличающимися от законов как капиталистического, так и коммунистического общества. В этом случае социализм сам по себе (а не только как продолжение капитализма или преддверие коммунизма) становится объектом изучения. Это уже строго научный подход, не имеющий ничего общего ни с метафизической консервацией «старых» законов общественного развития, ни с телеологическим управлением «из будущего», а представляющий этот общественный строй как самостоятельный качественно отличный этап в ряду других этапов общественного развития, хотя и отличающийся определенным своеобразием.

Поясним эту мысль на примере, столь любимом нашими философами для демонстрации качественного скачка, - переходе воды из жидкого в газообразное состояние и обратно. Они знают, что при подводе (или отводе) тепла агрегатное состояние воды скачкообразно изменяется и она приобретает ряд новых, существенно отличных от прежних, свойств. Но большинство из них даже не подозревает, что между этими двумя крайними состояниями (жидким и газообразным) существует целая область так называемого влажного пара. И это вовсе не простая смесь жидкости и пара, влажный пар имеет ряд особенностей, не присущих ни той, ни другому. Это можно представить наглядно, если изобразить соответствующий переход, например, на так называемой PV-диаграмме. На ней ясно видно, что речь идет далеко не о «постепенной замене старого новым», а о довольно сложном и специфическом процессе, имеющем свою внутреннюю структуру с «переходами второго порядка», на той же диаграмме фиксируемыми в виде особых линий, именуемых спинодалями.

Конечно, если рассуждать о переходе жидкости в пар «вообще», все это можно считать не столь уж существенным, и физики в свое вре-

мы имели полное право так поступать. Но это только до тех пор, пока не доходит дело до решения практических задач. А вот если бы инженер-теплотехник при конструировании или эксплуатации соответствующих устройств решил считать влажный пар «еще жидкостью» или «уже паром» (пусть даже с «родимыми пятнами» того агрегатного состояния, из которого он произошел), ничего, кроме конфуза, не получилось бы. Ибо в практическом отношении это и не жидкость, и не пар, а совершенно специфическое состояние воды, причем отнюдь не неизменное на протяжении всего перехода. И важнейшее его отличие от других состояний заключается в том, что его существование и характеристики кроме внутренних процессов в весьма существенной степени определяются внешними влияниями, прежде всего тем, что данный объект существует в поле земного тяготения.

Может быть, этот пример яснее покажет, почему вопрос о том, является ли социализм первой фазой коммунизма или особым состоянием общества, столь тесно связан с тем, имеет ли социалистическая революция всемирный характер и одновременно происходит в большинстве наиболее развитых стран, или первоначально локальный в одной относительно отсталой стране: в первом случае внешние влияния несущественны, во втором же они играют важнейшую роль. Если бы верным оказался первый вариант, то действительно речь шла бы только о простом переходе из одного «агрегатного состояния» в другое путем выведения «родимых пятен», и действительно социализм представлял бы собой первую фазу коммунизма. Но в действительности верным оказался второй, всемирная революция «задержалась» на неопределенное время, а значит «смесь» должна существовать достаточно долго. Ее реальное существование показало, что она имеет собственные весьма специфические характеристики, отличные как от одного, так и от другого крайних состояний. И это действительное состояние общества нужно изучать, выявляя присущие ему закономерности, а не навязывать ему априори заданные определения.

Тот скачок в общественном развитии, который происходит при переходе от классового к бесклассовому обществу, является диалектическим переходом более высокого порядка, чем происходившие ранее переходы в пределах классового общества между различными его этапами. Однако, признавая фундаментальный характер соединяющих данные этапы скачков в общественном развитии, некоторые «диалектики» совсем недиалектически переходный период между этими этапами представляют себе как период «вытеснения» старого новым. Но ведь именно фундаментальность перехода (в отличие, скажем, от переходов между этапами развития внутри классового общества) имеет следствием не только его протяженность во времени, но и необходимость внутри данного периода ряда качественных скачков низшего порядка, своеобраз-

разных «ступенек». В частности, что касается перехода между классовым и бесклассовым обществом, то при этом из отдельных «атомов»-индивидов, характерных для классового общества, не может быть непосредственно сформирован монолитный «кристалл» общества коммунистического, общества «ассоциированных индивидов», просто путем их постепенной агрегации. Такой «переходный период» недиалектичен теоретически и невозможен практически.

И теоретически, и реально он возможен только как период, качественно отличный как от предыдущего, так и от последующего периодов, как такой период, когда внутреннее строение общества не является ни «атомизированным», ни «ассоциированным», и, главное, не составляет «смеси» одного и другого. Это период формирования из «атомов» неких «молекул», на базе которых только и сможет в будущем сформироваться «кристалл». Потому этот период - социализм - и представляет собой состояние общества, качественно отличное как от капитализма, так и от коммунизма, что он является уже не обществом разрозненных индивидов, но еще и не единым обществом-человечеством. Это общество тех самых «молекул» - коллективов. Это не «государственный капитализм» и не «незрелый» коммунизм, а совершенно особенное общественно-экономическое образование. А ведь, казалось бы, уж кому-кому, а философам, зубы съевшим на диалектике единичного, особенного и всеобщего, совершенно излишне объяснять, что особенное - это именно особенное, а не «недозрелое» всеобщее или «перезрелое» единичное.

О грядущем обществе Маркс говорил, что оно будет обществом, «основанном на началах коллективизма». Положение о коллективистском характере нашего общества имело у нас широкое распространение, но главным образом для его обобщенной характеристики. А вот «само понятие коллективизма в большинстве случаев анализировалось нашими учеными в качестве момента, сопутствующего анализу других понятий», в то время, как именно коллективизм является наиболее важным моментом для понимания сущности социализма, отличающим его от всех других формаций, в том числе как от предыдущей (капитализма), так и последующей (коммунизма).

Ввиду столь важной роли коллективизма для характеристики социализма как общественно-экономической формации, необходимо достаточно точно определить, какое содержание мы здесь вкладываем в понятие коллектива. Дело в том, что группа, в которую объединяются индивиды для достижения своих целей, недостижимых порознь, обеспечивающая синергетический эффект их действий, в подразумеваемом здесь смысле коллективом еще не является, - как некоторое количество даже органически соединенных между собой клеток еще не являются организмом. Коллектив возникает тогда, когда вследствие качественно-

го скачка данное объединение выходит за рамки узко утилитарных целей.

С социально-психологической точки зрения классовое общество (тем более в его высшей стадии общества буржуазного) является конгломератом «атомизированных» индивидов. По словам Маркса, «в «гражданском обществе» различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость». Живя в антагонистическом обществе, эти индивиды, ввиду общественной сущности человека, не могут не включаться в различные структурные образования, но, тем не менее, остаются все же «атомами», не вступающими в «химическую реакцию» с образованием нового качества, и, стало быть, не создают таких социальных структурных образований, которые можно было бы назвать коллективами. В противоположность этому коммунизм есть, по Марксу, обществом «ассоциированных индивидов». Здесь общество представляет собой целостный организм, каждый член которого включается в отдельные структурные образования только с конкретными «технологическими» целями, а в общем уже сам по себе выполняет роль органического элемента целого, не нуждаясь в промежуточных формах объединения - коллективах - как неких социальных структурных образованиях.

Переход от одного к другому, представляя собой качественный скачок высшего порядка, неосуществимый эволюционным путем постепенного нарастания всеобщей агрегации упомянутых «атомов», может и должен произойти (и прежде всего - в области материального производства) через этап локальной организации, первичной агрегации с формированием из «атомов» тех «молекул», которыми, в частности, являются производственные коллективы. Но настоящий производственный коллектив появляется не тогда, когда какое-то количество людей внешней силой или по собственному почину объединяются для более успешного выполнения определенных функций (это необходимая подготовительная стадия, которую в массовом порядке осуществляет капитализм посредством укрупнения производства), а когда данное объединение приобретает функциональное единство, базирующееся на этих функциях, но не сводящееся к ним, когда связанная производственным процессом группа людей приобретает существенные признаки целостности как социальный «квазиорганизм». Вот тогда-то из собранных вместе в едином производственном цикле работников возникает производственный коллектив. Это происходит при социализме.

Образование коллектива требует определенных общественных условий, и они-то как раз и появляются со становлением социалистического строя. С другой стороны, будучи коллективистским по своей сути, социализм, в свою очередь, создает саму возможность образования

коллективов, те условия их образования, которых до социализма просто не могло быть (именно в этом причина отмечавшегося Лениным отличия социалистической революции от буржуазной, уже застающей готовыми буржуазные отношения). Образование коллективов предполагает определенный характер взаимосвязей в цепочке «индивид-коллектив-общество», т.е. такое положение в производственных отношениях, когда эта группа - не самостоятельное объединение индивидов, а элемент, впаиванный в целостную общественную систему, через которую индивид в своих главных социальных функциях включается в общество.

Таким образом, чтобы производственная группа превратилась в коллектив, т.е. составила не простой конгломерат, а некоторое (относительное) целое, требуется по крайней мере наличие двух моментов, отражающих необходимые внутренние и внешние связи этого образования. Нужно иметь в виду, что:

1. Люди всегда объединяются ради совместного достижения некоторой цели, для удовлетворения какой-то потребности. Но в определенных условиях это объединение позволяет эффективно удовлетворять также другие потребности, кроме тех, ради которых оно было создано, в том числе, что еще более существенно, и просто посредством самого вхождения в данную группу. В последнем случае коллектив для человека из средства превращается также и в цель, что и является характерной особенностью его как коллектива.

2. Коллектив есть именно относительное целое, не замкнутое само на себя (как, к примеру, кооперативное предприятие в капиталистическом окружении), но представляющее органическую часть действительного целого - общества. Другими словами, это не самостоятельный организм в некоторой социальной среде, но орган общественного организма («клеткой» которого является отдельный индивид), без него и вне его теряющий свою качественную определенность (в невозможности соблюдения этого условия - причина неудачи «идеальной промышленной общины» Оуэна, как и других подобных образований). Человек может входить во многие коллективы, хотя наиболее важным и существенным из них является коллектив производственный.

Первый момент создает условия для трансформации характера удовлетворения основных общественных потребностей человека, освобождая его от порой антиобщественной формы, которую он имеет в классовом обществе. Второй включает коллектив в общество и способствует постепенному расширению границ коллектива до границ всего общества в целом. Только совместное осуществление этих двух функций обеспечивает формирование человека коммунистического общества, т.е. выполнение основной социально-психологической задачи социализма.

Таким образом, в обществе, которое при социализме еще не охватывает в качестве единого организма все человечество (что является

непременным условием коммунистического общества - ни о каком коммунизме «в отдельно взятой стране» или группе стран и речи быть не может) и имеет внутреннюю социальную дифференциацию, между индивидом и обществом располагается особая социальная группа с непосредственными технологическими, экономическими и социальными связями - коллектив. Непонимание данного фундаментального момента - коллективистского характера социализма, отличающего его как от всех до сих пор имевших место, так и от будущей общественно-экономических формаций, - делает абсолютно безнадежными попытки понять характер современного общественного развития.

Важнейший момент нового строя - коллективизм - связан с весьма существенным изменением социальной психологии. Человек-коллективист ощущает себя хотя еще и не органической частью всего человечества, но уже и не изолированным индивидом, интересы которого в принципе противостоят интересам всех остальных людей. Он ощущает себя частью определенного общественного образования, в которое входит как составной элемент, интересы которого отражают его интересы, а в некотором смысле имеют для него даже более высокий уровень приоритета, чем личные. Такое изменение представлений составляет настоящий психологический перелом - равный (но обратный по знаку) тому перелому, который происходил при разрушении первобытной общественной целостности, последним (и частичным) воплощением которой являлась община. Потому такой психологический перелом значительно облегчен для тех общественных образований, которые сохранили остатки общинных отношений. Конечно, именно вследствие своего различного положения в процессе общественного развития, община и коллектив достаточно существенно различаются в социально-экономическом отношении, однако важно то, что они оба характеризуются частичной агрегацией индивидов. Вытравить из сознания людей общинные начала не так-то просто, на Западе для такой «перестройки» понадобились века борьбы «всех против всех», тяжелейшие процессы Реформации, одной из главных целей которой объективно и было внедрение социальных и психологических установок индивидуализма. Наши предки не прошли такой «обработки», а в результате это очень способствовало социалистическим преобразованиям (ниже мы еще коснемся этого вопроса). И сейчас, несмотря на трагические события, которыми в свое время сопровождалась коллективизация крестьянства, именно на селе старания «демократов» по разрушению коллективистских стереотипов меньше всего позволили им достичь своих целей.

Когда рассматривается проблема социализма как соответствующего состояния общества, невольно возникает вопрос: а не имеет ли место здесь чисто терминологический спор? В конце концов, не все ли равно, называть социализм первой фазой коммунизма (тоже ведь пред-

ставляющей собой своеобразный «переходный период») или особой общественно-экономической формацией, переходной между классовым и бесклассовым обществом? Может, это и было бы все равно, если бы речь шла о неких абстрактных определениях. Но нам знания о социализме прежде всего нужны для конкретной оценки происходящих процессов и определения программы действий. И если социализм считать первой фазой коммунизма, то для его понимания следует руководствоваться механизмами последнего, т.е. исходить из общественной собственности на средства производства, непосредственно-общественного характера труда и т.п. В этом случае при всех их особенностях, связанных с «незрелостью» этой фазы коммунизма, они уже представляют собой высший тип общественной организации. Следовательно, в его анализе отпадает необходимость в том, что составляет основу марксистского материалистического анализа процесса общественного развития - в исследовании противоречия между революционными производительными силами и относительно консервативными производственными отношениями. В результате у нас все дело сводили к устранению «родимых пятен» капитализма и расчистке дороги уже имеющимся закономерностям коммунизма. Да еще и антагонистические классы отсутствуют, одни «дружественные», соответственно нет и объективной базы для социальных потрясений. А они, эти потрясения, вдруг произошли, да еще какие! Но как же их объяснить в русле марксистской социологии, если фактически отказались от ее основного инструмента для анализа общественных процессов? Значит, либо искать причины вовне, либо ставить во главу угла субъективные факторы: кто-то заблуждался и чего-то не понял, не учел, не сделал, или, наоборот, извратил, сделал не так, а кто-то отступил от «генеральной линии» и заветов, допустил то, чего допускать не следовало, а то и вообще предал идеалы... Или же искать ответ в какой-то абстрактной «незрелости» социализма? Фактический переход от материализма к идеализму в анализе общественных процессов - вот цена ошибок в решении казалось бы сугубо терминологических проблем. Только возвращение к марксистской методологии социального анализа может обеспечить возможность решения основных вопросов теории социализма.

А.Махоткин

Пропорциональное разделение продукта: становление, значение, перспективы

В начале 80-х годов в нашей стране родилось принципиально новое производственное отношение, выводящее за рамки системы найма и отчуждения - пропорциональное разделение продукта. Появилось оно не столько благодаря официальной экономической науке, сколько вопреки ей. Возможно, поэтому и нашло свое отражение преимущественно в публицистике. Но вскоре и журналистам стало не до него.

Началась «перестройка». Затем последовало крушение советского строя, «радикальные экономические реформы», разрушение и разорение великой державы.

Но история не движется по прямой, и рано или поздно все то действительно положительное, что в ней было приобретено, вновь востребуется и находит применение в новых условиях. К таким приобретениям советского периода, несомненно, относится и пропорциональное разделение продукта.

Отношение найма и отчуждение

Чтобы разобраться, чем пропорциональное разделение продукта отличается от его разделения в системе наемного труда, обратимся вначале к отношению найма. В свое время оно было подробнее проанализировано К.Марксом, поэтому здесь есть смысл лишь упомянуть основные его особенности применительно к нашему рассмотрению.

Как известно, заработная плата наемных работников определяется тем минимумом, за который они согласны трудиться. Причем, как показал К.Маркс, этот минимум в среднем равен стоимости воспроизводства их рабочей силы [1]. Это справедливо не только по отношению к капиталистическим странам. В Советском Союзе уровень зарплаты, необходимый «для обеспечения воспроизводства рабочей силы» тоже определялся «прожиточным минимумом трудящихся» - с учетом их потребления из общественных фондов [2].

Что же позволяет нанимателям сводить заработную плату наемных работников к их прожиточному минимуму? Такое положение определяется отчужденностью от непосредственных работников средств их производства. Если рабочему не принадлежит ни орудие его труда, ни сырье, которое он обрабатывает, то ему не принадлежит и продукт его труда, и сам его труд, воплотившийся в этом продукте. С самого начала его труд воплощается в том, что рабочему не принадлежит. Поэтому с самого начала это НЕ ЕГО, ЧУЖОЙ ДЛЯ НЕГО труд.

Он принадлежит его нанимателю. Это и позволяет нанимателю - неважно от чьего имени он выступает: от себя самого, от какой-то корпорации или от государства - возвращать рабочему из созданной его трудом стоимости как раз столько, сколько необходимо и достаточно, чтобы он, восстановив израсходованную за день рабочую силу, мог и завтра выполнять ту же работу. Точно так же наниматель заботится о пополнении запасов сырья, замене вышедшего из строя оборудования и т.п.

Своим трудом работники переносят на продукцию стоимость сырья, оборудования и других использованных средств производства и добавляют к ней новую стоимость, которая впоследствии образует валовый доход предприятия. Величина валового дохода, равная разнице между всей стоимостью продукции и стоимостью израсходованных на нее средств производства, $A = W - C$, это не что иное, как общественное выражение и ОБЩЕСТВЕННАЯ МЕРА ТРУДА работников предприятия. Из этой созданной ими стоимости (продукта труда) каждый работник получает в форме зарплаты, премий, различных доплат свой прожиточный минимум, а все они, вместе взятые - их совокупную заработную плату, то есть сумму их индивидуальных минимумов, $\min$:

$$V = \min.$$

То, что остается от валового дохода (продукта труда) после вычета из него совокупной зарплаты работников, образует прибыль предприятия: $A - V = M$.

Весь процесс разделения продукта, присущий отношению найма рабочей силы может быть выражен как

$$\begin{array}{c} V = \min \\ / \\ A \\ \backslash \\ M = A - V. \end{array}$$

Суть его предельно проста: МИНИМУМ НА ЗАРПЛАТУ, ОСТАЛЬНОЕ - В ПРИБЫЛЬ. При прочих равных условиях, чем меньше зарплата работников - тем больше прибыль предприятия. И наоборот, чем больше зарплата, тем меньше прибыль.

Никакой определенной зависимости между созданной трудом стоимостью (продуктом) и заработной платой работников не существует. Их оплата их общественному труду заведомо непропорциональна. Точно так же не существует и никакого определенного соотношения, в котором валовый доход делится на заработную плату и прибыль. Оно постоянно меняется под влиянием самых разных обстоятельств.

Продукт труда всегда делился на две части, одна из которых обеспечивала индивидуальное потребление работников, а другая предназначалась для удовлетворения других потребностей общества, выходящих за рамки их индивидуального потребления. Но способ разделения продукта и экономические формы его частей менялись. Вполне определенного их изменения требует и выход общества за рамки системы найма и отчуждения. Что это за изменение?

Система коллективного снабжения

Первым шагом к преодолению отношения найма стало «коллективное снабжение рабочих», введенное летом 1921 года на 39 крупнейших предприятиях страны. К февралю 1922 года число таких предприятий возросло до 97. Суть коллективного снабжения состояла в том, что фонды заработной платы предприятий исчислялись по наличному составу рабочих на март 1921 года и выдавались предприятиям «в том проценте, в каком выполнялась производственная программа ... по количеству выработанной продукции», независимо от изменения штата рабочих. На предприятиях эти денежные и натуральные фонды распределялись в соответствии с квалификацией рабочих. Со всех прочих видов гарантированного государственного снабжения опытные предприятия снимались и свои производственные потребности удовлетворяли с помощью рыночных связей [3].

В системе коллективного снабжения оплата работников определялась уже не стоимостью воспроизводства их рабочей силы, а исходной на начало эксперимента величиной фонда заработной платы, $V_{исх}$, и процентом выполнения производственного задания:

$$V = V_{исх} \frac{N}{n}.$$

где N - фактическое количество выработанной продукции, n - производственное задание.

При этом оплата работников предприятия представляла собой не сумму их индивидуальных зарплат, как в системе наемного труда, а была

пропорциональна выполнению ими производственного задания, то есть проделанной коллективом работе. По сути, это была изначально общая для них, гарантированная государством КОЛЛЕКТИВНАЯ ОПЛАТА ПО ТРУДУ. В отличие от зарплатy обозначим ее как О.

Если принять, что на фактически произведенное количество продукции, N, затрачен труд, выразившийся в продукте (стоимости) А, а на выполнение всего производственного задания, n - в продукте а, тогда

$$\frac{N}{n} = \frac{A}{a}.$$

Следовательно,

$$O = \text{Висх} \frac{N}{n} = \frac{\text{Висх} A}{a} = \text{Нo} A,$$

где Нo - постоянная величина, равная отношению исходной оплаты к плановому продукту, то есть коэффициент пропорциональности, НОРМА КОЛЛЕКТИВНОЙ ОПЛАТЫ работников, показатель их доли в продукте.

Следует заметить, что и коллективная оплата, и норма оплаты, как особые экономические формы, в коллективном снабжении еще не присутствовали. Правда, они уже реализовались, но еще не прямо, а окольными путями.

Пропорциональность разделения продукта (дохода) устраняет его отчуждение от работников, а с ним - и наемный характер их труда. Те, кому принадлежит доход (определенная его доля) - уже не наемные рабы, а совладельцы.

Опыт коллективного снабжения дал положительные результаты. В апреле 1922 года Всероссийский центральный совет профсоюзов отмечал, что «коллективные формы оплаты труда улучшили положение рабочих, заинтересовали их в повышении производительности и благотворно повлияли на оздоровление нашего народного хозяйства» [4].

Вместе с тем коллективное снабжение было еще довольно несовершенным: первый шаг и не мог быть безупречным. Его глубинная суть была мало кому ясна. Зато совершенно очевидным было противоречие коллективного снабжения индивидуальной сдельщине, хозрасчету и всей новой экономической политике, которая восстанавливала в промышленности отношение найма рабочей силы [5]. Как писал тогда

В.И.Ленин «мы привлекаем частный капитал вместе с нашим капиталом»[6].

По сути дела, тогда столкнулись две противоположные, тенденции: ПРЕОДОЛЕНИЯ, УСТРАНЕНИЯ отношения найма рабочей силы, уже подорванного «военным коммунизмом», и его ВОССТАНОВЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЯ, ПРИСПОСОБЛЕНИЯ к новым социально-политическим условиям в рамках госкапитализма и НЭПа.

Первая в перспективе вела к обобществлению национализированных после революции средств производства, вторая - к сохранению государственной монополии на них, ее последующему стихийному разложению и, в конечном счете, к реставрации капитализма. Вторая тенденция оказалась сильнее, и в 1922 году опыт коллективного снабжения был прекращен.

Разложение государственной монополии

На протяжении всей советской истории тенденция к сохранению системы наемного труда оставалась доминирующей, а тенденция к преодолению найма, к пропорциональному разделению продукта - подчиненной, скрытой, временами и пресекавшейся со стороны государства. Такое развитие событий было обусловлено господствовавшими среди трудящихся и в партии большевиков представлениями о социалистических общественных отношениях.

В апреле 1917 года В.И.Ленин говорил : «Мы должны теперь ставить вопрос о социализме иначе, чем он ставился, из области туманного мы должны перенести его в конкретнейшую область: национализация земли, контроль за синдикатами и т.д.» [7]. Перед самой революцией, в августе-сентябре, он писал о социализме: «ВСЕ граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими ОДНОГО всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. ... Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»[8]. В марте 1918 года В.И.Ленин в «Черновом наброске проекта программы» ставил, наряду с другими, задачу «постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки, постепенного выравнивания ВСЕХ заработных плат и жалований во ВСЕХ профессиях и категориях» [9].

Мы видим, что работа по найму (правда, не у «частника», а у государства и за равную зарплату) им не только не исключалась, но напротив, распространялась на всех граждан. Поразительно точно подтвердилось предвидение К.Маркса о том, что коммунизм «в его первой форме является лишь ОБОБЩЕНИЕМ И ЗАВЕРШЕНИЕМ отношения

частной собственности. ... Для такого коммунизма общность есть лишь общность ТРУДА и равенство ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, выплачиваемой общинным капиталом, ОБЩИНОЙ как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ всеобщности: ТРУД - как предназначение каждого, а КАПИТАЛ - как признанная всеобщность и сила всего общества» [10].

Сохранение найма и отчуждения полагало разобщение труда и необходимость его административного соединения. В начале 1920 года IX съезд партии отмечал, что «меры централизма, которые явились результатом первой эпохи экспроприации буржуазной промышленности и которые неизбежно привели к разобщенности предприятий на местах ... имели своим последствием те чудовищные формы волокиты, которые наносят непоправимый ущерб нашему хозяйству». Поэтому «наряду с предоставлением местным хозяйственным организациям большей самостоятельности, необходимо увеличивать непосредственную хозяйственную заинтересованность местного населения в результатах промышленной деятельности» [11]. В полной мере это было реализовано в рамках НЭПа.

Расширение самостоятельности предприятий положило начало длительному развитию экономических отношений социалистического государства с принадлежащими ему предприятиями, общий ход которого показан в таблице.

Жизнь богатой любой схемы, и на каждом из этапов разложения «всенародного, государственного «синдиката» отживающие формы экономических отношений между предприятиями и государством переплетались с вновь нарождающимися. Все промежуточные формы носили переходный характер и содержали в себе остатки прежних и зародыши последующих. В разных отраслях переходы от одной формы к другой происходили по-разному и неодновременно. Тем не менее их историческая смена образует правильный ряд разложения государственной монополии на средства производства.

Эта смена форм закономерна. В период нэпа плановое управление получило развитие на основе уже оформленного отношения найма. За немногие годы разложение государственно-капиталистической монополии за счет развития ее капиталистических начал, дополненных рыночной формой связи, достигло своего предела и в 1929 году постановлением ЦИК и СНК СССР был введен порядок единых долевых отчислений прибыли в госбюджет [12]. Страна встала на грань того, что впоследствии реализовалось у нас как «перестройка». Но тогда и потенциал государственной монополии, и энергия толчка, заданного обществом революцией были еще далеко не исчерпаны. Поэтому упомянутое постановление осталось нереализованным и вскоре было отменено.

Развитие форм и методов планового управления хозрасчетным хозяйством позволило не только предотвратить распад государственного капитала, но и, вскоре, повернуть вспять процесс его разложения. Экономические формы связи были отодвинуты на второй план. В бюджет поступала вся или почти вся прибыль предприятий. «Ножницы цен», при помощи которых в бюджет изымалась часть доходов колхозов, были, по существу, своеобразной формой процента, нередко превышавшего прибыль [13, 14].

Историческая смена форм экономических отношений между социалистическим государством и принадлежащими ему предприятиями

Распределение стоимости продукта между предприятиями и государством	Формы финансирования производства	Исторические периоды проявления
<div> <div>в ведении предприятия</div> <div>в ведении государства</div> </div>		
-	Сметное финансирование	Период «военного коммунизма» (1917-1921 гг.)
C	Бюджетное финансирование V + M - до перехода к заключению коллективных договоров	Начало нэпа (с 1921 по 1922-1925 гг.)
C + V	M - после перехода к заключению коллективных договоров*)	Становление с 1922 г.; период стабильности с начала 30-х до конца 50-х гг.; разложение с 1965 г.
C + V + M	% Самофинансирование**)	Конец нэпа (не реализовано); с янв. 1985 г. до приватизации гос-собственности

*) До 1965 года прибыль предприятий не исчислялась и проявлялась лишь в отрицательной форме, как «себестоимость» продукции. **) Во всех предыдущих формах процент, составляя часть прибыли, не выделяется из нее. Финансовый и промышленный капитал слиты.

К концу 50-х годов развитие производительных сил переросло возможности планово-директивного управления ими на прежнем уровне централизации, и после ряда экономических потрясений, с 1965 года начался новый, уже необратимый этап окончательного разложения государственной монополии на средства производства. Доля прибыли, которая с 1965 года стала оставаться в образованных тогда фондах предприятий, постепенно росла. Уже в середине 70-х годов, экстраполируя общедоступные цифры [15], легко было подсчитать, что к началу-середине 80-х годов эта доля перевалит в среднем за половину. Общая направленность процесса не вызвала сомнений.

Одновременно с объективными вызревали и субъективные предпосылки распада государственной собственности на средства производства. Проявления недостаточности планово-директивных связей вместе с официальным упором на рубль (вездесущий дефицит, погоня за премиями и т.п.) вели к меркантилизации общественного сознания, готовили почву для будущей «перестройки» и «радикальных экономических реформ».

На протяжении всех советских десятилетий наша история была связана с государственной монополией на средства производства и наймом у государства. Встав на этот путь, а вернее, не сумев сойти с него в 1921-22 годах, мы прошли его до конца. Но разложение государственной монополии, ограниченность и ослабление административно-директивных связей компенсировались стихийным развитием не только рыночных, но и коллективно-общественных форм связи.

Оплата за центнер

Обратимся теперь к противоположной тенденции исторического развития, направленной на преодоление найма и отчуждения.

Потерпев поражение в 1922 году, она на время сошла со сцены - НЭП не способствовал ее проявлению. Но на рубеже 20-х - 30-х годов, с общим оживлением революционных начал, стремление рабочих к действительной оплате по труду реализовалось в движении «ударных», затем «хозрасчетных» бригад. Объединялись в них рабочие добровольно, коллективную оплату делили между собой, чаще всего, поровну [16]. Возобладавшие со середины 30-х годов консервативные тенденции, а затем война, разруха и ее преодоление надолго прервали этот процесс. И только со середины 50-х годов в народном хозяйстве все

шире стали распространяться различные формы коллективного (бригадного) подряда.

Для начала рассмотрим в одну небольшую, частную историю, которая как в зеркале отразила в себе общий ход исторического процесса [17].

В 50-х годах, на Кубани, механизатору В.Я.Первицкому не удавалось наладить механизированный уход за посевами кукурузы из-за того, что сдельные расценки делили труд на выгодные и невыгодные операции. На этой почве у Первицкого возник конфликт с его напарником Карнауком. Карнаух невыгодные операции выполнять не хотел, в результате чего были испорчены 10 га посевов из тех 300 га, которые они возделывали вдвоем.

В.Я.Первицкий попросил платить ему с Карнауком поровну. Ему ответили, что нельзя. Тогда он сам договорился с напарником делить получку пополам. Однако, после уборки тот пошел на выгодную пахоту и не стал делиться с Первицким.

Первицкий вновь обратился к экономисту П.Еркаеву и потребовал построить оплату так, чтобы на любой работе получать одинаково, а еще лучше, чтобы вообще не считать выработку. Дайте план урожая, затраты, оплату за центнер. А до уборки - только авансы. Еркаев согласился.

В звене добавился еще один механизатор - Ф.Галка. Втроем они взялись выращивать 560 га кукурузы и 40 га подсолнечника. В новых условиях оплаты результаты получились лучшими, чем у известного тогда американского фермера Гарста, к которому Н.С.Хрущев ездил за опытом выращивания кукурузы. Затраты труда на 1 ц кукурузного зерна не превысили в звене Первицкого 11 человеко-минут и оказались в 12-15 раз ниже, чем в среднем по их Новокубанскому району. Сказалось успешное освоение новой для того времени технологии механизированного возделывания этой культуры.

Присмотримся теперь к оплате за центнер, которая так удивительно сказалась на результатах. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в ней, как и в системе коллективного снабжения, с самого начала был заложен принцип оплаты пропорционально достигнутому результату. Действительно, если расценка за центнер зерна, v , составляла определенную долю стоимости этого центнера, w , то оплата звена, V , была равна такой же доле стоимости всего выращенного звеном урожая, W :

$$\frac{v}{w} = \frac{V}{W} = \text{Ho}(w),$$

где $Ho(w)$ - норма коллективной оплаты по стоимости выращенного урожая.

Но стоимость урожая - это результат не только труда работников коллектива. Она включает в себя и стоимость использованных средств производства, которой они не создавали. Поэтому, чтобы оплата звена по стоимости урожая, V , опосредствованная расценкой за центнер, v , действительно стала коллективной оплатой по труду, из нее необходимо вычесть пропорциональную ей долю стоимости израсходованных средств производства:

$$V = W Ho(w) = (A + C) Ho(w) = A Ho(w) + C Ho(w);$$

$$O = A Ho(w) = V - C Ho(w).$$

Это уменьшение коллективной оплаты на величину производственных затрат могло достигаться за счет соответствующего понижения планируемой расценки за центнер. Но после того, как коллектив приступил к работе, фактические затраты на средства производства уже не могли повлиять на расценку и, следовательно, на размер оплаты работников.

Стоимость средств производства, затраты прошлого труда общества не входили в количественное определение этой оплаты. Самой формой расценки за центнер средства производства были отделены от живого труда и этим ему противопоставлены. Поэтому экономия живого труда и повышение оплаты работников могли, в принципе, достигаться ими и за счет перерасхода прошлого общественного труда. Кроме того, в зависимости от правильности определения расценки за центнер и от степени совпадения плановых и фактических величин урожая и производственных затрат, эта оплата могла быть завышенной или заниженной.

Вместе с тем, хотя коллективный труд еще не стал для работников органической частью всего совокупного общественного труда, он уже стал собственным трудом каждого из них. Коллективное присвоение продукта (определенной его доли) устранило отчуждение от работников результатов труда и самого их труда. А изменение их объективного отношения к своему труду изменило и их субъективное отношение к нему. Вот как объяснял причины достигнутых успехов В.Я.Первицкий.

Нет трактористов и комбайнеров. Все знают всю технику. Заработок каждого зависит от механизаторского класса, но механизаторы стремятся узнать не только машины, но и землю. Удобрения не «вывозят» на поля, а вносят. Поломка стала чрезвычайным происшествием. Агроном - не контролер, а советчик.

Это и есть свободный труд. Изменение отношения работников к продукту труда изменило их практическое отношение не только к своему труду, но и к средствам своего производства - технике, земле. Что неизбежно входило в противоречие с их юридическим отношением к ним.

По словам К.Маркса, «всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства» [18]. А последнее было в Советском Союзе двойственным и противоречивым. Средства производства принадлежали социалистическому по своим целям и задачам государству, Именно этим и определялась необходимость и принципиальная возможность выхода советского общества за рамки системы наемного труда. Именно поэтому и шел в нем стихийный процесс вызревания пропорционального разделения продукта. Вместе с тем, оставаясь в собственности государства, средства производства были еще отчуждены от непосредственных работников, а вопрос о превращении государственной собственности в общественную не только не решался, но и не ставился. Поскольку эти виды собственности не различались, этот вопрос казался лишенным смысла. Точнее, отождествление государственной и общественной собственности полагало видимость его разрешения [19].

По сути дела, оплата в виде расценки за центнер была противоречивой попыткой изменить форму собственности на продукт труда не меняя формы собственности на средства производства. Поэтому она не могла быть долговременной. Когда коллективный труд дал чрезвычайно высокие результаты и, соответственно, возрос заработок механизаторов, приехала комиссия. В соответствии с канонами системы найма расценки пересмотрели. Впоследствии эта форма коллективной оплаты была сведена к групповой заработной плате в рамках аккордно-премиальной системы [20].

История довольно типичная. И хозяйственная бюрократия, и официальная наука к любым практическим поползновениям в сторону пропорционального разделения относились крайне подозрительно. Они справедливо усматривали в этом покушение на собственность социалистического государства и совершенно не замечали начал более высокой, общественной собственности. Для этого нанимателям от имени государства (и обслуживавшей их науке) надо было мысленно выйти за рамки найма, то есть покинуть почву своих классовых интересов. А это оказалось им не под силу, и в решающий момент они, как известно, предпочли покинуть почву социализма. Но это было далеко впереди.

Пропорциональное разделение

С середины-конца 50-х годов движение за коллективную организацию труда постепенно приобретало все больший размах, и к концу

70-х - началу 80-х годов, пожалуй, трудно было найти такую отрасль или крупное предприятие, где бы не экспериментировали с различными формами коллективной оплаты. Это мощное движение шло снизу. Его движущей силой было стремление рабочих получать по труду не на словах, а на деле. Не будет преувеличением сказать, что в этот процесс социального творчества были вовлечены многие десятки и сотни тысяч людей. Такой его размах стал возможным благодаря достигнутым успехам социального и экономического развития страны.

Стала привычной, сама собой разумеющейся полная занятость и другие социальные гарантии. Обрела реальность действенная защита работников от произвола начальства. Уволить человека с работы было трудно, а подчас и невозможно, даже если речь шла о недобросовестном работнике. Уверенность в завтрашнем дне стала такой же естественной и привычной, как и постепенное, из года в год, повышение уровня жизни большинства людей.

В этих условиях отношение найма все чаще «не срабатывало». Заработная плата, прямо не связанная ни с трудом, ни с его результатом, уравнилительная по самой своей сути, все хуже выполняла роль экономического принуждения. Новые социальные условия не только делали это принуждение все менее терпимым, но и позволяли работникам избавиться от него и от уравниловки с помощью коллективной организации труда. Как проявление назревшей общественной необходимости она много раз возникала в разных местах, гибла и снова появлялась в той или иной форме.

Опыт бригады В.Серикова, злобинский метод, опыт Калужского турбинного завода, чековая система и т.д. - все эти бывшие тогда на слуху примеры представляли собой разные проявления, разные стороны, в каждом случае по-своему ограниченные формы нового производственного отношения. Процесс его выработки шел медленно, с большим трудом. Сохранение отчужденной от непосредственных работников государственной собственности неизбежно сводило возникавшие зачатки коллективной оплаты по труду к той или иной разновидности групповой или индивидуально-групповой заработной платы. В результате, до этого обособленные и ограниченные индивидуальные интересы отдельных работников превращались в их столь же обособленный и ограниченный групповой интерес.

При обсуждении вопроса о коллективной организации труда, которое в 1985 году проводилось редакцией журнала «Вопросы экономики» отмечалось, в частности, что бригадный подряд (то есть коллективный наем) нередко вел к формированию узкогрупповых, эгоистических интересов бригады. В результате она, по словам одного из участников обсуждения, превращалась в такого группового «хозяинчика». Его ничем не проймешь. При сдельщине он монолитно, намного успешнее,

чем разрозненные сдельщики-одиночки, сопротивляется пересмотру норм. При премиальной системе стимулирования - активно сопротивляется напряженным плановым заданиям [21].

Удивляться здесь было нечему. Втиснутая в рамки отношения найма коллективная организация труда не изменяла этого отношения. Она не устраняла «в сущности принудительного» характера наемного труда, и то, что рабочие так или иначе противились этому принуждению, естественно и закономерно. Подрядная бригада как раз потому и становилась «хозяйчиком», что не могла стать подлинным хозяином материальных и иных условий своего производства.

Поражает, что о пропорциональном разделении ни один из участников упомянутого обсуждения не обмолвился и словом, хотя большой тайны оно не составляло. Обратимся к случаю, описанному за полтора года до этого в «Новом мире».

В одном из звеньев колхоза им. Ленина Кишертского района Пермской области при обсуждении условий коллективного подряда здраво рассудили: если цель подряда состоит в том, чтобы получить наибольшее количество продукции при наименьших затратах, нужно, чтобы звену платили определенный процент разницы между ценой урожая и затратами на амортизацию техники, удобрения и т.п. Все равно лучше и проще не придумашь.

По словам принимавшего участие в этих событиях автора очерка, «Наш расчет вкратце был таков: высчитывается стоимость всей произведенной продукции, отнимаются производственные затраты и из остатка установленная взаимным соглашением доля выплачивается звену, остальное идет в прибыль колхозу. Естественно, при такой системе звено заинтересовано исключительно в двух вещах: увеличении производства и сокращении затрат. Чем выше первое и ниже второе, тем больше в конце года заработает каждый» [22]. Доля звена оговаривалась заранее, до начала работ.

Разница между стоимостью продукции и производственными затратами - это стоимостное выражение труда работников, $W - C = A$, а показатель доли работников в нем - норма их коллективной оплаты по труду, Ho .

В отличие от предыдущих случаев коллективная оплата работников с самого начала обрела здесь имманентную форму оплаты по труду:

$$O = Ho (W - C) = Ho A,$$

$$O = Ho A.$$

По словам де Сент-Экзюпери, «Истина это то, что делает мир

проще, а отнюдь не то, что обращает его в хаос». Для того, чтобы экономическая форма оплаты по труду очистилась от остатков отношения найма и ее определение обрело свое непосредственное, истинное выражение, понадобилось шесть десятилетий общественного развития.

Изначально простой вид обрело и определение второй части продукта (которая в данном случае пошла в прибыль колхозу и далее - на его воспроизводство, уплату налогов и т.д.). Как и оплата по труду, эти вычеты в общественные фонды пропорциональны вновь созданной стоимости продукции. Их норма, H_v , определяется долей вычетов в величине продукта:

$$H_v = \frac{V}{A} = \frac{A - O}{A} = \frac{A}{A} - \frac{O}{A} = 1 - H_o -;$$

$$H_o + H_v = 1.$$

Нетрудно представить дальнейшее распределение этих вычетов между коллективными, местными, региональными, общенародными фондами. По тому же пропорциональному, долевному принципу, для удовлетворения потребностей всего коллектива, жителей данной местности, региона, всей страны; планомерно, по нормам установленным представительными органами каждого уровня и под их контролем.

Кому будут при этом принадлежать средства производства? Очевидно, ТЕМ, КТО ПРИСВАИВАЕТ ДОХОД и в тех пропорциях, в которых он между ними распределяется: каждому из работников, коллективу, жителям данной местности, региона, всей страны. Это и будет та общая, ОБЩЕСТВЕННАЯ собственность, о которой когда-то писал К.Маркс.

Отношение пропорционального разделения продукта выше отношения найма рабочей силы как умножение и деление выше сложения и вычитания. Это качественно иной уровень общественных отношений. Сравним:

$$\begin{array}{ccc} V = \frac{\text{MIN}}{A} & & O = A H_o \\ \swarrow & \text{и} & \swarrow \\ M = A - V & & B = A (1 - H_o) \end{array}$$

Качественно выше и способ разделения продукта, и обе экономические формы этого разделения, и общественные интересы, которые они выражают. Выше и результаты труда.

В первый же год работы по-новому производительность труда в упомянутом здесь подрядном звене возросла в три раза.

В середине 80-х годов к такой же форме оплаты пришли в Тбилисском объединении пассажирского транспорта [23]. Став хозяевами на маршрутах водители решили до этого, казалось бы, неразрешимую проблему нормальной работы городских автобусов.

Тогда же пропорциональное разделение продукта было применено (и успешно практикуется до сих пор) в дагестанском колхозе, а сейчас - союзе собственников-совладельцев «Шухты» [24].

Подмены справа и слева

Примерно в это же время долевое распределение дохода было положено в основу производственных отношений в МНТК «Микрохирургия глаза». Здесь есть смысл привести выдержку из статьи С.Н. Федорова и Б.Ф.Славина [25].

«Для нас технологией осуществления идеи свободного труда являются отказ от системы зарплаты и переход к системе долевого дохода. Суть его состоит в следующем.

Любое производство - это какие-то отдельные стадии технологического процесса. Например, обработка сырья предполагает его приемку, сборку комплектующих изделий, хранение, реализацию и так далее. Как правило, это от 20 до 100, а то и больше функций. Каждую функцию реализуют конкретные группы людей, бригады специалистов. Есть функция менеджеров, которые должны организовать все эти процессы производства, функция шоферов, которые привозят сырье и отвозят готовую продукцию, функция станочников, обрабатывающих материал и т.д. Трудовой коллектив всем этим функциям присваивает процент от общего дохода. Функции, которые выполняют наиболее квалифицированные специалисты, оцениваются выше остальных. Например, у нас в МНТК «Микрохирургия глаза» врач-хирург получает 10% за проведенные операции, а шоферы, которые помогают ему перевезти больного, привезти инструменты и т.п. - 3,5%. Таким образом, ВСЕ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОХОД (выделено мной - А.М.) делится по этим процентам и вручается бригадам. Каждая бригада, реализующая функцию, выбирает себе бригадира, а иногда и его заместителя. Когда они получают деньги, то всей бригадой участвуют в распределении, устанавливают те или иные критерии труда - это может быть количество времени, сложность функции, качество работы и т.д. Руководство коллектива непосредственно не вмешивается в это распределение, оно получает от дохода свою долю, которая определяется всем коллективом. Чем выше общий доход коллектива, тем больше доля каждого работающего...

Главное, что в таких коллективах работник, перед тем, как что-то произвести, знает ту долю общего дохода, которую он получит по окончании труда. Это и есть та реальная экономическая демократия, без которой в принципе невозможна никакая политическая демократия» [26].

Новый, чрезвычайно существенный момент этого опыта состоит в том, что пропорциональное разделение осуществлено здесь на уровне не подразделения, но всего предприятия, реализован принцип долевого распределения коллективной оплаты между подразделениями.

Вместе с тем здесь налицо путаница в терминологии и, видимо, не случайная. Стоимостной продукт коллективного труда - это валовый доход предприятия, и в приведенном отрывке речь идет о долевым распределении дохода. Но между работниками нельзя распределить весь доход. Поневоле вспоминаются здесь слова К.Маркса по поводу прудоновского «неурезанного трудового дохода» [27]. Доход (продукт) неизбежно должен быть так или иначе «урезан», разделен на две части, и он несомненно уменьшается на какую-то часть и в МНТК «Микрохирургия глаза». Весь вопрос в том, как осуществляется это его разделение, пропорциональны ли вычеты из дохода его величине? Составляют ли они, как и оплата работников, определенную, заранее известную его долю, или же они доходу заведомо непропорциональны? В первом случае имеет место коллективное производство. Во втором - групповой наем, даже если в дальнейшем групповая зарплата работников распределяется как описано в приведенном отрывке. Как в действительности осуществляется разделение дохода предприятия, пропорциональная ли его часть достается работникам, понять из множества публикаций С.Н.Федорова невозможно.

На одной странице у него можно встретить и «долевое распределение дохода», и «распределение прибыли». В одном предложении он высказывается против зарплат и, вместе с тем, за прибыль. Тот факт, что прибыли без зарплат не бывает, что эти экономические формы взаимообусловлены, им попросту игнорируется. Он полагает, что можно ликвидировать наемный характер труда, сохраняя капитал. И надежды по преодолению найма возлагает на приватизацию [28].

Долевое участие работников в доходе С.Н.Федоров отождествляет с групповым акционерным капитализмом, развиваемым, в частности, в рамках американской программы наделения рабочих акциями предприятий (программа ESOP). Но суть этих явлений прямо противоположна. Если пропорциональное разделение устраняет наемный характер труда, то групповой («народный») капитализм сохраняет и укрепляет наем, давая нанимателям такую власть над трудом, которая ни при какой другой форме капитализма невозможна. При этом, как водится, самая безысходная кабала рабочих обеспечивается самыми демократическими методами, с помощью многоступенчатой психологи-

ческой обработки. Достаточно ознакомиться с процедурой ежегодного пересмотра администрацией предприятия заработной платы каждого из работников, подробно описанной в книге одного из руководителей ESOP У.Брауна [29], чтобы убедиться: ни коллективной оплаты, ни долевого участия работников в продукте, ни какого-либо намека на преодоление найма здесь нет.

Невероятно, но факт: для С.Н.Федорова никакого различия между коллективным производством и групповым капитализмом не существует. Он постоянно ссылается на американский опыт, пропагандирует «народный капитализм с человеческим лицом», «коллективно-частную собственность», закрытые акционерные общества как «народные предприятия», с помощью левых фракций продвигает закон о них через Госдуму [30]. Всем этим С.Н.Федоров, независимо от его субъективных представлений и побуждений, дискредитирует пропорциональное разделение продукта и объективно наносит вред тому делу освобождения труда и самоуправления трудящихся, которому как-будто взялся помочь.

Эта подмена пропорционального разделения справа дополняется его извращением и исключением слева.

Чтобы оценить значение и перспективы пропорционального разделения продукта, когда оно в середине 80-х годов уже вызрело и выступило на поверхность экономических отношений, нужно было лишь подойти к нему непредвзято. Но этого-то как раз и не было. Существовавшая система планового регулирования экономики, оставаясь системой наемного труда, активно отторгала и подавляла чуждые ей отношения. Если они и допускались, то обычно только в отдельных подразделениях предприятий, и то лишь в порядке исключения. Официальная наука своими рекомендациями не столько помогала, сколько мешала их становлению. Само собой, стихийно, пропорциональное разделение победить не могло. Большим достижением стало уже то, что оно в этих условиях смогло пробиться к жизни и обрести адекватные формы.

Правда, в экономической теории существовало направление, которое выступало за доленое участие работников в продукте. Но непременно в условиях государственной собственности. Оно было против отчуждения, но в его рамках. Выйти из этого противоречия немного численные сторонники этого течения так и не смогли. Их последним словом стала развивавшаяся в противовес рыночным подходам теория «потребительно-стоимостного хозяйственного механизма». Ею, в частности, предусматривалось:

«ввести систему долевого участия кооперирующихся и смежных предприятий в совместном эффекте от снижения издержек сообща выпускаемой ими конечной продукции; ...

вместо механизма тарифно-сдельной и повременной заработной платы установить систему долевого участия каждого работника во всех доходах предприятия, НАЧИНАЯ С ФОНДА ОПЛАТЫ (здесь и далее выделено мной - А.М.) ...

долю трудового участия определять по-новому, не по количеству, а по эффективности труда, прямо пропорционально результатам и обратно пропорционально затратам труда по принципу «ниже затраты или трудоемкость - выше оплата»; «выше качество - выше оплата»

...

Основу противозатратного хозяйственного механизма составляет социалистический принцип распределения условий и результатов труда НЕ ПО КОЛИЧЕСТВУ, А ПО ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА» [31].

Оговорка относительно «фонда оплаты» в приведенной выдержке не случайна, поскольку «фактический заработок подрядного коллектива ... рассчитывается исходя из базового месячного фонда оплаты, умноженного на коэффициент эффективности труда» [32], а базовый фонд «определен с помощью НОРМАТИВА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ в расчете на 1 нормо-час» Иными словами, предлагавшееся отрицание зарплат базировалось на ее сохранении.

Ключ к пониманию этого противоречия, как, пожалуй, и всей потребительно-стоимостной системы кроется в положении об оплате не по количеству, а по эффективности труда. Вместо перехода от «оплаты по количеству и качеству (конкретного) труда» к оплате по количеству общественно необходимого (абстрактного) труда, которое ИЗМЕРЯЕТСЯ ВНОВЬ СОЗДАННОЙ СТОИМОСТЬЮ И УЖЕ СОДЕРЖИТ В СЕБЕ В СНЯТОМ ВИДЕ И КОЛИЧЕСТВО, И КАЧЕСТВО КОНКРЕТНОГО ТРУДА, свернули к эффективности этого конкретного труда, то есть К ВЫРАЖЕНИЮ ЕГО КАЧЕСТВА (ОДНОГО ИЗ КАЧЕСТВ) В ПРОТИВОВЕС КОЛИЧЕСТВУ. Именно здесь - развилка и уклонение мысли.

Потребительно-стоимостная система содержала в себе целый ряд интересных и важных моментов (классификацию индивидуальных и общественных потребностей, методику составления балансов и т.д.), которые, несомненно, ЕЩЕ БУДУТ ВОСТРЕБОВАНЫ. Но в целом она представляла собой попытку сохранить уже исчерпавшую себя государственную монополию. Она была устремлена не вперед, к общественной собственности, к назревшим новым социально-экономическим отношениям, а стремилась удержать прежние, уходящие.

Предотвратить стихийное рыночное разложение государственной монополии могло только ее сознательное обобществление. Единственно успешной обороной от найма могло стать только наступление на него. Но официальная экономическая наука в критический момент оказалась несостоятельной.

В настоящее время, безусловно, главная угроза пониманию смыс-

ла и необходимости пропорционального разделения исходит справа, со стороны группового найма. Но в определенных условиях на первый план может выйти и извращение пропорционального разделения слева.

Распределение по труду и коллективность

Почему распределение по труду было реализовано именно в рамках его коллективной организации? Почему попытки осуществить оплату по труду вне их неизбежно заканчивались неудачей?

По известной логической формуле Е - О - В единичное связано со всеобщим через особенное. Точно так же в современном, коллективном по своему характеру производстве индивидуальный труд связан с общественным трудом через коллективный. Иными словами, труд каждого отдельного работника входит в совокупный труд всего общества только в составе коллективного труда: И - К - Об. Поэтому и измерить труд этого работника общественной мерой (в рублях) можно не иначе, как в два приема - через его коллективное выражение.

Сначала в валовом доходе предприятия труд отдельного работника получает общественную меру в составе всего коллективного труда: Об - К. Затем как часть коллективного труда, пропорциональная труду работника, определяется общественная мера его индивидуального труда: К - И.

Иначе и невозможно. «Предполагается, - писал К.Маркс, - коллективное производство, коллективность как основа производства..., такая организация труда, которая имела бы своим следствием участие отдельного лица в коллективном потреблении» [33].

Пытаться общественно измерить индивидуальный труд, минуя его коллективное выражение, это все равно, что переходить через реку по мосту, у которого отсутствует центральный пролет: Об -...- И. Те из советских экономистов, которые пытались достичь индивидуальной оплаты по труду непосредственно, неизбежно подходили к этому провалу и, заглянув вниз: «Темна вода...», возвращались назад - к той или иной форме заработной платы.

К истории вопроса

Мысль о необходимости пропорционального разделения не нова. Еще Д.Рикардо констатировал, что между зарплатой и прибылью существует обратная зависимость, что их величины обратно пропорциональны: при прочих равных условиях чем больше зарплата, тем меньше прибыль, и наоборот, чем меньше зарплата, тем больше прибыль.

Рикардо извлек на свет божий антагонизм двух форм дохода, а

значит и антагонизм их получателей - рабочих и нанимателей.

Это вызвало резкие возражения экономистов.

Г.Кэри обвинил Рикардо в разжигании страстей, чуть ли не в коммунизме, хотя ничего подобного у того, разумеется, не было.

Т.Мальтуса особенно задел тезис об обратной пропорции между заработной платой и прибылью. Очень четко и лаконично он формулирует: капитал имеет дело с пропорцией, труд - только с порцией.

Прибыль пропорциональна вложенному капиталу, заработная плата ничего общего с пропорцией не имеет. Ни капиталу, ни продукту она не пропорциональна.

Мальтус тоже нашел у Рикардо то, чего у него в действительности не было, но в чем он безошибочно усмотрел угрозу капиталистическим порядкам. Потому и возражал столь резко и определенно.

Э.Уэйкфилд по этому поводу выразился мягче: разделение продукта между капиталистами и рабочими имеет очень небольшое значение по сравнению с тем количеством продукта, которое должно быть разделено. Важно не как, а сколько делить.

На что К.Маркс заметил: важно ИМЕННО КАК делить, потому что «только при определенном методе разделения возникает капитал, наемный труд, капиталистическое производство и зависящее от него количество продуктов» [34].

В связи с этим в своих рабочих записях Маркс пометил: «Разделение [продукта] между рабочим и капиталистом; пропорциональная заработная плата» [35].

И в другом месте: «Мальтус против заработной платы как пропорции» [36].

Позже, коснувшись в известной «Критике Готской программы» распределения на первой фазе коммунистического общества, К.Маркс сформулировал: «Право производителей ПРОПОРЦИОНАЛЬНО доставляемому ими труду» [37].

Если учесть, что в изображенной в этой работе картине труд производителей общественно измеряется продуктом, а их право на потребление реализуется при посредстве неких знаков труда (в оригинале «Schein» [38], то есть - «внешность», «свидетельство», «знак», в том числе и «денежный знак»), то в «пропорциональном праве» работников нетрудно разглядеть ту «пропорциональную заработную плату», мысль о которой он зафиксировал, разбирая работы Мальтуса и Уэйкфилда. Вместе с тем прямых указаний о необходимости пропорционального разделения продукта в работах К.Маркса нет. Как известно, он принципиально избегал детализации будущих общественных отношений.

* * *

Отношение пропорционального разделения продукта родилось в самом основании системы наемного труда, как идущее на смену отношению найма рабочей силы. Глубоко символично, что первым шагом советской экономики после Гражданской войны стал шаг именно к пропорциональному разделению, и что последним социально-экономическим достижением нашего общества уже накануне «перестройки» и во время нее стало завершение долгого и трудного процесса становления этого отношения - его появление в развитом, очищенном от остатков найма виде. Закономерный, объективно необходимый процесс вызревания и становления нового **ОСНОВНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ** шел на протяжении всей советской истории, составляя самое неприметное и вместе с тем самое существенное ее содержание.

Его значение определяется тем, что в силу самой природы отношения найма оно может быть преодолено только при пропорциональном разделении продукта. Именно на этом и никаком другом пути возможно освобождение труда от системы найма и отчуждения, раскрытие универсальной природы трудящегося человека.

Для появления пропорционального разделения были необходимы специфические условия советского социализма. Их уже нет, и в точности они больше не повторятся. Но раз появившись, пропорциональное разделение уже не исчезнет. Оно обеспечивает более высокую по сравнению с наймом производительность труда, а это решающий аргумент на весах истории. Оно устраняет внутреннюю саморазрушаемость всего общества и каждого человека, снимает противоречие между индивидуальными и общественными интересами, полагая взамен простое различие в их органическом единстве. Именно в пропорциональном разделении реализуется распределение по труду и связанное с ним понимание социальной справедливости. Наконец, оно наиболее полно отвечает нашему коллективистскому, артельному, общинному и общественному национальному характеру.

Разумеется, выход нашего общества из исторического тупика не сводится только к пропорциональному разделению продукта. Последовательно проведенное на всех уровнях общественной организации, оно предполагает свободный, эквивалентный трудобмен [39,40] и трудовое общественное самоуправление [41], начало практической реализации которых тоже было положено в советские годы. По сути дела трудовое самоуправление, пропорциональное разделение и свободный трудобмен - это политическая, социальная и экономическая стороны единого процесса пропорционального, коллективного общественного воспроизводства. Действительно поняты, и реализованы они могут быть только в их единстве, центральное место в котором принадлежит пропорциональному разделению продукта.

ВЕСЬ НАШ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ЗАКОНОМЕРЕН. К началу-середине 80-х годов наша страна подошла к важному рубежу. Был окончательно исчерпан прежний этап социально-исторического развития, связанный с монопольной собственностью социалистического государства. Но это не был тупик. Трудом трех поколений советских людей были созданы все необходимые материальные предпосылки для перехода общества на качественно новый уровень социального, экономического, культурного развития. Подспудно вызрело и оформилось новое основное общественное отношение. Но отсутствие или слабость субъективных факторов, прежде всего, понимания объективной необходимости, не позволили обществу осознать и преодолеть этот рубеж. В результате мы, а с нами и весь мир, оказались отброшенными далеко назад.

Все, что произошло с тех пор, сам объективный «ход вещей» развеял многие мифы и иллюзии, расчистив поле для формирования столь необходимых для продвижения вперед субъективных предпосылок. Когда они будут готовы, тогда мы, собравшись с мыслями и силами, вернемся к решению тех задач, которые были не поняты и оставлены в 80-х годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд. 2-е, т.23, с.181-184.
2. БСЭ, 3-е изд. т.9, с.365.
3. История социалистической экономики СССР, М., 1976, т.2, с.107, 228.
4. Цит. по: История социалистической экономики СССР, М., 1976, т.2, с.229.
5. В.И.Ленин. ПСС, т.44, с.341-342.
6. Там же, т.45, с.437.
7. Там же, т.31, с.446.
8. Там же, т.33, с.101.
9. Там же, т.36, с.75.
10. К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 586-587.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., т.2, М., с.155.
12. Развитие хозяйственных механизмов в странах СЭВ. М., 1983, с.22.
13. См.: И.В.Сталин. Соч., т.12, с.49-56;
14. История социалистической экономики СССР. т.6, М., 1980, с.407-409).

15. См.: БСЭ, 3-е изд., т.20, с.560. 16. См.: О.Хлевнюк. Уроки самоуправления.- Знание-сила, 1987, N 6. 17. По А.Ивашенко. Свой огород и поле за ним.- Человек и закон, 1978, NN 3-5.
18. К.Маркс И Ф.Энгельс. Соч., изд. 2-е, т.19, с.20.
19. И.Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, М., 1952, с.15-18.
20. См.: В.Я.Первицкий. С чего начинается подряд.- Экономическая газета, 1984, N1, с.16.
21. Коллективные формы организации и стимулирования труда.- Вопросы экономики, 1985, N7, с.78 -101.
22. А.Росляков. Чужое и свое.- Новый мир, 1984, N I, с. 177-200.
23. А.Юферев. Хозяева.- Литературная газета, 24.04.1985, N17, с.11.
24. С.Федоров. Вперед... к СССР!- Континент, 1998, N 39, с.3.
25. П.Абовин-Егидес. От исцеления глаз к исцелению духа. В кн.: Святослав Федоров: Путь исцеления. М., 1995, с. 5-16.
26. С.Н.Федоров, Б.Ф.Славин. Только свободный труд спасет Россию. Какая общенациональная идея нам нужна? М., 1997, с.6-7.
27. К.Маркс И Ф.Энгельс. Соч., изд. 2-е, т.19, с.17.
28. С.Н.Федоров. Как сделать лучше, чтобы не получилось, «как всегда»?.- В брошюре: Только свободный труд спасет Россию. М., Академия самоуправления, 1997. с. 10-15.
29. У.Браун. Как добиться успеха предприятию, которое принадлежит работникам (опыт США). М., 1994, с.37-38.
30. Закон с признаками «красной заразы».- Континент, 1998, N 23, с.6.
31. В.И.Сиськов. Противозатратная система хозяйствования и рекомендации по обеспечению повышения качества продукции.- Доклад на заседании секции НТС Госстандарта СССР, 28 сентября 1990 г. Рукопись (размножена в 50 экз.), ВНИИ стандартизации, М., 1990.
32. См.: Ф.А.Амирджанянц, В.И.Сиськов, С.С.Губанов, Н.В.Иванова. потребительно-стоимостная система социалистического хозяйствования и обеспечения качества продукции.- М., Издательство стандартов, 1990, с. 128-129.
33. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд. 2-е, т.46, I, с.116.
34. Там же, т.48, с.526.
35. Там же, т.48, с.524.
36. Там же, т.46, ч.II, с.521.
37. Там же, т.19, с.19.
38. К.Marx. Kritik des Gothaer Programms. Berlin, 1978, S.23.
39. А.Г.Махоткин. Ищем новый облик социализма.- Коммунист, 1996, N 1, 12-28.
40. А.Г.Махоткин. От кризиса - к перспективе.- Коммунистическая

перспектива, 1996, N 1, 15-34.

41. А.Г.Махоткин. От системы наемного труда - к трудовому самоуправлению.- Коммунистическая перспектива, 1996, N 2, с. 16-

Потапов В.Е.

Терминологическое обеспечение целей политики

В условиях советского прошлого многие понятия сформировались под влиянием догматизированной идеологии и пропаганды, а поэтому и не отражают реальность. Вместе с тем в процессе обращения такие понятия стали привычными, обрели устойчивость, создают впечатление непогрешимости. Без их уточнения невозможно успешное решение экономических и социальных задач, не может быть эффективной управленческая деятельность в целом.

Последствия искажения понятий можно представить на таком примере. Понятие «производительный труд» соотносили (и соотносят поныне) главным образом лишь с материальным производством. Получило распространение в этой связи и такое понятие как «непроизводственная сфера». Но в общесмысловом отношении понятия «непроизводительный труд» и «непроизводственная сфера» абсурдны. Любая общественно-полезная сфера занятости производительна независимо от вида создаваемых ценностей. Непроизводительной и, более того, разрушительной может быть и работа.

Практическим результатам такого деления было соответствующее отношение государства: «непроизводственная сфера» не получала необходимых средств для своего развития, «непроизводительный труд» не оплачивался достойным образом. В свою очередь это сказывалось на спросе населения, направлениях и возможностях развития материальной сферы производства. Получался порочный круг: материальное производство было недостаточно нацелено на потребление, подчинено самовоспроизводству. Отсюда - низкое качество продукции, работа «на склад», затоваривание, падение темпов роста производства. Поиск выхода из этого порочного круга побуждали к гонке вооружений, к осуществлению крупномасштабных проектов прожекторского характе-

ра внутри страны. Последний деятель союзного масштаба ринулся в новую крайность, в стихию рыночных отношений. В результате - развал союзного государства и нынешняя катастрофическая ситуация в России.

Такими представляются последствия искажения кардинальных для общественной жизни понятий, обусловленных главным образом догматизацией идеологии. А поскольку «вина» идеологии стала очевидной, то «радикальные реформаторы» поступили с ней в прямом соответствии со своим названием: они «запретили» идеологию. «Одно из важнейших наших достижений - конституционный запрет на «государственную идеологию», а поэтому власть больше не имеет права навязывать обществу какие-либо идеологические схемы», заявил президент в своем Послании 1998 года. Но государственная идеология выражает стратегию развития страны. Суверенное государство не может не иметь своей идеологии. Без нее оно обречено слепо копировать модели общественного устройства других стран, следовать в фарватере их политики.

Конституционный запрет государственной идеологии означает лишение политиков видеть цели политики, понимания политиками результатов своей политики. В таком состоянии и оказались наши ведущие политики в действительности. Известная фраза В.Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда» и слова президента: «Вопрос в том, к утверждению какого государства и общества эта свободная экономика нас приведет», высказанные им на первом заседании осенней сессии Совета Федерации 24 сентября 1997 г. ясно выражают мировоззренческий тупик, в котором они оказались. Надо отметить, что и в этом выражении президента проявлена понятийная несурезица. Экономика, задавленная налогами, поборами и импортом не может свободно развиваться, она не может быть свободной. Можно лишь догадываться: президент, скорее всего, имел в виду невмешательство государства в экономику, что отвечало требованию «радикальных демократов»: политика не должна вмешиваться в экономику. Это их требование «отменяло» такие понятия как «экономическая политика» и «политическая экономия», отпадала вместе с тем и основная функция государства как регулятора общественной и, прежде всего, экономической жизни.

«Свободная экономика» в понимании президента означает освобождение ее от регулирующей роли государства. И к такому пониманию места государства в жизни общества он, судя по всему, пришел под влиянием своих зарубежных «друзей». «Экономика это - не периферийная сфера жизни, а основа всего», заявил он после визита в США в феврале 1992 г. Но здоровое, в данном случае, понимание президента было пересилено авторитетом его покровителей. В результате в условиях «радикальной реформы» назначение самого государства оказалось общественно утраченным.

Следует напомнить и еще об одном важном выводе президента, сделанным им после того визита в США. Вопреки шаталинскому «учению», он заявил: «Невозможно перенести на российскую почву «типовые штампы». (См. «Известия», 20 и 22.2.92 г.). Однако в условиях идеологического вакуума эти выводы Президента не нашли практического применения.

Реформа «это-приведение в соответствие формы с содержанием» какого-либо явления, а в социально-политическом и экономическом плане - общественных отношений с уровнем развития производительных сил. Общественные отношения регулируются властью. Реформа поэтому - это прежде всего, изменение качества и структуры власти в целях высвобождения производительных сил. Обвальная спад производства свидетельствует о несоответствии термина «реформа» своему назначению. Она привела не к высвобождению, а к сковыванию производительных сил. Таким образом, под названием «реформа» скрывается нечто иное, прямо противоположное ее смыслу. И в этой связи необходимо более полно уяснить значение конституционного запрета государственной идеологии.

Запретить идеологию невозможно. Она может быть или не быть предметом пропаганды. Идеалы нынешней политики выражены, в частности, в названиях ежегодных Посланий и выступлений президента в Федеральном Собрании. Свое первое выступление в 1994 г. президент озаглавил так: «Стратегическая цель - создать процветающую страну». А поскольку западные страны и, прежде всего, США как раз таковыми и представляются, то и надо идти по их пути и чем быстрее, тем лучше. «Путь, который занял у других стран столетия, мы стараемся пройти за достаточно короткий срок», заявил президент в своем следующем Послании. Идея «большого скачка» увлекла наших реформаторов. Исход его известен, и в России он повторялся.

Государственная идеология это - иммунная система страны. И, если «холодная война» сопровождалась очень горячей, ожесточенной схваткой на идеологическом фронте, то после поражения в ней и конституционного «запрета» государственной идеологии страна оказалась незащищенной от потока лжепонятий, внедряемых Западом. Но, как известно с древних времен, язык - главное средство господства. С помощью лжепонятий Запад в завуалированной форме навязывает нашей стране свое господство, превращает ее в свой сырьевой придаток и рынок сбыта своих товаров. США, впрочем, это и не скрывают. Один из конгрессменов, побуждая президента США к более активным действиям, заявил: «Политика Буша в отношении СНГ - это не только страшное преступление, но и грубейшая ошибка. Не желая действовать, США могут закрыть для себя самый важный новый внешний рынок и богатый источник сырьевых ресурсов XX века. Все это пока можно исправить и

помочь странам СНГ провести критически важный демократический эксперимент». («Известия», 15.2.1992 г. «Ставка на Ельцина ...»). Таким образом, руками нынешних реформаторов в России и бывших союзных республиках проводится «критически важный» для интересов США эксперимент над народами. Столь постыдного положения наша страна не испытывала за всю ее тысячелетнюю историю.

Тактика идеологической борьбы Запада была предельно проста: они оперировали прямо противоположными понятиями. К примеру, вместо национализации - приватизация, господства общественной формы собственности - всеобъемлющей частной формы, вместо классов как наиболее крупных групп людей, определяющих господствующие в обществе отношения - идеологизированные, аморфные, условно-уровневые (высший, средний, низший) классы, вместо плановой экономики - рыночная. Эти идеологизмы были внедрены в наше сознание под видом создания условий для свободного, творческого, высокопроизводительного труда, задействования, выражаясь «модным» языком, «рыночно-мотивационного механизма» деятельности людей, превращения тем самым страны в процветающую. И все они были приняты и не только политиками.

Догматизация и тотализация идеологии сказалась на формировании и поведении обществоведческих кадров, состоянии социальных наук. В теории господствовало начетничество и стремление скрыть свои убеждения ссылками на авторитеты, в отношениях с властью царил угодищество и приспособление общественной науки под решение сугубо политических задач. При этом постановка задач и пути их решения определялись в формулировках высших органов власти и без осмысления используемой для этого терминологии. Такое отношение общественной науки к власти в значительной части традиционно сохранилось до настоящего времени. И один из примеров - всплеск научной активности в области исследований мотивов и мотиваций труда. Толчком для такой активности послужило, по-видимому, Послание президента Федеральному Собранию 1994 г.

В Послании заявлено: «Усилия государства следует сосредоточить на ... расширении мотиваций для трудовой и предпринимательской деятельности экономически активных граждан». Но термин «мотивация» означает объяснение, обоснование и проявление побуждений. В точном выражении установка Президента выглядит так: усилия государства следует сосредоточить на расширении объяснений, обоснований и проявлений побуждений для трудовой и предпринимательской деятельности экономически активных граждан. Налицо, как видим, явная смысловая и стилистическая погрешность президентской установки, обусловленная неправильным применением, прежде всего, термина «мотивация».

Не ясно, кроме того, почему трудовая деятельность отделена от предпринимательской. Если предпринимательская деятельность не трудовая, то она может быть лишь паразитической. По-видимому, здесь вновь проявилось сложившееся отношение к понятию «труд», связанному лишь с производством материальных благ. Наконец, не понятно и о какой группе граждан идет речь. Всех занятых в народном хозяйстве нельзя относить к экономически активному населению. Это, скорее, экономически дееспособное население. Как президент он и мог быть обеспечен положением с занятостью всего дееспособного населения. Но в таком случае речь должна идти о повышении его трудовой активности, а не о «расширении мотиваций для трудовой и предпринимательской деятельности». Можно лишь догадываться: президент, скорее всего, имел в виду расширение заинтересованности граждан в самореализации своих способностей на основе частнопредпринимательской инициативы. Однако и при таком уточнении задача, поставленная Президентом, отличается неконкретностью, декларативностью. Речь должна идти не просто о «расширении», а по меньшей мере, о создании необходимых условий для «расширения». Столь многогранно неясная постановка задачи исключает возможность ее решения.

Нечеткость поставленной задачи могла быть обусловлена терминологическими погрешностями и, более того, понятийной путаницей, содержащиеся, прежде всего, в справочной литературе. К примеру, в Советском энциклопедическом словаре (М., «Советская энциклопедия», 1990), в братском словаре по социологии (М., «Политиздат», 1989) и в словаре «Политическая экономия» (М., «Политиздат», 1990) понятия «мотив» и «мотивация» истолковываются однозначно как побуждение к действию. Ошибочность такого толкования отчетливо прослеживается по аналогии с понятиями «аргумент» и «аргументация». Как и в случае с понятиями «мотив» и «мотивация» первый термин выражает его содержание, второй - характеризует его применение или действие. Именно в такой трактовке и дается толкование этих терминов в Словаре иностранных слов (М., «Русский язык», 1987). Но и этот словарь страдает недостаточностью, а в этой связи и смешением толкований анализируемых понятий. Термин «мотивация» истолковывается лишь как обоснование, приведение доводов, он трактуется, в сущности, однозначно с понятием «аргументация». Но нельзя, к примеру, обосновать преступлений их можно объяснить. Кроме того, термин «мотивы» относится не только к поведению человека, но и животных. Да и человек не всегда может объяснить или обосновать свое поведение. Поэтому в точном и полном толковании понятие «мотивация» выражается в обосновании, в объяснении и проявлении мотивов поведения.

Неточность толкования понятий «мотивы» и «мотивация» в справочной литературе сопровождается в научных публикациях путаницей

этих терминов не только между собой, но и с другими сопряженными с ними понятиями. (См. в частности, «Международный сельскохозяйственный журнал», 1997 г., № 6). В них допускается смешение анализируемых терминов с понятиями «интерес», «потребности», «стимулы», «факторы». К «шедеврам» словотворчества в этой связи можно отнести такие авторские выражения: «мотиватор», «мотивирующая среда (сфера)», «рыночно-мотивационный механизм (активность)», «эффективность мотивации», «мотивационный успех», «способы мотивации», «собственническая мотивация», «концепция мотивации» и т.п. При столь вольном обращении с терминологией научная и практическая ценность таких публикаций скорее может быть лишь отрицательной. Они вносят путаницу в сознание людей, приводят к их дезориентации.

Система понятий, характеризующая предмет изучения, выражает его содержание, служит теоретической и методологической основой познания. Уточнение понятий выступает поэтому отправной точкой при разработке любой темы. Терминология - язык науки и от того насколько точен этот язык зависят результаты исследований. Такой же вывод можно сделать в отношении достижения целей политики, работы органов управления.

Органы управления отреагировали на установку президента точно также как и наука. В частности, в Минсельпрод в 1995 г. появилось подразделение с названием: «Управление мотивации труда и социальных гарантий». С таким названием оно просуществовало до середины 1997 г., а затем было переименовано в «Департамент социального развития и охраны труда». По-видимому, чиновники наконец-то уяснили несуразность такого названия. Мотивациями нельзя управлять административными мерами, для этого пригодны лишь опосредованные способы. Эти способы и следовало выразить в названии подразделения, конкретизируя тем самым содержание его работы.

Неясность поставленной президентом задачи и формальное отношение к властным установкам открывали простор для действия закулисных сил. При «отказе» государства «от социальной инженерии» (из Послания 1996 г.) она стала осуществляться в соответствии с такими ориентировками «радикал-демократов» как: «Личное - выше общественного», «Все мы должны стать дельцами», «Если ты умный, то почему не богатый», «Не надо заглядывать в чужой карман», «Все, что рентабельно, то нравственно» и т.п. Подрывались, тем самым, нравственные устои общества, что вместе с массовой атакой на них телевидения приводило его к губительному положению.

С конституционным «запретом» государственной идеологии намерения США, высказанные А.Даллесом еще в годы второй мировой войны, оказались реализованными. «Окончится война ... И мы бросим все, что имеем ... на обольщение и одурачивание людей ... Посеяв

там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим в эти фальшивые ценности верить ... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...» (А.Даллес. «Размышления и реализация американской послевоенной доктрины против СССР»). И США действительно «бросили все на обольванивание и одурачивание людей», они подключили к этому и международные организации.

«Я убежден, что явление универсализации экономики должно идти в ногу с движением в поддержку универсализации демократии. Поэтому сегодня важно не просто распространять демократическую идею, но и продвигать ее во всемирном масштабе ...» (Б.Гали: «Демократия не является чьей-то собственностью». «Независимая газета», 14.11.1995 г.). Но универсализация - это однообразие, несовместимое с демократией.

США явно используют опыт данайцев. Универсальная демократия и универсальная экономика это их «троянский конь». Этот «конь» и был «подарен» России в виде шаталинской программы перехода к рынку. «Переход к рынку. Концепция и программа». (М., Архангельское, 1990, август). Программа была подготовлена группой ученых и политиков числом более сотни человек, образованной по совместному решению М.Горбачева и Б.Ельцина. В ее состав входили такие известные лица как Е.Гайдар, А.Шохин, Г.Явлинский и др.

В программе заявлено: «Необходимость перехода к иной модели общественного развития диктуется универсальностью законов, управляющих экономикой и обществом в целом. Попытки искать иной, уникальный путь ... изначально обречены на неудачу». В качестве «научных обоснований» авторы приводят такие доводы. «Есть серьезные основания считать, что возвращение народу значительной части собственности и ресурсов ... обеспечит их гораздо более эффективное хозяйственное использование ... Это не акт реванша, а восстановление социальной справедливости ... Открытие внутреннего рынка придает нашему хозяйству динамичность и гибкость ... Мы ... должны обратиться за помощью к другим странам ... Рынок ... создает механизмы, позволяющие регулировать изменения, происходящие в уровне жизни. Человечеству не удалось создать ничего более эффективного, чем рыночная экономика ... Свойственные ей механизмы саморегулирования обеспечивают наилучшую координацию деятельности всех экономических субъектов, рациональное использование трудовых, материальных и финансовых ресурсов, сбалансированность народного хозяйства ... Первые 100 дней ... программа чрезвычайных мер ... 100 - 250 дней: либерализация цен и жесткие финансовые ограничения ... 250 - 400 дней: стабилизация рынка ... 400 - 500 дней: начало подъема».

«Невозможно перенести на российскую почву типовые штампы».

(«Известия», 1992, 22 февраля). «Самая большая ошибка ... так называемый «чистый, абсолютно независимый от государства рынок». (Из Послания 1994 г.). Эти высказывания Президента явно выражают его несогласие с шаталинской программой. Тем не менее именно эта программа стала проводиться в жизнь под руководством Е.Гайдара с привлечением сонма западных советников и под опекой МВФ. Постоянные же ожидания президентом начала подъема свидетельствуют: он принял ее с полным доверием. В Послании 1997 г. им это и было подтверждено: «В 1992 г. у России был единственный путь ... довериться энергии экономической свободы». Вывод получается, таким образом, иным: в прямом соответствии с двойной моралью худшей части партократии Президент говорил одно, а делал другое.

В отличие от стран Запада, где государственная собственность была образована путем приобретения (а также и захвата в других странах), в нашей стране она имеет другую природу. За годы советской власти она была сформирована трудом ряда поколений людей, она была не покупной (или награбленной на стороне), а трудовой, общенародной. Государство не имело поэтому моральных, а в этой связи и юридических прав ее разбазаривать.

Термин «приватизация» был неприемлем для условий нашей страны. Смысл этого термина нацеливал на компанейское формирование частной собственности на средства производства, что не отвечало объективным возможностям государства. Поспешная, а тем более «халявная приватизация» - это проявление волюнтаризма, она способна привести лишь к новому крутому повороту социально-экономической политики.

Замена общественной формы собственности частной сопровождается под видом создания рыночной, конкурентно-способной среды дроблением крупного производства, что может лишь сдерживать развитие экономики. Неверен и тезис о частной собственности на средства производства как главном мотиве и стимуле труда. Он неверен потому, что в силу наклонностей к труду и объективно существующих различий в характере и содержании труда все поголовно не могут быть собственниками средств производства.

Уместно здесь отметить и неточность устоявшейся трактовки понятия «характер труда». В марксистской политэкономии характер труда увязан со способами производства, а вместе с тем и с историческими формами труда: рабский, барщинный, наемный и свободный. Но общесмысловое значение понятия «характер» связано с постоянством, которое и обеспечивается природными особенностями труда, его делением на умственный и физический труд (естественно, по преимущественной роли в процессе труда). Формам же труда свойственна изменчивость, они зависят от способа производства. Характер труда и формы труда определяются разнородными условиями, а поэтому и не могут быть в

непосредственной связи друг с другом.

Понятие «характер труда» теснее связано с понятиями «содержание труда» и «сложность труда». Не формы собственности определяют возможность свободного труда, а прежде всего, его характер и содержание. Свободный труд в материальной сфере производства в сущности невозможен. Труд в этой сфере всегда жестко подчинен разного рода требованиям (технологических, организационно-экономических и т.д.).

Во всеобъемлющем охвате люди могут быть собственниками общественно-оправданной части результатов своего труда. И именно этот вид собственности способен обеспечить высокопроизводительный труд по стране в целом. Вместе с тем значение личных поступлений за труд в объеме производства неуклонно снижается. Доля заработной платы во внутреннем валовом продукте России снизилась за 1990 - 1996 гг. с 48,8 до 25,4 процентов.

Результаты политики получаются противоположными намерениям политиков. Труд, становясь все менее оплачиваемым, вместо «свободного и творческого» приближается к рабскому. Такой труд не может быть высокопроизводительным. Поэтому, несмотря на впечатляющие «успехи» в приватизации, уровень выхода валового внутреннего продукта на душу населения только за первое пятилетие реформаторства снизился в сравнении с США примерно в 2,5 раза. «Рыночно-мотивационный механизм» действует, как видим, в обратном для интересов России, но в нужном для интересов, прежде всего, США направлении.

Активно муссируемое нынешней пропагандой и развиваемое обществоведами-соцструктурщиками положение о становлении так называемого среднего класса как основы стабильности и процветания страны также ложно. Это - ставка на мелкобуржуазную стихию, что ясно проявилось в радиобращении президента 27 февраля 1998 г., «Частное дело - государственный интерес». Такая иллюзия способна лишь продлить агонию страны. «Нельзя превращать Россию в страну лавочников» - эти слова В.Черномырдина, высказанные им в 1993 г. при вступлении в должность премьер - министра, были верны. Но, высказав их единожды, в дальнейшем он об этом уже не упоминал. Надо полагать, он высказал их (как ныне принято выражаться), исходя из политических, а правильнее сказать - политиканствующих соображений (т.е. хотел понравиться Госдуме).

Тот или иной объект (или предмет) должен называться с учетом, прежде всего, его конечного назначения. В названиях плановая, командная и рыночная экономика заложен не назначенческий, а управленческий признак. По своему назначению различные типы экономик могут называться главным образом: социально-ориентированная, коммерциализированная, милитаризированная...

Под названием «рыночная» в нынешней России создана коммер-

циализированная экономика. Она приводит к обогащению узкого слоя общества и не посредством производства, а через разного рода аферную деятельность на поприще торгашества, посредничества, разного рода спекуляций и мошенничества. Внутренний рынок открыт для зарубежных товаров, что наряду с удушающей налоговой политикой, коррупцией и рэкетоном приводит к гибели собственного производства. В результате такой «рыночной» экономики происходит резкое расслоение общества по материальному положению, возрастает социальная напряженность, ослабляется государство, что в полной мере и отвечает интересам Запада в нашей стране. Более того «радикальные демократы» ставят своей целью создать потребительской не экономику, а общество, что способно превратить его в паразитическое, нежизнеспособное образование, к чему и стремились США.

Искаженное представление о реальных результатах политики, связанное с понятием «рыночная экономика», получило наиболее яркое выражение в Послании президента Федеральному Собранию 1998 г. «Зримое достижение состоит в том, что Россия покончила с многолетней зерновой зависимостью. Ее справедливо считали позором нашей страны ... рынок сделал то, чего так долго и безрезультатно добивалась власть при командной экономике. Более того, страна становится экспортером зерна, возрождая почетное звание «хлебной державы». Главный исторический результат достигнут - в России построена рыночная экономика. И другой она уже не будет». Вот такие эйфорические впечатления возникли у Президента от результатов своей политики с позиций «рыночной экономики». Нет спроса - проблема, следовательно, решена. Но реальное положение прямо противоположно представлениям Президента.

За время его правления валовое производство в хозяйствах всех категорий уменьшилось на 35%, доля импорта в продовольствии достигла 50%, а сбор зерновых сократился на 40%. Необходимость в покупном зерне отпала в связи с резким сокращением поголовья скота и производства продуктов животноводства (см. табл. 1 - 3).

Таблица 1

Поголовье скота в России (млн голов)				
	Все категории хозяйств		Сельхозпредприятия	
	1991	1997	1991	1997
Крупный рогатый скот	57,1	35,1	47.2	23,7
в т.ч. коровы	20,5	15,9	15,3	9.1
свины	38,3	19,1	31.2	11.5
овцы и козы	58.2	22.8	42.1	9,9
птица	660	368	485	215

Таблица 2

Производство основных продуктов животноводства в России

	(млн т)			
	Все категории хозяйств		Сельхозпредприятия	
	1991	1996	1991	1996
Мясо (в убойном виде)	10,1	5,3	7.5	2.5
в т.ч. говядина и телятина	4.3	2.6	3.8	1.4
свинина	3,5	1,7	2.3	0.5
мясо птицы	1.8	0,7	1.3	0.4
Молоко				
и молочная продукция	55.7	35,7	42,5	22.4
Яйца (млрдшт.)	47,5	31,9	37,2	23.5
Шерсть (тыс. тонн)	227	77	171,3	48.9

Таблица 3

Потребление основных продуктов питания в России

	(кг в год на душу населения)	
	1990	1997
Мясо и мясопродукты	70	48
Молоко		
и молочные продукты	378	235
Рыба и		
рыбопродукты	15	9.6

Источник: Госкомстат РФ.

«Главный исторический результат» рыночной экономики проявился в снижении потребления населением основных продуктов питания, ухудшении условий жизни и вымирании народа. В связи с ростом смертности и снижением рождаемости общие потери населения оцениваются в 8 млн чел. Таким образом получается: уничтожив собственное производство, можно тем самым «решить» и все экономические проблемы, а если к тому же уморить и население, то отпадут и социальные проблемы. Но в таком случае исчезнет и само государство вместе с политиками. Им хотя бы об этом следовало подумать. На этом фоне название Послания президента 1996 г.: «Свобода и демократия - главное условие прогресса и процветания» выглядит очень выразительно.

Демократия по шаблону - это гибельный путь для народа и государства. Посягая на нравственные устои народа, нынешнее государство пытается тем самым его ассимилировать, лишить самосознания и самобытности, что равнозначно погублению его как нации. «Холодная война» или война идеологий перенесена с международного поприща во внутрь страны. Она ведется силами государства против своего народа.

Народ поставлен тем самым перед выбором: или погибнуть в этой нелепой войне вместе со своим государством или, сменив форму государственности, сохранить себя и государство.

В действиях «радикал-реформаторов» отчетливо проявилось их партократическое нутро: одну догму они заменили другой и с фанатической одержимостью пытались претворить ее в жизнь. «Правительство намерено придерживаться своей программы как бы трудно это не было». (Выступление В.Черномырдина в 1994 г.). При этом «Правительство ... забыло о людях (из Послания 1996 г.), а «власть обрастала жирком», (из Послания 1997 г.). Программа реформ, получается, была нужна не народу, а власти. Она нужна была ей для собственного обогащения. Таким образом, под видом «реформ» государство проводило политику ограбления собственного народа, разграбления богатств страны.

Для гарантированного выполнения программы «Перехода к рынку» власть президента закрепили в Конституции на уровне абсолютной, но с ориентацией на «энергию экономической свободы». Абсолютизм власти был соединен с анархизмом в экономике и общественной жизни, что приводило к разрушению народного хозяйства и к пагубным социальным последствиям.

Основной замысел Конституции очевиден: Удовлетворив властолюбивые устремления президента, использовать его для внедрения удобной, прежде всего, Западу и правящим кругам страны системы власти и общественных отношений. Президентские Послания выполняли при этом роль «громомотвода», они были популистскими, предназначались для поддержания веры народа на благоприятный исход ситуации. Расчет на «энергию экономической свободы» был, в сущности, расчетом на «авось». Главным для реформаторов было присвоение собственности и «сколачивание» личных состояний, «а экономика как-нибудь наладится». (Слова главного идеолога перестройки А.Яковлева, произнесенные им с телеэкрана во время предвыборной кампании в Госдуму).

Положительный зарубежный опыт безусловно следует учитывать. К примеру, кампания по отрешению Б.Клинтона от должности была начата в связи с попыткой введения им в заблуждение конгрессменов по поводу нарушения этических норм. Б.Ельцин, произвольно начав реформирование, постоянно призывал народ к терпению ради иллюзорных благ. В результате самообмана (обмана, самонадеянности ...) он ввел в заблуждение всю Россию, причинил ей неисчислимые бедствия, поставил ее на грань гибели. Этого более чем достаточно для следования примеру США.

С конституционным запретом идеологии государство не перестало «навязывать обществу какие-либо идеологические схемы». Но вместо собственных оно навязывает ему чужие. Можно здесь вспомнить и Маркса: с помощью языка господствующий класс навязывает обществу

свою идеологию, скрывающую отношения господства. Свою идеологию нашему обществу навязывает не только господствующий, правящий класс, но и господствующие страны мира. Это и определяет катастрофическое, гибельное для страны положение.

Основательная «чистка» понятийного аппарата обрела жизненно-необходимое значение для страны. Без этого невозможен вывод ее из нынешней катастрофической ситуации, у нее не может быть достойного будущего. Извращенное понимание (или намеренное извращение) терминов «реформа», «демократия», «свобода» и т.д. определило содержание всей политики разрушения, превратило страну из супердержавы мира в отсталое и деградирующее государство.

Усовершенствовать понятийный аппарат в состоянии лишь наука. На принципах нравственности, народности и патриотизма она должна сформировать и социально-приемлемую идеологию развития общества и государства на обозримую перспективу. И это ее главнейшие задачи в сложившейся ситуации в стране. Без их решения социальные науки сами обречены на пустую или даже вредную для общества работу.

Г.Пирогов

Новинка сезона: пылесос для откачки валюты

**Станет ли Россия всемирной «химчисткой» по «отбеливанию»
наркодолларов?**

Недавно несколько московских газет необычно дружно и слаженно опубликовали призывы к созданию на территории России сети филиалов иностранных банков. Предполагается будто Россия не охотнее, чем своим, доверяет им валютные сбережения. Наша редакция обратилась за разъяснениями к известному экономисту, профессору Г.Г. Пирогову.

- Григорий Григорьевич! Как Вы оцениваете проекты создания у нас новой финансовой структуры зарубежного происхождения?

- Резко отрицательно. Какие-то закулисные силы организуют давление на наше общественное мнение, навязывая ему новые гибельные решения.

- Но, если у населения по последним данным уже скопилось 80 млрд. долларов, то надо же как-то использовать их

для спасения нашей гибнущей экономики?

- Да нет же у населения никаких 80 млрд. долларов. Цифра эта возникла так: властям известно количество долларов официально проданных гражданам РФ; известно и количество валюты, вернувшейся обратно; остаток, вполне возможно, и составляет 80 млрд. долларов. Но часть из них нелегально вывезена за рубеж. А основная доля сосредоточилась в сфере, которую сейчас стыдливо называют «неформальной экономикой», иначе говоря, речь идет о части валютного сегмента теневой составляющей нашего народного хозяйства. Неконтролируемые валютные потоки «крутятся», находятся при деле. И они просто так (по декрету ли президента или в результате газетного шума) не потекут в сейфы банков (хоть наших, хоть западных).

Кроме того, надуманно, некорректно само противопоставление частных иностранных банков частным российским банкам. Надо возродить ныне полуразрушенную государственную финансово-кредитную систему. Она должна вернуть себе утраченное доверие населения.

- А такое возможно?

Конечно. При условии, что руководству России хватит политической воли для решения индексировать вклады, погибшие в 1992 году; при условии решительной защиты интересов вкладчиков государственных структур. Вернула же власть (хоть с опозданием) займы военного времени. Доверие на дороге не валяется. За него надо драться.

Не обязательно сразу выплачивать все обязательства государства перед его подданными. Можно рассчитываться или частями, или талонами на приобретение товаров отечественного производства (так сделали японцы в конце 1998 года в момент финансовых затруднений). Процент по вкладам физических лиц в государственный банк должен обгонять инфляцию.

Надо поднять достоинство рубля. Вот я только хотел подарить внуку новую книгу когда-то отличного детского писателя Эдуарда Успенского «Бизнес крокодила Гены». Там рубли, оказывается, иначе как «простоквашками» не называют. А министерство просвещения РФ рекомендует сей труд как учебное пособие. Презрение к национальной валюте - к рублю у нас воспитывают с детства.

Считаю необходимым законодательным путем разрешить разовые вклады физических лиц без указания источника в размере до 20 тыс. долларов (или 5 тыс. минимальных окладов). Таким образом защитим интересы мелкого и среднего предпринимательства. А в дальнейшем крупные вклады надо принимать

с указанием источника. В добропорядочности вкладчиков пусть разбирается налоговая полиция.

- *Китайцы избрали другой путь. Они платят ежемесячный огромный процент именно долларovým вкладчикам. Во время стажировки в Китае я хранил деньги в сберегательной кассе и получил почти 100 долларов в качестве процента за 8 месяцев хранения моей скромной стипендии. А у нас так нельзя?*

- В Китае нет массового презрения к государственной финансовой системе. Такой прием можно применить у нас временно, как экстраординарную меру. А стратегический курс один - поднять престиж рубля.

Вот и японский опыт. Там совмещается почтовая служба и государственная система сберегательных касс и страхования. Таким путем государство аккумулирует сбережения массового мелкого вкладчика и направляет их в приоритетные области развития. Особенно большое значение это имело в послевоенные годы. А нам в России еще предстоит начать период восстановления народного хозяйства.

- *Как Вы оцениваете последствия допуска иностранных банков на территорию России?*

- Появление конкурентной банковской структуры окончательно подорвет положение Сбербанка. Неизбежно бегство капиталов в новые финансовые учреждения. Они, ведь, не будут действовать без серьезных правительственных гарантий. Таким условием может стать независимость инобанков от эффективного контроля со стороны представителей государства. Это означает фактически переход финансовой системы России в иностранные руки.

- *Ну это еще не скоро, хотя и реально. А Вы себе представляете как филиалы иностранных банков будут распоряжаться вот сейчас средствами наших сограждан?*

- Иностранцев интересует не столько сиюминутная прибыль, сколько решение геополитических задач контроля над странством. Их инвестиции, скупка акций прежде всего, экономически не эффективны. Если нашим банкам невыгодно вкладывать в отечественное производство, то с какой стати иностранцы будут вкладывать аккумулированные ими деньги наших сограждан в российское производство?

- *А вот академик Петраков на страницах «Общей газеты» предлагает принимать валютные вклады от «населения», то есть физических лиц, без указания источников дохода и в неограниченном количестве. Средства из «чулков» по-*

ступят в оборот. А разве это не заманчиво?

- Тут таится большая опасность. Возникает возможность превращения России в гигантскую «химчистку» для отбеливания наркоденог. Наша страна может быть сильнейшим образом скомпрометирована перед лицом мирового сообщества. Кроме того, надо же не забывать о всемирном финансовом кризисе. Не следует создавать новых каналов для бегства капиталов из России. Вот, к примеру, Бразилия. Оттуда за два дня ушло свыше 9 миллиардов долларов «горящих денег». Иначе говоря, иностранные банки на нашей территории могут в определенных ситуациях работать как пылесосы, откачивая валюту из России. Да еще диктовать ей условия сотрудничества.

- Вы считаете себя изоляционистом?

- Нет. Слишком много ущерба нам принес «железный занавес» в прошлом. Но надо научиться понимать то, что нам выгодно, или что не выгодно. Надо отказаться от роли неполноправного партнера.

- Нужны нам зарубежные займы?

- Самая большая помощь, которую нам может оказать Запад: возврат капиталов, незаконно вывезенных из России без оправдательных документов, хотя бы налоговых деклараций. Западные банкиры отлично понимают то, какие вклады у них - незаконные. Кстати, краденные деньги могут пойти на погашение наших долгов. На Западе уже возникали подобные предложения.

Беседу вел Феликс Белелюбский.

Спорили, спорим и будем спорить

В.Трушков

Перестройка как фактор капиталистической реставрации

1. В рамках формационной концепции есть достаточно оснований относить все 73 года советской истории к переходному периоду от капитализма к социализму. Во-первых, не было достигнуто нового, по сравнению с современным капитализмом, качества производительных сил. Во-вторых, производственные отношения продолжали «бродить», в них шла перегруппировка хозяйственных укладов; несвоевременное разрешение противоречий внутри базиса и надстройки и между ними создавало базу для возрождения крупнотоварного частного уклада, для расширения зоны мелкотоварного уклада. И это, увы, нормально, ибо качество производительных сил таково, что эти уклады не вступали в несоответствие с ними. В-третьих, новый тип личности, как и новый тип культуры, находился в процессе становления, не успел сложиться. И сегодняшние метаморфозы «человеческого материала» позволяют эту «незавершенку» видеть даже без очков.

2. В рамках переходного периода от капитализма к социализму есть как минимум два этапа (их отмечал еще В.И. Ленин).

Первый этап обеспечивает создание культурных (в широком смысле слова) предпосылок для социалистического строительства - машинного типа производительных сил (индустриализация), что относится как к городу, так и к деревне (в условиях нашей страны это требовало кооперации); интеллектуального уровня работника (личностной составляющей производительных сил), соответствующего производственно-техническим требованиям индустриального уровня материально-технической базы (культурная революция») и т.п. Эти задачи в основе своей были

решены перед Великой Отечественной войной. Послевоенное восстановление народного хозяйства укрепило социалистический компонент в общественном процессе, но объективно не меняло, не могло изменить характера задачи - перехода к социалистическому строительству на собственной материально-технической и личностно-культурной базе. К концу 30-х - началу 60-х годов знаменитый спор между В.И. Лениным и меньшевиками о цивилизационных предпосылках социалистического строительства (см., напр., ленинскую статью «О нашей революции») был завершен в пользу Ленина.

Второй этап - строительство социализма на его собственной базе.

3. Потребность в качественном по сравнению с существовавшим состоянием общества переходе от первого этапа переходного периода ко второму если не осознавалась теоретически, то витала в воздухе, более того, - осуществлялись практические шаги, что нашло отражение в документах XVIII партконференции (февраль 1941 г.), в создании совнархозов в 50-е годы, в косыгинской реформе, реформах, начавшихся в 1985 году. Этот процесс с точки зрения формационного развития внутрикачественный, но качественный по отношению к существовавшей общественной системе. Он не может рассматриваться как революция, но может быть определен как «перестройка», т.е. переструктуризация общества на базе сохранения и развития господствующего способа производства. Такие перестройки бывают не только в межформационные переходные периоды, но и при переходе от одной внутриформационной стадии к другой, скажем, от монополистического капитализма к монополистическому, от него - к государственно-монополистическому.

4. Задачи советской перестройки в любом ее варианте в своей основе объективны и определялись потребностями состояния производительных сил. Следовательно, требовались изменения в производственных отношениях и надстройке, которые учитывали бы

- переход от точечного («великих строек социализма и коммунизма») к дисперсному размещению производительных сил,

- отказ от «рудиментов» мобилизационной модели народно-хозяйственного функционирования к «естественной», т.е. «экономической» модели,

- переход от экстенсивных методов хозяйствования к интенсивным,

- освоение научно-технической революции и демократизация в организации производства, в котором возросла доля творчества, с одной стороны, и индивидуального начала, с другой.

Поскольку существовавшие производительные силы могли быть фундаментом как капиталистического, так и социалистического базиса, резко возрастала роль субъективного фактора, в частности - научного понимания сущности решаемой перестроечной задачи. Независимо от

риторики все руководители государства и партии осознавали недостроенность социализма, по крайней мере, из-за ресурсной ограниченности (например, И. Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» писал о невозможности из-за этого развивать легкую промышленность, Г. Маленков выдвигал тезис об ускорении темпов развития группы Б по сравнению с группой А, но Н. Хрущев возвратился к сталинской формуле и т.п.; еще очевиднее «недостроенность» социализма проявлялась в вопросах сельского хозяйства). Но если это «недосоциализм» («ранний социализм»), то значит, в нем сохраняются существенные элементы капитализма. Именно в этом качестве И. Сталин в 1952 году отмечал товарный характер экономических отношений. Это качество переходного периода особенно остро проявляет себя при переходе от одного его этапа к другому.

Из-за бурного развития производительных сил, ставшего результатом индустриализации, народное хозяйство СССР уже не могло управляться как единая фабрика мобилизационного типа. Развитие экономики сделало «фабрику» «трестом», включающим в себя относительно самостоятельные «фабрики», взаимодействующие между собой по законам товарных отношений. В такой ситуации обострилась проблема оценки экономической эффективности. И. Сталин настаивал, что она должна осуществляться в масштабе всего народного хозяйства. В 1952 году это было реально. Но всего через пятилетку становится ясно, что Госплан не может планировать народному хозяйству-«тресту» (т.е. не «единой фабрике») всю номенклатуру продукции и все пропорции. И тогда предпринимается попытка переложить ответственность за рентабельность экономики с народнохозяйственного комплекса на его составные части. В результате в социалистическую основу производственных отношений вживляются сугубо буржуазные критерии экономики - прибыль и т.п. «Ткань» пытается сколько-то сопротивляться, но поскольку мы имеем дело с переходным периодом, то сосуществование «двух систем» в отечественных механизмах хозяйствования становится реальностью.

5. Капиталистические механизмы, стабилизируясь в недосоциалистическом теле хозяйствования, приводят к социально-экономическим мутациям тех, кто с этими механизмами связан. Постепенно через теневую экономику начинает формироваться крупнотоварный частный уклад. Нет оснований видеть в этом ни крах социализма, ни оппортунизм. Скорее в подобных шагах проявлялась логика переходного периода, - скажем, похожее в КНР делал Дэн Сяопин. Но в нашей стране такие реформы проходили приотягчающих обстоятельствах:

а) у нас «европейское» социальное время, поэтому в нашей культуре нельзя ориентироваться, скажем, на столетние сроки второго этапа переходного периода к социализму, хотя в КНР о таких сроках спо-

койно говорят даже в отношении первого этапа;

б) ни общество, ни руководители не осознавали, что вживлены буржуазные механизмы, поэтому отсутствовала ориентация «верхов» на повышенный контроль со стороны рабочего класса и его союзников за деятельностью аппарата, за государством, за его руководством;

в) контроль снизу с четкой его направленностью оказался тоже нереален. Бурно шедший в послевоенные годы процесс формирования нового типа личности - «советского человека» - был внутренне противоречив. Это на деле была «двухэтажная» личность. Она была удивительно социалистической и потому порождала массовых стахановых и гагановых. Советский простой человек - а это скорее точная социалистическая формула, чем поэзия - чрезвычайно болезненно пережил «разоблачение» Сталина, антипартийную группу Маленкова - Молотова - Кагановича, многократное «геройство» Брежнева и т.п. Он относился с чрезвычайной требовательностью к коммунистам («А еще партийный!»). Но это все - второй этаж. А на первом - мещанство. Нравственное мещанство имело прочную социальную базу. Из каждых шести рабочих пять были в первом или втором поколении. Среди интеллигенции доля таковых приближалась к 80%. В целом мещанство подпитывалось а) мелкобуржуазными социальными корнями, б) частичной психологической маргинальностью (даже деклассированностью), в) мелкобуржуазностью актуальной, существовавшей всегда как экономический уклад (полуофициальный).

6. Перегруппировка экономических укладов, начавшаяся независимо от воли партии и государства, а в связи с привнесением буржуазных механизмов в советские хозяйственные процессы, расширяла «первый этаж» реальной личности. «Второй этаж» все чаще начинал выполнять роль конфетной обертки - для официального использования. Отсюда «двойной стандарт» в поведении (вспомним рассказ А. Яшина «Рычаги»).

Этот процесс наложился на смену поколений политической «элиты». Причем своеобразную: выпали «дети войны», превратившиеся в ее самых юных тружеников - они имели низкое образование, ценили малые радости, которых были в свое время лишены, жили «для детей». Поэтому в политике на смену «поколению победителей» пришло поколение не их детей, а внуков. Первой жертвой такого скачка стал комсомол, оказавшийся лифтом во власть для наиболее энергичных и наиболее приспособленных к новым социальным поветриям. Типичными представителями его кадровых выдвиженцев являются и Горбачев, и Кириленко. Экономические процессы и новая волна политических кадров сделали реальным фактом общественного сознания советских людей 80-х годов идею конвергенции.

7. Горбачевская перестройка - это курс на воплощение идеи кон-

вергенции на практике. В этом отношении она принципиально отличается - по намерениям инициаторов - и от хрущевских, и от брежневско-косыгинских реформ: там не было намерения ломать социализм, было скорее непонимание, что происходит реализация несостоявшихся на практике, отсеченных историей поздних этапов нэпа. Здесь - сознательный курс на приоритетность частной собственности. Однако курс на конвергенцию был бы невозможен без предшествующих реформ, подготовивших базу для буржуазных укладов.

Перестройка вылилась в экономическую конвергенцию: от кооперативов к совместным предприятиям, а потом - к разгосударствлению. Конвергенция в политике проявила себя в двухуровневом Съезде народных депутатов, введении поста президента, поддержке антикоммунистических «народных» фронтов... И только идеологическая конвергенция не состоялась. Поскольку в этой сфере политика компромиссов невозможна, то случилась обыкновенная сдача позиций. Почву для идейного пораженчества готовили и культ личности, и его бездумное развенчание. Отступление шло по линии от антисталинизма к антиленинизму и далее к антикоммунизму.

8. Курс на конвергенцию открыл дорогу контрреволюции в политике и реставрации капитализма в социально-экономических отношениях. Но оставались главные препятствия: в политике - КПСС, в экономике - сложившийся союзный народнохозяйственный комплекс. КПСС разрушали с помощью: а) высоких социально-нравственных стандартов, созданных самой КПСС, до которых на практике партаппарат не дорос, не дотянулся; б) дискредитации партии через деятельность массово примазавшихся к ней карьеристов; в) переписывания истории КПСС и Советского государства. И все же этого оказалось мало. Даже в борьбе за мандат народного депутата СССР в 1989 г. (Ельцин - Браков) избиратель выбирал между... членом ЦК КПСС и кандидатом в члены ЦК КПСС. Поэтому антикоммунистами - внутренними и внешними - были использованы экстренные меры: а) используя «генетический» страх партийцев перед расколом КПСС, искусственно нагнеталась его угроза через «Демократическую платформу» и «Объединенный фронт трудящихся»; но и эту задачу смогли решить лишь частично и «непредвиденным» способом - через образование КП РСФСР; б) разрушение общепартийных структур управления (перетряхивание партийных кадров; федеративный принцип формирования Политбюро ЦК КПСС на 28-м съезде и т.п.); в) уход из экономики и политического управления, породивший массовое сомнение в нужности партии, подозрение в ее «бесполезности»; г) вытеснение парторганизаций с предприятий. Конфликт Горбачев - Ельцин выполнял лишь роль отбойного молотка. Глубинно разрушение Союза было необходимым условием для разрушения советской экономической системы, которая в том (союзном) хозяйственном комплексе даже

при многоукладности могла функционировать только при доминировании государственно-социалистического уклада.

9. Занимаясь сейчас разработкой моделей обновленного социализма, крайне важно ответить на вопрос: были ли после хрущевско-козыгинско-брежневских реформ неизбежностью курс на конвергенцию и капиталистическая реставрация? Думается, нет. Но для их предупреждения требовалось: а) понимание, что проводившиеся реформы были пусть и вынужденным, но откатом в сторону нэпа; б) усиление последовательно классового подхода к оценке всех событий и явлений окружающей действительности; в) возрастание роли социалистического государства и коммунистической партии; г) прочный контроль в идеологической сфере, в частности в СМИ, что, кстати, вполне совместимо и с гласностью, и с широкими социальными дискуссиями.

10. При выходе России из капиталистической реставрации предстоит пройти через ступень, внешне напоминающую горбачевскую перестройку, но с полярной направленностью. Более того, до такого общественного состояния еще надо добраться, доработаться. При преодолении реставрации можно прогнозировать как минимум три этапа: а) переход из состояния неустойчивого равновесия к госкапитализму; б) переход от госкапитализма к неонэпу; в) переход к неоперестройке, что и может стать стартом для последующего социалистического созидания. Что касается возрождения производства, то оно возможно только на новой аппаратной основе, обеспечивающей осуществление качественного скачка в отечественной материально-технической базе. Однако всякая общественная закономерность проявляет себя через деятельность реальных людей. Субъективными помехами на пути преодоления реставрации сегодня являются: а) недостаточное теоретическое осмысление современного этапа общественного развития левыми силами; б) перигей массового политического интереса, вызванный не только заботами людей о выживании, но и сознательным политическим «перегревом» в пору перестройки; в) давление Запада, шанс его преодолеть связан с неизбежно надвигающимся очередным этапом общего кризиса капитализма (его внешним проявлением, возможно, будет конфликт между долларом и евро); г) психология и поведение мещанства, для его преодоления надо уже сегодня использовать объективное совпадение интересов левых сил и правительства Примакова в отношении агрессивно насаждающих мещанство и буржуазность электронных СМИ.

Е.Польгуева

Крах ложной пропаганды

Я хочу остановиться на некоторых причинах развала социализма. Возможно, это частности, но из частей складывается целое.

Во-первых, по мере построения социализма, у людей притуплялось классовое чутье. Это процесс естественный. Достижения социализма стали для трудящихся естественными и воспринимались как само собой разумеющееся. На недостатках же акцентировалось особое внимание, и уже не соизмерялась важность и ценность того и другого.

Во-вторых, недостатки, промахи и упущения (и крупнейшие!) действительно были! И партия не только не научилась честно говорить о них с народом, но и сама не искала действительных причин своих ошибок. Более того, под разговоры о мудрости народа, велась такая неумелая, лживая и непрофессиональная пропаганда, которая свидетельствовала как о неуважении к этому самому воспеваемому народу, так и об интеллектуальной ущербности пропагандистов. В результате не составило труда одни мифы заменить прямо противоположными антикоммунистическими, в которые легко поверили из-за очевидной лживости первых. К тому же осуществлялась совершенно несостоятельная культурная политика, в результате которой советская власть сама вырастила себе врага в лице значительной части творческой интеллигенции. Скажите, кто бы вспомнил сейчас о «бульдозерной выставке» группы молодых художников, если бы ее не разворотили бульдозером? А теперь есть повод говорить о коммунистическом варварстве! Не мудрено, что при таком отношении к интеллигенции - главными хулителями социализма оказались по большей части не вынужденные уехать из СССР, а вскормленные и взращенные социализмом многочисленные «лауреаты» и «орденоносцы».

Часто говорят, что поражение социализма - результат «холодной

войны», как бы оправдывая нас тем, что внешний противник был силен. Но разве проигравший не виновен в своем поражении? Это тема для отдельного разговора, однако хочется заметить: некогда говорили, что франко-прусскую войну выиграл прусский учитель, потом, что в Великой отечественной победил советский учитель, а вот «холодную войну», на мой взгляд, во многом проиграла советская школа «застойных времен». Да, да, та самая лучшая в мире школа. Которая действительно давала глубокие и разносторонние знания, но не учила самостоятельному мышлению и сплошь и рядом воспитывала лицемеров.

И последнее. Коммунизм провозглашает высокие идеалы. В этом его сила и его слабость. Политика до сих пор делалась (и, видимо, еще долго будет делаться) далеко не чистыми методами. Однако никогда не простится коммунистам то, что прощается буржуазии: ни ошибки, ни достижение цели любыми средствами. Всегда будут вспоминать полтора десятка рабочих, погибших в Новочеркасске. Не потому, что в капиталистических странах такого произойти не могло (происходило - и не в таких масштабах), а потому, что Советский Союз провозгласил себя государством рабочих и крестьян.

Как много кричали о преступности социалистической системы после заражения СПИДом детей в больнице Элисты! Как впоследствии оказалось, на Западе такие случаи происходят весьма нередко. И никто не требует смены политического строя, разве что некоторых чиновников отдают под суд.

Некоторые говорят, что в СССР социализма не было. Теперь, прожив при капитализме, легко убедиться, что это не так. Другие утверждают, что социализм неконкурентоспособен в сравнении с капитализмом. Но, весьма существенно изменившись за последний век, капитализм однако не разрешил ни одного из своих глобальных противоречий. А это значит, что перспектива для мира - именно социализм. Но для России вопрос времени может стать вопросом жизни. Мы не просто можем оказаться на обочине мирового развития, а прекратить существование как нация и государство.

От редколлегии: Редакция «Коммуниста» публикует выступления В.Трушкова и Е.Пильгужевой на дискуссии, организованной Советом СКП-КПСС и Правлением РУСО на тему: «Причины поражения социализма в СССР». Остальные материалы этого заседания мы постараемся опубликовать в следующем номере журнала.

Самодостаточна ли экономика России?

На смену многократно растиражированным разоблачениям нашего прошлого в российские СМИ пришли жалобы на безволие и равнодушие, безответственность и некомпетентность, суетливость и коррумпированность нынешней власти. Такие причитания стали общим местом, разменной монетой всех нынешних политических деятелей, начиная с главы районной администрации и кончая главой государства. В набегающих, как морской прибой, газетно-телевизионных волнах, в очередной (пятый уже) раз прозвучали они и в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию РФ. Кого же критикует Президент, на борьбу с кем призывает? Не надо обладать особым даром ясновидения, чтобы сделать однозначное заключение: власть жалуется на власть. Президент с блеском разоблачает самого себя.

Суть же его посланий - стремление перенести центр тяжести на пространное обсуждение второстепенных или заведомо нерешаемых вопросов, уход от трезвой оценки реальных задач, манипулирование невыполнимыми и откровенно циничными обещаниями. Нам же предстоит сосредоточиться на главном.

То же самое должно быть сказано и в отношении правительственной чехарды, совершаемой в сущности теперь уже на циклической основе по тому же сценарию и с теми же ничтожными целями отвлечения страны и народа от главного. А главное очевидно: приостановление развала страны, масштабы которого осознанно скрываются от народа, организация реформ народного доверия, мобилизация всех сил на подъем производства, огромная повседневная созидательная работа всей страны, власть которую обязана наладить.

Исходная ситуация. Кризисом экономики в науке принято называть состояние, когда объем производства сокращается на одну треть. Уменьшение на две трети - уже распад. Российская экономика по всем основным параметрам находится именно в состоянии распада или вплотную приблизилась к нему. О том свидетельствуют данные о среднегодовых темпах изменения основных показателей экономического развития России (РСФСР) (использован минимум показателей, наиболее наглядных для широкого читателя).

	Темпы прироста		Темпы спада		
	1961-70	1971-80	1981-85	1986-90	1991-95
национальный доход	7,0	4,9	3,4	0,8	-12,1
доход на душу населения	4,7	3,8	2,3	1,3	-8,7
продукция промышленности	8,6	5,9	4,8	2,4	-10,7
розничный товарооборот	7,0	5,5	4,1	2,1	-9,4

Выводы приобретут еще более убедительный характер, если мы сравним не темпы, а итоги «пятилетки Ельцина» с результатами самой «застойной» последней 12-й пятилетки (в процентах, округленно).

	1985 г.	1995 г.
	по отношению к 1981г.	по отношению к 1991г.
национальный доход	+18	-77
доход на душу населения	+12	-52
товарооборот	+23	-57
продукция сельского хозяйства	+11	-45
продукция промышленности	+25	-66

Особенно выразительна здесь одна цифра. В 12-й пятилетке при «пустых полках магазинов» и «колбасных электричках» (ими постоянно тычет нам в глаза и уши бессовестная журналистика) розничный товарооборот вырос на четверть. А теперь, при «наполненных прилавках», он сократился наполовину! Проще говоря, две трети населения резко сократили свое потребление. Отсюда и изобилие для остальных. Людоедское «изобилие»...

Самым важным является факт падения национального дохода на 77 процентов, то есть переход рубежа распада. В 1996 г. объем национального производства снизился еще на 6 процентов. В 1997 году продолжался примерно теми же темпами (сколько бы ни заявляли о «стабилизации» те, кто повинен в катастрофе) и вплотную приблизился к отметке 9/10. Падение за 8 лет в 10 раз есть рубеж! (На этом фоне, даже если принять всерьез вывод Госкомстата о росте ВВП в 1997 г. на 0,4%, само слово «рост» есть издевательство над здравым смыслом, или, в лучшем случае, эффект манипуляции расчетами. О каком росте может идти речь, если нынешнее абсолютное значение 1 процента (3,3

млрд.долл.), по крайней мере, в 5 раз ниже абсолютного уровня 1990 г. (16,5 млрд. долл.). Ведь до тех пор, пока не будет достигнут исходный уровень 1990 г. ни о каком позитивном эффекте реформ речи быть не может.) За его пределами теряют значение любые ценности. Даже установившаяся тенденция превышения смертности над рождаемостью не так опасна для выживания нации, как такое падение производства. По существу возникло коматозное состояние экономики. Оно - закономерный результат политики, проводимой правящим режимом.

Цели и средства власти. Ими объявлены модернизация и повышение эффективности производства, конкурентоспособное вхождение в мировой рынок, а затем - повышение на их основе благосостояния наших людей едва ли не до уровня «золотого миллиарда» - самых промышленно развитых стран. Стало очевидным, что приватизация и переход к рыночной конкуренции «палочкой-выручалочкой», «архимедовым рычагом» не стали. Но скачок в светлое капиталистическое будущее не состоялся.

Итог - отсталость, опрокинутая в будущее. Доля производственного накопления в используемом национальном доходе упала до самой низкой нормы в мире - 69 процентов. Такой крупный провал создал в России «инвестиционный голод», затормозивший развитие многих отраслей и районов страны. Его последствий:

(Резкое заниженный объем производства строительных материалов и изделий; затем недоосвоение даже запущенных капиталовложений; быстрый рост объема незавершенного строительства; искусственно созданный «строительно-фондовый голод» (производство цемента снизилось на 45 процентов, сборных железобетонных конструкций и изделий - процентов на 36 процентов, выпуск шифера - на 70 процентов и т.д.).

(Резкое сокращение материально-технической базы производственной инфраструктуры (.е. транспортного комплекса, его мощности, протяженности дорог, грузооборота, емкостей складских помещений, баз, элеваторов и т.д., запчастей и инструмента, связи и т.п.) - «инфраструктурный голод».

(Безработица, ее увеличение можно назвать «отрицательным ростом», поскольку загрузка основных фондов снижалась гораздо быстрее, чем сокращалось количество рабочих мест.

Проблема рынка труда заслуживает отдельных пояснений. У нас и прежде были «скрытые резервы», излишки рабочей силы. В целом в народном хозяйстве СССР пятеро трудились за четверых. При падении производства на 3/4, казалось бы, для всех них осталось лишь одно рабочее место. Однако директора, не потерявшие надежду когда-нибудь выкарабкаться, хотят сохранить

кадры. Да и правящий режим понимает: при 80-процентной безработице он не удержится и дня. Поэтому идет «искусственная подкормка» части трудящихся, что-то вроде подачек древнеримским пролетариям. Необходимо остановить опасную тенденцию роста фонда заработной платы в народном хозяйстве в условиях катастрофического понижения производительности труда и остановки производства. В России за четыре года (1991-1994 гг.) по крайней мере 42,5 миллионам трудящимся заработная плата повышалась или поддерживалась при снижении производительности их труда в четыре раза. Попросту говоря, произошел подкуп рабочих. Слов нет, зарплату в России надо повышать, и не до 100, а до 2,0-2,5 тысяч долларов в месяц. Но не «за так», не за поддержку расстрела Белого дома, а в обмен на опережающий прирост производительности труда.

Возникла сверхвысокая оплата труда управляющих, перетекающая в сверхнеумеренное потребление, в недвижимость, в «Бегство» капиталов. Данными факторами в структуру нашей экономики заложена потребительская направленность. Она предполагает «проедание» не только всего того, что создается, но и накопленного ранее. Потому и падают все показатели национального дохода. Фонд зарплат уменьшается медленнее фонда накопления, то есть его доля относительно увеличивается. Это противоречит закону опережающего роста производительности труда над ростом оплаты труда.

У нас как и в прежних условиях планового хозяйства, так и в условиях рынка все недорабатывают. Но прежде все-таки росла, хоть и недопустимо медленно, производительность труда. А ныне и она, и его качество понижается, а не повышается. В таких условиях объективно и по определению нечего рассчитывать на снижение цен.

Потребительская направленность новой рыночной экономики России способствует нарастанию социальных диспропорций. Рост непокрываемых товарами денежных доходов и неорганизованного досуга населения опережает его духовное развитие. Этот социальный перекос способствовал активному внедрению ценностей потребительского общества, особенно в среде молодежи, при одновременной эрозии норм социальной дисциплины: трудовой, производственной, исполнительской, технологической, финансовой. Итак, декларируемая цель - повышение эффективности производства - обернулась и не могла не обернуться при таких подходах - его деградацией. Именно с ней мы отправились на мировой рынок.

Возможности и надежды. Фатально ли нынешнее социаль-

ное и экономическое положение России, объективно ли обусловлено снижение абсолютных объемов производства, неизбежно ли обнищание народа и разложение нации? На эти вопросы со всей определенностью надо дать отрицательный ответ. Объективно у России не было и нет предпосылок для такого социального сдвига, для такой депрессии. Причины его внешние, вторичные. Сценарий такого развития навязан нам со стороны. Свои проблемы Запад пытается решить за наш счет.

Когда нам внушают будто производство при капитализме высокоэффективно и динамично, по самой его природе, ибо им всегда движет выгода, - это миф. Сплошь и рядом выгодным оказывается неинтенсивно организованное производство, а то и остановка его, уничтожение продуктов труда. Рационально организованный, социально ориентированный рынок - совсем не синоним капитализма, даже высокоразвитого. И уж тем более он несвойственен периферийным экономикам, привязанным к интересам мировых хозяев, обслуживающим их. Скорее, наоборот.

Хитрые компрадоры убеждают нас (и многих убедили), что только спешное подцепление российского вагона к хвосту мирохозяйственного товарняка вывезет нас: иностранные кредиты, инвесторы и т.д. Но задумаемся: зачем мы нужны машинистам американского локомотива? Они же заинтересованы в бесконечном расширении собственного рынка, а не в организации поля для конкурентов. Не Запад укрепляет нашу экономику инвестициями (их практически нет) и мелочной помощью (за нее наши дети заплатят втридорога), а Россия подпитывает Запад. Именно потому в ней планомерно формируется неорганизованный хаотический, полубандитский рынок. Наши перспективы зависят не от масштабов использования иностранного капитала, а от наличных рациональных ресурсов роста, от полноты вовлечения их в хозяйственный оборот, от степени их рационального освоения. Эти показатели в России катастрофически понизились не вследствие неотвратимой закономерности, а в результате исключительно неудачных и несвоевременных реформ, то есть субъективного фактора.

Только с отрицанием рыночной утопии возможен правильный путь к осуществлению последовательных преобразований к организации предельно полезного, а уже потом и только на такой основе предельно выгодного производства. А вот теперь самое время вернуться к мистифицированному либералами понятию «рынок». Рынком продукции называют потенциальную потребность в ней. Западный рынок перенасыщен - предложение многократно превышает спрос. И с этой точки зрения можно сказать, что рынок им не нужен. Он становится все менее эффективным

инструментом. Иное дело Россия. У нас емкость рынка товаров сдерживается только платежеспособностью, а потенциально спрос у нас безграничен, по крайней мере на два-три десятилетия. Дефицитный российский рынок на протяжении 15-20 лет способен выдержать темпы в 10-12 процентов ежегодного прироста. В перспективе ограничена именно «перегретая экономика США и других развитых капиталистических стран. Там, а не в России, емкость рынка нулевая или даже отрицательная.

Отличие России как раз в том и состоит: предельно интенсивное производство, ориентированное на внутренний рынок, у нас возможно в полном объеме и длительное время. Зато оно все более ограничено в странах развитого капитализма. Экономика нашей страны способна быть самодостаточной. Российский потребитель мог бы приобретать товары на сумму до 6 триллионов долларов в год. А в США емкость внутреннего рынка не превышает 2,5 триллиона долларов. Производит же Россия ценностей на сумму до 300 миллиардов долларов, США - на сумму до 3 триллионов долларов. И в этом коренная разница. А на нас хитрыми манипуляциями переключена стрелка ответственности. Здоровые силы страны этому должны положить конец.

И отсюда - рынок как способ организации производства и обмена, рынок как инструмент России сегодня нужен.

Отчего же он тогда у нас так уродлив? Да оттого, что либералы-монетаристы внушают нам идею об идеальном совмещении в «свободном рынке» интересов производителей и потребителей, а на самом деле реализуют интересы третьей группы: посредников-перекупщиков, финансового капитала. С точки зрения МВФ, которому они служат, главное - финансовая стабилизация при нерегулируемых ценах. С точки зрения национальных интересов, это означает «ставить телегу впереди лошади». Мечтать о преодолении кризиса в России не приходится вне сознательного стимулирования и защиты интересов производителей, вне надлежащей организации материального производства как первичного звена в системе любых рыночных отношений. Пробовали, и не только в России. Не получается и не получится!

Емкое, крупное и интенсивно организованное производство несет в самом себе решающие возможности повышения темпов экономического роста. Но только возможности. Перелом негативных тенденций, возвращение к интенсивному экономическому росту в нашей стране предполагает решение ряда не только мировоззренческих, научных, технических, но организовано-экономических и социальных задач. В ближайшей перспективе - серия чрезвычайных, реанимационных, стабилизационных мер.

ОПЕРАЦИЯ «СС» В ЮГОСЛАВИИ

Военные штабисты НАТО во главе с руководством США назвали начатую ими почти два месяца назад массированную бомбардировку оборонных и гражданских объектов Союзной Республики Югославии весьма интересно, - «Operation Allied Forces», то есть «Операция Союзная Сила», а короче - «Операция СС». Это название на русском (да и на сербском) языке точно характеризует натовскую агрессию. как расширенное и усиленное повторение гитлеровских воздушных налетов на Югославию весной 1941 года, после которого началось вторжение германских и итальянских войск в эту страну. Разница же в том, что гитлеровцы с самого начала развернули наземные военные действия, в результате которых стали нести немалые и нараставшие потери от партизанской войны, а натовцы с самого начала возлагали все надежды на то, что бомбардировки с большой высотой быстро приведут к капитуляции правительства Югославии и полностью избавят храбрые в бою из-за угла войска НАТО от потерь в живой силе и технике.

Уместно дать краткое историческое введение, без которого труднее разобраться в условиях этой страны, образованной после военного поражения и распада Австро-Венгерской империи в 1918 году. В состав «Королевства сербов, хорватов и словенцев» (с 1929 года - Королевство Югославия) вошли: добившиеся еще в 1878 году при активной военной помощи России независимости от Турецкой Империи королевства Сербия и Черногория, а также отпавшие от Австро-Венгрии Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина. Югославия испытала на себе тяжелые последствия мирового экономического кризиса 1930-х годов (падение производства, рост безработицы, разорение крестьянских хозяйств, массовая эмиграция югославов за рубеж и т.д.). На этом фоне усиливалось влияние Коммунистической партии Югославии, которую перед 2-й мировой войной возглавил Иосип Броз.

В марте 1941 года, когда стало очевидно, что Гитлер вот-вот нападет на Югославию, в результате массовых демонстраций патриотических сил страны король был вынужден отправить в отставку капитулянтски настроенное правительство и утвердить правительство во главе с генералом Душаном Симовичем. 5 апреля в Москве был подписан советско-югославский договор о дружбе и ненападении.

Однако на другой же день после этого с массированных бомбардировок самолетами «Люфтваффе» началась оккупация страны. Компартия Югославии немедленно приступила к созданию партизанских отрядов, которые начали активную войну против фашистов с момента нападения Германии на Советский Союз. Именно тогда югославы стали говорить: «Вы не бойтесь немецких авианов, - нас и русских двести миллионов!» Народно-освободительная война югославского народа отвлекала на себя все больше гитлеровских дивизий и уже задолго до высадки англо-американских войск в Нормандии стала фактически вторым антифашистским фронтом в Европе после советско-германского. Нынешние натовские стратеги не догадались еще до принятия решения о бомбардировках внимательно изучить историю этой борьбы. А она прежде всего и больше всего объясняет стойкость духа народа современной Югославии, который не может допустить и мысли о возможности капитуляции перед агрессором, даже если тот обладает самым мощным военным потенциалом.

Многонациональный состав Югославии не помешал развёртыванию этой героической борьбы. Как известно, говорящие на едином сербско-хорватском языке сербы, черногорцы, хорваты и боснийцы различаются только вероисповеданием (православные, католики и мусульмане) и алфавитом (у хорватов - «латиница», а у остальных - «кириллица»), Немногим отличаются от сербско-хорватского языка словенцев и македонцев, но все эти славянские народы прекрасно понимают друг друга. Владеют этим языком и венгры (мадяры), компактно населяющие край Воеводину (севернее Белграда), и албанцы (шиптары), составляющие абсолютное большинство населения Косовского края.

Даже в довоенные годы межнациональные или межрелигиозные различия ощущались в тогдашней королевской Югославии несравненно слабее, чем межклассовая борьба. Это и стало основой непрерывного усиления Народно-освободительной армии, как силы, наносившей все более чувствительные удары по гитлеровским оккупантам и их местным пособникам: усташским фашистам Анте Павелича, который был назначен главарем марионеточного правительства т.н. «государства Хорватии» и четникам (боевикам) генерала Дражи Михайловича, которые обслуживали прогитлеровское «сербское правительство» Недича. В 1944 году Народно-освободительная армия при помощи советских войск окончательно догромила фашистских оккупантов и их пособников. В послевоенной Федеративной Республике Югославии сложившийся в партизанских боях лозунг «Братство и Единство» народов этой страны стал мощной политической силой.

К сожалению, в недрах экономической и политической жизни Югославии (как позднее и в СССР) получили развитие тенденции к

отходу от социалистических методов управления и хозяйствования. В условиях Югославии этому способствовало и нарушение сложившихся в годы войны союзнических отношений СССР и Югославии, в результате которого в этой стране гораздо раньше, чем в Советском Союзе, начались «рыночные» эксперименты разного рода. Особенно интенсивно набирали силу эти тенденции в экономически более развитых Словении и Хорватии. Населению этих республик внушалась идея о том, что их «грабят» Сербия и остальные республики Югославии. Примерно так же перед референдумом 1 декабря 1991 года о «независимости» Украины купленные и обученные ЦРУ буржуазные националисты Украины трубили о ее «ограблении» Россией и другими республиками Советского Союза. Исподволь набирал силу частный теневой и не только теневой капитал, который делал ставку на сотрудничество с Западом и готовил свои политические кадры, до поры-до времени лицемерно прикрывавшиеся хорошо вызубренной социалистической терминологией.

Эти процессы существенно сдерживались при жизни волевого лидера страны - президента Йосипа Броз-Тито, который делал все возможное и для недопущения националистических вывихов в политике отдельных республик югославской федерации. Однако после его кончины право-националистические силы в экономике и политике ряда республик федерации (опять-таки прежде всего в Хорватии и Словении, где особенно активничала агентура спецслужб ФРГ и США) стали теснить социалистические силы, забирая в свое распоряжение «столько суверенитета, сколько в состоянии проглотить» (по печально знаменитой фразе Б.Ельцина). В условиях капитуляции и угодничества режима Горбачева-Шеварднадзе-Яковлева перед Западом и начавшегося его усилиями развала как Совета Экономической Взаимопомощи, так и Организации Варшавского Договора западные спецслужбы перешли к активнейшим мероприятиям по подготовке реставрации капиталистического строя и демонтажа Социалистической Федеративной Республики Югославии.

В июне 1991 года Германия с благословения США и НАТО молниеносно вооружила боевиков право-националистических правительств состоявших в единой суверенной Социалистической Федеративной Республике Югославии Хорватии и Словении и подтолкнула их к провозглашению независимости. В ноябре 1991 года по их примеру объявила себя независимой и Македония. Правительство Слободана Милошевича в Югославии осознавало, что ему нечего рассчитывать на политическую поддержку СССР, где парадом командовали Горбачев и те из его окружения, которые старались во всем угодить правителям США и других стран НАТО.

В полосе территории Хорватии, прилегающей к Боснии, испо-

кон веков жили сотни тысяч сербов. Господин Франьо Туджман, пробившийся к этому времени на пост президента Хорватии раскрылся, как поклонник гитлеровского гауляйтера Павелича, оперативно приступил к изгнанию этих сербов из родных мест и начал их массовые расстрелы для устрашения непокорных. Местное сербское население взялось за оружие. Естественно, сербская составляющая югославской армии выступила на их защиту от действительной и уже тогда впервые начатой в Югославии этнической чистки, которой США и государства НАТО оказали полную политическую и военно-техническую поддержку. Более того, они предупредили правительство Югославии, что его военное вмешательство будет подавлено. В марте 1992 года началось выполнение следующей стадии натовского плана расчленения Югославии, - право-националистическое правительство Боснии и Герцеговины во главе с Изетбеговичем также объявило о своей «независимости» и выходе из Югославии.

Следует иметь в виду, что сербы издавна составляли более трети населения Боснии и Герцеговины. Отлично вооруженная заботами НАТО хорватская армия срочно была введена в Боснию и приступила к этнической чистке от сербов уже этой республики. Немедленно пришла и прямая помощь НАТО в виде массированных бомбардировок сербских поселений и войск в Боснии американскими и германскими самолетами. В это время Советский Союз уже был демонтирован, а президент России Ельцин и председатель правительства Черномырдин поручили вновь назначенному на пост министра иностранных дел Андрею Козыреву обеспечить полную политическую поддержку позиции США и стран НАТО в Совете Безопасности ООН. Одновременно в мировой прессе и вообще в средствах массовой информации стран Запада была развернута неслыханная по размаху и интенсивности кампания по поводу т.н. сербских «зверств» против хорватов и мусульман. Раздутая на деньги западных спецслужб межнациональная рознь неизбежно ведет к жестоким схваткам.

Нетрудно видеть, что вовсе не сербы начали свою «чистку» из хорватской Славонии и Боснии, что они с самого начала были обороняющейся стороной, и вина за любые последующие эксцессы лежит на агрессоре, т.е. на правительстве Хорватии и его западных друзьях. Тем не менее западные журналисты скрупулезно отбирали для показа на экранах телевизоров кадры с трупами хорватов и боснийских «муслиман», замалчивая зверства, широко практиковавшиеся хорватскими и муслиманскими войсками. Под звуки антисербского оркестра западных СМИ и при прямом предательском соучастии господина Козырева Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций, одобряющих поддержку хорватско-мусульманских войск вооруженными силами США и НАТО и вводящих экономические санкции против

Югославии, в том числе запрет на поставки ей оружия.

К 1995 году из одной только Хорватской Славонии было «вычищено» 600 тысяч сербов. При участии А.Козырева и его мидовских кадров в Дэйтоне (США) Югославии было навязано соглашение о прекращении сербского сопротивления чисткам в Хорватии и о создании на территории Боснии и Герцеговины двух государств, - Хорватско-муслиманской федерации и Республики Сербской. Войска НАТО, прикрытые маской ООН, остались в качестве миротворческой (а по сути - жандармской) силы, в которую правительству России разрешили включить и российский миротворческий батальон, полностью подчиненный НАТОвскому (американскому) командующему в Боснии. Географическая карта нынешней Боснии с показом границ между двумя новыми государствами выглядит, как лоскутное одеяло: в северную половину Республики Сербской можно попасть лишь по узкому (шириной в пару километров) коридору, и она находится под прицелом и постоянной угрозой оккупации соседней Хорватией. Так называемый «мир» на территории Боснии остается крайне неустойчивым, и это - дополнительный повод для оставления НАТОвских войск в сердце бывшей Югославии на неопределенный срок.

После знакомства с изложенной предысторией нынешних событий вокруг Косово гораздо легче ответить на вопрос - кого следует считать подлинным агрессором на территории бывшей СФРЮ в 1990-х годах? Ясно, что США и НАТО грубо нарушили принципы, принятые в 1975 году при учреждении Организации Безопасности и Сотрудничества в Европе (ОБСЕ) и расчленили суверенную СФР Югославию. Правительство же Слободана Милошевича вынуждено было в условиях проамериканской позиции правителей России в 1991-1995 годах только обороняться и уступать наглым агрессорам позицию за позицией. Только начиная с 1996 года под давлением российской общественности, левой и патриотической оппозиции, в том числе во вновь избранной в декабре 1995 года Государственной Думе режим Ельцина был вынужден назначить министром иностранных дел Евгения Максимовича Примакова. Его приход в МИД России ознаменовал постепенный переход от открыто проамериканской внешней политики к защите подлинных государственных интересов нашей страны на мировой арене. Естественно, этот факт существенно ободрил правительство Слободана Милошевича и породил в народе Союзной Республики Югославии надежды на возрождение былой его дружбы с российским другом и союзником.

Навязав югославам дэйтонскую систему военной оккупации Боснии войсками НАТО, США принялись за подготовку следующей стадии своего плана окончательной ликвидации еще оставшейся вне американского контроля части прежней югославской федерации. Пово-

дом для этого стал вопрос о статусе входящего в состав Республики Сербии Косовского края, населенного почти на 90 % албанцами. Агентура ЦРУ в течение многих лет заранее подкармливала и обучала подрывной деятельности немногочисленные (несколько сот человек) группы боевиков, которые создавали все более невыносимые условия жизни для коренного сербского населения этого края. В 1974-1989 годах край Косово по Конституции СФР Югославии был автономной провинцией Республики Сербии. В свое время Иосип Броз Тито надеялся, что эта мера гарантирует политический мир в крае. К сожалению, после его смерти буржуазно-националистические элементы среди албанцев Косова подняли голову и стали проповедовать лозунг создания т.н. «Великой Албании», т.е. присоединения к Албанской Республике Косовского края, а также части территории Македонии с компактным проживанием албанцев (они составляют здесь около 30 % населения).

В 1980-х годах антисербские выходки в Косово стали получать растущую поддержку местных органов власти (в том числе полиции) этого края. Начались массовые митинги косовских сербов с протестами против потрав принадлежащих сербам посевов, кражи их скота, поджогов их домов и хозяйственных построек и, наконец, личных угроз и даже убийства сербских жителей. Расследование, в котором принимал личное участие Слободан Милошевич, подтвердило факты косвенного и прямого выживания сербов из Косовского края. В результате парламент и правительство Югославии в 1989 году ликвидировали автономный статус Косовского края и ввели прямое управление его делами из Белграда. Постепенно страсти улеглись и наступило заметное успокоение среди населения. Но это не входило в планы США и НАТО. До завершения оккупации Боснии в 1995 году они официально не возбуждали вопросы о Косове (в Дэйтонских соглашениях этот край даже не упоминался), но активизировали формирование из разрозненных националистических банд т.н. «Косовской армии освобождения» (КАО) и втайне ее инструктировали и вооружали. Учитывая принятое по их же настоянию решений Совета Безопасности ООН об эмбарго на поставки оружия в Югославию, западные СМИ теперь уверяют, что КАО каким-то образом нелегально достает оружие и средства на его покупку, - то ли за счет доходов от торговли эмигрантов-албанцев наркотиками в странах Западной Европы, то ли благодаря тайным поставкам из ближневосточных мусульманских стран. Оказывается, «к сожалению» Интерполу, а также достаточно оснащенным современной техникой спецслужбам Запада никак не удается обнаружить каналы нарушения эмбарго и пресечь эти безобразия. Кто может, пусть в такие объяснения верит ...

В 1997-1998 гг. правительство Югославии направило в Косовс-

кий край подкрепления в помощь местной полиции, чтобы усилить борьбу с бандитскими формированиями, действующими под видом «КАО». Естественно, в гористой местности края эти боевики применяли испытанную тактику быстрого маневрирования, а какая-то часть местного албанского населения по своей воле или по принуждению помогала им укрываться от полиции и правительственных войск. Тем временем бандиты перешли к более жестокому террору по отношению к оставшемуся в крае сербскому населению, к более наглым нападениям на полицейских и солдат правительственных войск, а трудных ситуациях переходили границу с Албанией и находили там надежное укрытие. Правительство Югославии стало применять более действенные военно-технические средства против мест сосредоточения банд, при этом ударами не могли не подвергаться и населенные пункты Косовского края, в которых бандиты укрывались.

В 1998 году по инициативе правительства США Совет Безопасности ООН принял три постановления о положении в Косово. Резолюция № 1160 от 31 марта призвала Югославию вернуть Косовскому краю автономный статус при условии сохранения суверенитета Югославии и ее территориальной целостности, предложила косовским албанцам защищать свои права только мирными средствами, подтвердила эмбарго на поставки оружия Югославии и запретила странам - членам ООН вооружать и обучать террористов края. Следующая резолюция № 1199 от 23 сентября призвала стороны косовского конфликта прекратить военные действия, вступить в переговоры, потребовала от правительства Сербии прекратить акции, отражающиеся на гражданском населении и дать ему возможность вернуться в места постоянного проживания. Наконец, резолюция № 1203 от 24 октября призвала обе стороны выполнять требования двух предыдущих резолюций. В принципе эти резолюции правильны и были бы исполнимы, если бы не широко практикуемое по линии НАТО тайное подстрекательство КАО и (в нарушение резолюции № 1160) вооружение и обучение террористов, которое велось и ведется на территории и Албании, и других, в том числе ближневосточных государств. Именно в этих условиях началось ничем не прикрытое, грубое давление США и других стран НАТО на правительство Милошевича с целью не просто пойти на переговоры с представителями косовских албанцев (в том числе бандитов), а согласиться в ходе этих переговоров с требованиями, которые ведут к отсечению Косовского края от Югославии. Именно к этому вело бы согласие Югославии на трехлетнюю отсрочку рассмотрения о статусе Косова, /а+% чего вопрос решался бы референдумом на территории этого края. Столь же неприемлемы для суверенного государства требования о вводе и бессрочном размещении в Косовском крае уже НАТОвского военного контингента «для

контроля за разоружением косовских боевиков (утопия!) и защиты албанцев от сербских войск.

США в 1998 году поняли, что МИД России во главе с Е.М.Примаковым (а после его перехода на пост премьер-министра - во главе с И.Ивановым) занимает твердую, принципиальную политику защиты территориальной целостности Югославии и ни за что не пропустит в Совете Безопасности ООН новую резолюцию с пунктами об оккупации Косовского края войсками ООН и проведении референдума в Косово через три года. Вот почему США организовали вне рамок ООН, хотя и с формальным участием России в качестве члена посреднической группы, конференцию в Рамбулье с продолжением ее в Париже, на которой государственный секретарь США Мадлен Олбрайт стала пробивать угодный НАТО текст соглашения. Как известно, последний вариант такого соглашения, который представители косовских албанцев приняли с удовольствием. Югославии предложили этот проект вместе с ультиматумом: если не подпишете, то авиация НАТО приступит к бомбардировкам Югославии, и они не прекратятся до полной капитуляции правительства Слободана Милошевича. Разумеется, он на это согласия не дал, а парламент и абсолютное большинство населения (в том числе прежде непримиримая оппозиция) это решение президента Югославии поддержали. Результат известен, - ковровые бомбардировки и военных, и гражданских объектов, начатые 24 марта 1999 года, не прекращаются.

Рассмотрим нарушения норм международного права, допущенные США и возглавляемой ими НАТО. Во-первых, на сей раз начисто игнорировался Совет Безопасности ООН (генеральный секретарь ООН Кофи Аннан вообще замолк). А статья 2.4. Устава ООН предусматривает, что члены ООН «в своих международных отношениях воздерживаются от угрозы применения (заметьте - даже от самой угрозы! - Э.М.) силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства». А статья 2.3. того же Устава предписывает: «Члены ООН регулируют свои международные споры мирным путем».

Уже нашлись «адвокаты дьявола», которые пытаются оправдать нарушение этих уставных положений. Так, бывший (во время президентства Буша) помощник государственного секретаря США г-н Джон Болтон без обиняков заявил: «Реальный урок Косова состоит в том, что так называемое международное право в политических и военных делах все в большей мере становится академическим хламом» («Уолл стрит джорнел», 6.4.1999.). На русский язык это переводится пословицей: «Сила есть - ума не надо!».

Во-вторых, почему-то не вспоминают, что согласно принятой еще в 1980 году международной Венской конвенции соглашения, перегово-

воры о которых велись под угрозой применения силы, не имеют юридической силы. Так что даже если бы Югославия подписала соглашение, навязывавшееся ей в Рамбулье и Париже, оно было бы недействительно. Кстати, то же относится к пресловутому Дэйтонскому «соглашению», которое Югославию заставили подписать в условиях ее тогдашней дипломатической изоляции.

В-третьих, натовскими бомбардировками разрушены имеющиеся на территории Югославии мосты через Дунай. Воздушным бандам должно быть известно, что согласно международной конвенции 1948 года эта трансевропейская (от Германии до Румынии и Украины) водная магистраль общепризнана в качестве свободного пути для перевозки любых грузов и пассажиров без таможенного досмотра в ходе плавания. Разрушения, причиненные этим мостам, надолго сделали такие перевозки невозможными.

СМИ натовских стран подняли шум насчет привлечения к суду Международного трибунала в Гааге. руководителей Югославии, которая реализует законное право осуществлять на своей территории действия по защите своей территориальной целостности. Но настоящие преступления совершили и продолжают совершать руководители США и девяти ее соучастников по блоку НАТО. Вот в их отношении Югославия выдвинула обвинения, которые подлежат рассмотрению в Международном Трибунале ООН по военным преступлениям в бывшей Югославии (учрежден решением ООН в 1993 году).

Профессор Юго-Западного университета (США) по международной защите прав человека Джонатан М.Миллер опубликовал статью под характерным заголовком «Будьте осторожны: война против гражданского населения нарушает Закон». Он считает, что «очевидный план Вашингтона наращивать давление на Сербию при помощи бомбардировок, пока она не сдастся, обречен на провал, -но не потому, что воздушные удары не могут поставить страну на колени, а потому, что задолго до предполагаемого достижения этой цели прекратить бомбежки заставит ... международное право ... Если НАТО не станет соблюдать осторожность, самим ее руководителям могут быть предъявлены обвинения. Проводимая силами НАТО сплошная бомбардировка не только сербских военных объектов, но и инфраструктуры, заводов и правительственных зданий, вероятно, могла бы дать результат. После достаточно больших страданий любая нация может сдаться (исторический опыт Великой Отечественной войны советского народа и народно-освободительной борьбы Югославии показывают - не любая нация -Э.М.).

Причинение страданий, не оправданных военной необходимостью представляет собой нарушение законов ведения войны... Последние решения периодически оставлять Сербию без подачи электро-

энергии, разбомбить табачную фабрику, телецентр и штаб-квартиру политической партии трудно объяснить военной необходимостью. Более того, такие ошибки, как бомбовый удар по китайскому посольству в Белграде будут повторяться все чаще, если и впредь удары будут нацеливать на невоенные городские районы. Трибунал по военным преступлениям имеет юрисдикцию в отношении любого, кто ответственен за серьезные нарушения законов ведения войны в бывшей Югославии с 1991 года. В Уставе Трибунала военным преступлением считается «произвольное разрушение городов и сел и вообще опустошения, не оправданные военной необходимостью».

Бывший канадский судья, а ныне прокурор Трибунала Луиза Арбор до сих пор занималась сбором доказательств нарушения правил ведения войны сербскими войсками в Косово. Однако необходимость объективного подхода к выдвинутым обвинениям потребовала от нее заявления с предостережением руководителей НАТО против неудачного выбора мишеней для бомбежек. А по Уставу ООН все государства, состоящие в ООН, обязаны сотрудничать с Трибуналом ... Задолго до предъявления таких обвинений появление подобной информации в прессе приведет к расколу НАТО. Поскольку бомбардировки, как средство давления, незаконны, - будут нарастать требования к НАТО - либо использовать для освобождения Косова сухопутные войска, либо согласиться с компромиссными предложениями России (Американская газета «Интернешнел гералд трибьюн», 13.5.1999.).

Неблагодарную миссию очистить добела черного натовского кобеля взял на себя другой профессор права из Лондонской школы экономики Кристофер Гринвуд. По его мнению, расширение лозунга защиты прав человека и серия гуманитарных интервенций за последнее десятилетие поставили под вопрос нерушимость «старого понятия» национального суверенитета. Он даже уверяет, что т.н. «вооруженная гуманитарная интервенция» теперь в большинстве государств воспринимается, как дело вполне законное. В частности, США взяли и запретили иракским самолетам летать над южной третью своей территории (конечно, ради гуманной цели защиты живущих здесь шиитов) и над северной третью (а там живут курды, и их тоже надо защищать, хотя турецкие войска нередко совершают там рейды по ликвидации тех же курдов, - чего только не разрешишь турецкому союзнику по НАТО...). Это вопиющее беззаконие профессор считает чуть ли не общепризнанным и легитимным делом. Еще «научнее» выглядит суждение Гринвуда о том, что бомбардировки Сербии оправданы хотя бы уже тем, что на чрезвычайном заседании Совета Безопасности ООН 26 марта 1999 года за их осуждение проголосовали «все-на-все-го» 3 делегата из 15. Однако две из этих стран - Россия и КНР - постоянные члены Совета, вето которых исключает принятие реше-

ния в пользу применения силы. В связи с этим лондонский журнал «Экономист» при всем его сочувствии натовским бандитам с большой европейской дороги отметил 3 апреля с.г., что в осудивших бомбардировки трех государствах (Россия, Китай и Индия) живут 40 % населения земного шара. В этой статье журнал несколько раз был вынужден признать, что страны НАТО, независимо от «мотивов» их поведения, поставили себя вне закона.

Редакции «Экономиста» одновременно пришлось указать, что НАТО нарушила не только Устав ООН, но и собственный Устав. В статьях 1 и 7 Договора 1949 года об учреждении этого альянса безоговорочно указывается, что страны НАТО действуют в рамках Устава ООН. Статья 5 предусматривает, что НАТО имеет право применять силу против других стран только в порядке обороны от нападения на одну или несколько стран НАТО. На которую же из них Сербия напала? Приняв на юбилейной сессии Совета НАТО в Вашингтоне 23-25 апреля с.г. концепцию о расширении сферы «гуманитарных интервенций» альянса на любые страны мира, руководители НАТО пока не решились внести изменения в упомянутые выше статьи своего Устава. Интересно, решатся ли они на это в свете неудачных бомбардировок Югославии, и если да, то когда?

Новая концепция НАТО напрямую вытекает из объявленных в программной речи Клинтона задач внешней политики США в XXI веке (произнесена 26 февраля с.г. в Сан-Франциско, а полный ее перевод опубликован в «Экономической газете» №№ 10 и 11 за 1999 год). Из речи видно, в частности, что для Клинтона ООН почти не существует: единственное упоминание о ней связано с обещанием (так до сих пор и невыполненным) ... погасить огромную (за 4 года накопилось 1,6 млрд. долларов недоимки) задолженность США по членским взносам в ООН. Зато на разъяснении «новой роли» НАТО под американским руководством он остановился очень подробно. Самое изумительное - это тезис о том, что НАТО имеет моральное право наносить военные удары по любым мишеням, если США вкупе с их союзниками придут к выводу, что их национальным интересам грозит опасность со стороны государств, внутреннее устройство которых не устраивает США и НАТО. Заметьте: если им показалось, что появилась угроза. А судьи-то кто?

И Клинтон, и решения юбилейной сессии Совета НАТО (Вашингтон, 23-25 апреля 1999 года) скромно молчат об одном существенном ограничении «морального права» наносить военные удары, - это если могут дать сдачи. Поэтому в отношении, скажем, КНР и России высказывания Клинтона звучат чуть деликатнее. России он желает продолжать курс на уже обанкротившиеся и ненавистные народу реформы. Китаю он советует создавать «открытое общество» (видимо,

с учетом ценного опыта СССР при Горбачеве и России при Ельцине).

Второе ограничение «морального права» НАТО на бомбоудары тоже нетрудно понять, - это когда нарушаются права курдов в Турции или ирландцев в британском Ольстере (союзников не стоит обижать). Здесь - внутреннее дело НАТО: «гуманитарные интервенции» (если уж они потребуются, - можно смело доверить Турции и Англии. Третье ограничение - это когда речь идет о глухих закоулках «Третьего Мира», где у США нет нефтяных или похожих «национальных» интересов. Пусть народы тутси и хуту в Руанде истребляют друг друга, оставляя за собой сотни тысяч трупов. Пусть разборки в Либерии или Сьерра-Леоне ведут соседние африканские государства.

В решении НАТО о бомбоударах по Сербии звучит очень гуманная нота: упаси боже, чтобы при этом погиб или попал в плен хоть один доблестный американский вояка ... Правда, трое в плен попали, но их Милошевич согласился отпустить с американским политическим деятелем Джесси Джексон.

В связи с этим возникает моральный и юридический аспект метода ведения войны против Югославии, выбранного США и НАТО. Журнал «Экономист» (Лондон) 15 мая с.г. воздал должное «умному шагу» С.Милошевича, который обратился в Международный Трибунал ООН с жалобой на агрессию НАТО и на методы, применяемые в ходе этой агрессии. Как указывает журнал, «эта кампания бомбардировок может оказаться одной из самых точных и тщательно подготовленных в истории войн, и ее военно-технический уровень многократно выше, чем у военной кампании Сербии в Косово. Рекламируя сложность своего оружия, НАТО одновременно резко повысила стандарт, по которому действия альянса могут оценивать правоведаы. Отказавшись допускать какой бы то ни было риск людских потерь со своей стороны (например, не желая бомбить с меньшей высоты, что повысило бы точность попадания), авианалетчики, как они и сами признают, вызывают жертвы среди гражданского населения. Уже одно это может представлять военное преступление. То же относится к применению запрещенных международными конвенциями кластерных (кассетных) и графитовых бомб в густонаселенных районах. Высший комиссар ООН по правам человека Мэри Робинсон и, как указывалось выше, прокурор Международного Трибунала по военным преступлениям в Гааге Луиза Арбор уже заявили, что поведение не только г-на Милошевича, но и руководителей операций НАТО может стать предметом судебного разбирательства.

Мировой сенсацией стал разгром китайского посольства в Белграде американскими крылатыми ракетами, в результате которого было убито три сотрудника посольства и многие из них получили серьезные ранения. Даже после всех объяснений и официальных из-

винений остаются серьезные сомнения в их правдивости. В самом деле: как можно всерьез принять утверждение, что при выборе белградских мишеней использовалась карта, опубликованная в 1992 году? Ведь аппарату государственного секретаря США, ведающего иностранными делами, не говоря уже о ЦРУ, по штату положено иметь и оперативно обновлять базу данных с информацией об адресах всех посольств во всех столицах мира. Справочники с такой информацией публикуются (во всяком случае, в европейских странах) ежегодно. Во всяком случае, сотрудники МИД Польши выразили готовность обеспечить своих коллег в США такой информацией. В новое здание на Бульваре Искусств в Белграде посольство переехало еще в 1996 году, - более трех лет назад. Объясняя эту удивительно ошибочную, очень и поразительно «нечаянную» бомбежку посольства страны, которая в Совете Безопасности часто досаждала США применением своего права вето, министр обороны США Козн утверждает, что это была ошибка, - но не человеческая или механическая, а «институциональная» (как хочешь, - так и понимай!). Для объяснений изобретают также специальные термины вроде «неудачная система обратной связи», «менее чем точный процесс экстраполяции», «научная догадка» или даже «бомбежка в результате... дедукции» («Интернешнел гералд трибюн», США, 12. 5.1999.). Тут уже впору просить спиритов вызвать для консультации дух Шерлока Холмса или создателя образа этого специалиста по дедукции Конан Дойла.

Большие надежды возлагали организаторы «гуманитарной интервенции» против Югославии на то, что СМИ практически во всех странах Запада морально подготовили население к бесспорному восприятию пропагандистского тезиса о сербских «зверствах», о личной вине Слободана Милошевича в «этнической чистке» албанцев из Косово. И в самом деле, появились данные социологических опросов, из которых следует, что большинство жителей промышленно развитых стран считает сербов головорезами, которые чуть ли не скальпируют бедных албанцев в Косово. И оказывается, только бомбардировки городов и сел Сербии спасают косовских албанцев от верной смерти. Однако в американском журнале «Ньюсвик» за 17 мая 1999 года читаем:

«НАТО начала бомбардировки не ради беженцев, а для того, чтобы заставить Югославию подписать заготовленное в Рамбулье соглашение. Когда война началась, ряд западных лидеров, и прежде всего британский премьер Тони Блэр (вот какой там выращен лейборист, то-бишь социал-демократ, покруче самой Мэгги Тэтчер будет! - Э.М.), предложил согласиться на прекращение бомбоударов только в обмен на голову Слободана Милошевича. От этих первоначальных целей войны остались одни клочья.

Главная цель бомбардировок, о которой говорит ныне администрация Клинтона - это остановить поток беженцев и обеспечить их безопасное возвращение в Косово. Однако до начала бомбоударов эта цель в документах США и НАТО вообще не фигурировала по простой причине: пока не начались удары с воздуха, никакого потока беженцев не было. Эту связь в штабе НАТО с гневом отрицают, но факты очевидны. Согласно оценкам Высокого комиссара ООН по делам беженцев, в Албании и Македонии за неделю до войны было 45 тысяч беженцев. Сегодня их численность составляет около 640 тысяч».

Нужны ли комментарии? Нет, но есть один неприятный вопрос к большинству российских телеканалов и «демократических» газет России: Вы показываете на экранах и распечатываете на всю страну полученные с Запада газетные и телевизионные интервью с сотнями албанских беженцев в палаточных лагерях Македонии и Албании и в некоторых странах Запада. Ответы беженцев примерно такие: «Сербские солдаты выгнали нас из родного городка (деревни). Грозили, что если не уйдем - нас перебьют. Одних убивали при нас, а других уводили, и мы их больше не видели. Дайте нам хлеб и одежду». Всмотритесь в фотографии и телекадры: Вам еще непонятно, от кого при каждой раздаче пайков беженцы получают инструктаж? И когда получит очередной паек непонятливый беженец, который сболтнет не то? А как будут себя вести те несколько десятков косоваров, которых привезли в США для встречи с супругой Клинтона - мадам Хилари? Осмелятся сказать правду или понадеются на получение американского вида на жительство? И сколько еще у нас доверчивых, притом весьма интеллигентных телезрителей и читателей демпрессы (главным образом в Москве и Питере), которые просто в ужас приходят от картинок, представляемых ОРТ, РТР, НТВ с подачи американских и других западных телекомпаний?

Куда же дальше собираются двигаться натовские копировщики фашистских методов войны с чужими народами и обмана своих налогоплательщиков? Редакционная статья лондонского «Экономиста» за 8 мая 1999 года под названием «Опартаченная война» (извините за такое словообразование, но по-английски это определение звучит еще хлеще) начинается так: «Пока западная война против Сербии -это просто бойня... Военная машина Сербии выглядит на удивление целой: из 1300 танков уничтожено едва ли больше 40. Похоже, что союзники неспособны даже нанести сербской армии серьезный вред, не говоря уже о ее уничтожении. Тем временем растет перечень неудач, - бомбоудары по невинному населению, потери самолетов.

Слободан Милошевич сидит прочно, ожидая появления трещин в западном альянсе. Свержение его с поста президента нереально,

да и нет ему подходящей замены». Вот такой баланс подвела редакция еженедельника, которая ненавидит нынешний строй в Югославии не меньше, чем США и НАТО.

Ястребы, конечно, продолжают подстрекать руководство Запада к расширению масштабов необъявленной войны 19-тиголовой НАТОгидры. 3 мая 1999 года в журнале «Тайм» опубликованы четыре карты с четырьмя вариантами сухопутной войны против Югославии. Из сопровождающих эти карты надписей составлена таблица, в которой дана подробная «разблюдовка» хлопот, затрат и ожидаемых результатов по вариантам.

Цель данного варианта операции	Время на подготов ку	Необходимая живая сила (человек)	Затраты (млрд. долларов)	Потери армии США
Пробить коридор в Косово для доставки продовольствия беженцам	2-3 недели	10 тысяч	5	до 500 человек
Прорыв войск НАТО в Косово для создания безопасных зон для албанцев	1 месяц	30 тысяч	5-10	500-2000 человек
Захват всего Косовского края	3 месяца	50-100 тысяч	5-10	500-2000 человек
Оккупация всей Югославии с уничтожением ее вооруженных сил	4-6 месяцев	200 тысяч	25	5-10 тысяч человек

Некоторые комментарии к этой НАТОкалькуляции будут уместны. Во-первых, от какой даты начинается отсчет времени на подготовку операций? Нынче у нас май, а через 3 месяца будет август. Сколько будет длиться не подготовка, а само проведение операции? Успеют ли к октябрю, когда начинается зима, которая и для наполеоновских, и для гитлеровских войск в России была фатальной, а в гористой Югославии может оказаться и того хуже. А стоит ли замахиваться на оккупацию всей Югославии в ноябре? Значит, работу придется отложить на весну?

Во-вторых, как представляют себе НАТОвоики встречу с партизанами народно-освободительной армии Югославии? Не потребуется ли увеличить приведенные числа в разы?..

В-третьих, не читали ли в штабе НАТО или в Пентагоне «Севастопольские рассказы» Л.Н.Толстого? Там цитируется залихватская солдатская песенка: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, - а по

ним ходить...» Кроме того, в романе «Война и мир» того же автора приводится диспозиция военной операции, которую перед, кажется, Аустерлицким сражением подготовил для австро-венгерского и российского императоров немец-генерал Вейротер. Как там было, - «Ди эрсте колонне марширт сюда-то, ди цвайте колонне марширт туда-то, а третья вроде бы вообще заблудилась»... В Брюсселе таких вейротеров не счесть, и результаты их трудов налицо. Что ожидает их наземные планы, буде их решатся в действие приводить, - знает один Господь Бог, да едва ли кому он свой прогноз разгласит...

А ведь предупреждали умные люди на том же Западе, чем кончается дело, когда повадится кувшин по воду ходить.... Известный американский дипломат в отставке Генри Киссинджер опубликовал резко критическую по адресу «стратегии» Клинтона статью, которая приводится ниже почти без сокращений:

«Клинтон утверждает, что после недолгой оккупации войсками НАТО этнические группы в Косово примирятся. Но это - нереальное допущение. В Боснии этого не случилось и после трех лет миротворчества. Если уж американские вооруженные силы ввязались в бой, - то единственный стратегический выход - это победа. В поисках доводов для общественности Администрация США выдвигает различные тезисы.

Например, - «косовские страдания так ранят нашу нравственность, что мы применяем там силу даже независимо от своих национальных интересов». Но тогда почему бы нам не вторгнуться хотя бы в Восточную Африку, Шри Ланку, Курдистан, Кашмир, Афганистан ? Там же гибнет куда больше людей, чем в Косове. Президент обращается к историческим аналогиям, но при этом искажает историю. На самом деле Слободан Милошевич - не Гитлер, а балканский громила. А с событиями перед 1-й мировой войной косовские несравнимы. Ни Милошевич, ни другие балканские лидеры не могут угрожать мировому равновесию, как утверждает Клинтон. В отличие от Боснии Косово считается сербами их национальной святыней. Вот почему оппозиции Милошевичу в Белграде нет. Первая мировая война началась на Балканах не из-за национальных конфликтов. Наоборот, - внешние силы вмешались в местный конфликт. 2-я мировая война началась вообще не на Балканах, и тем более - не из-за национальных конфликтов.

Бессмысленно утверждать, будто экономическое благосостояние Европейского Союза с объемом валового национального продукта больше, чем у США, зависит от судьбы нищего Косова. Еще вернее это в отношении процветания всего Атлантического сообщества. Единству НАТО угрожает главным образом ее ставка на нереальный проект соглашения в Рамбулье. Остается ждать, - когда станет очевидно, что долгосрочные последствия нынешней кампании придется преодолевать при

помощи наземных войск НАТО.

Предлагавшееся к подписанию в Рамбулье соглашение не освобождает наши демократии от выработки устойчивого решения. Переговоры с навязыванием выработанного иностранными чиновниками проекта под угрозой воздушных ударов только усугубили косовский кризис. Текст этого соглашения уговорили подписать представителей Косовской Армии Освобождения (КАО), как повод обрушиться затем всей мощью НАТО на Югославию. Это вполне могло побудить Милошевича к усилению давления на КАО еще перед бомбардировками. Теперь появился риск втянуть НАТО и сухопутные войска США в полицейское закрепление соглашения, которого теперь уже не хочет ни одна из сторон. Отказ от попыток укрепить силы уже имевшихся в Косово наблюдателей в пользу НАТОвского миротворчества был грубой ошибкой, и теперь там нет мира, за которым можно было бы наблюдать.

В обращении к народу Сербии Клинтон заявил: «Соглашение гарантировало бы права сербов и албанцев в Косово и во всей Сербии». Поэтому проект соглашения в Рамбулье предусматривал сдачу оружия отрядами КАО войскам НАТО. При этом полагали, что 10 тысяч сербских полицейских будут поддерживать безопасность внутри края, а 15 тысяч сербских солдат - охранять границу с Албанией. Однако ничего подобного нельзя достичь при помощи соглашения, - можно только силой навязать его соблюдение. Сербы отвергли это соглашение, как преюдию к провозглашению независимости Косова, а присутствие войск НАТО они считают формой оккупации Сербии.

Цель КАО - не автономия, а независимость. Она свое оружие войскам НАТО не отдаст. А если НАТО будет настаивать на сдаче она потеряет поддержку со стороны КАО. И на сербскую пограничную охрану КАО не согласится.

По мере движения Косова к независимости будет нарастать и давление на Македонию, треть жителей которой - албанцы. Почему им не добиваться того же, что хотят иметь их братья в Косово? Вдобавок, еще треть населения Македонии в Болгарии считают своими братьями. Соседняя Греция была бы рада свести на нет это государство, которое имеет то же название, что и одна из ее провинций...

Если Сербия и после бомбардировок не уступит НАТО, -возможно, придется вводить туда сухопутные войска США и НАТО» (Американский еженедельник «Ньюсвик» за 5 апреля 1999 года).

Как видно из статьи, цели у Киссинджера и Клинтона одни и те же, но Киссинджер резко критикует методы, которые НАТО по инициативе Клинтона и Блэра избрала для покорения Югославии.

Имеет ли история сослагательное наклонение? К вопросу о цикличности социалистических революций

Утверждают, будто история не имеет сослагательного наклонения: что случилось, то случилось. Если сводить науку истории к «истории факта» - это бесспорно. Но история не была бы наукой, если бы она ограничивалась хронологическим перечнем фактов, событий, явлений, не стремясь к познанию причин обусловивших причины их появления и исчезновения. Человечество учится избегать ошибок в будущем. То есть, реализуя в мыслительном эксперименте признак сослагательности - «если бы», люди получают возможность прогрессивного развития. К сожалению, человечество не всегда и с достаточной последовательностью использовало эту возможность.

Дело, разумеется, не в «монополии на истину» каких-то лиц, ибо только исторически-прогрессивные классы заинтересованы в подлинно научном познании истории и политики. Исторически отжившие классы не заинтересованы в таком познании, поскольку оно лишает их перспектив. Их представители стремятся поэтому «подлость сегодняшнего дня» оправдать «подлостью вчерашнего», объявить «мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут - старый, унаследованный, исторический кнут» (См.: Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., изд. 2-е. Т. I, стр. 416).

Попытки познания политического, исторического процесса с буржуазных позиций не могут быть плодотворными в силу качеств, имманентных буржуазии. «Буржуазия все превращает в товар, - отмечал К. Маркс, - а, следовательно, и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачиваются то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии» («Архив Маркса и Энгельса». Т. X, стр. 104).

Конечно, социальное познание имеет свои объективные закономерности, но то, что сегодня выплескивается на экраны и страницы СМИ есть вульгарная именно рыночная, дилетантская по методу профанация исторической науки.

Вульгаризаторы не способны понять, что «весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодейству-

ющие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим)». Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., изд. 2-е. Т. 37, стр. 420-421. Этот принцип никак не исключает также учет случайностей, которые, несомненно, играют в истории свою роль: «Творить историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли бы никакой роли: Ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует такой «случай» как характер вождей, стоящих в начале во главе движения» (Маркс К., Энгельс Ф., там же. Т. 33, стр. 175). Как бы ни относиться к Октябрьской революции 1917 г., нельзя не признать ее всемирно-исторического значения, хотя бы потому, что она наложила отпечаток на все общественно-политические явления XX в., выдвинув социализм на ведущее место в мировом историческом процессе, превратив Россию в одну из решающих сил общемирового развития. Революция в Октябре 1917 г. действительно потрясла мир.

Изучая опыт Октябрьской революции, как и вообще опыт революций XX в., следует обратиться к опыту революций предшествующего периода. И, конечно, нельзя игнорировать теоретические обобщения, сделанные К. Марксом, в частности, в работе «18-е брюмера Луи Бонапарта». Здесь он пишет о коренном различии между буржуазными и пролетарскими революциями не только с точки зрения их социальных целей, но и процесса их достижения. Он отмечает, что буржуазные революции стремительно несутся от успеха к успеху, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и вскоре общество охватывает длительное похмелье, прежде, чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода «бури и натиска» (См. Маркс К., Энгельс Ф., там же. Т. 8, стр. 122-123). Пролетарские же революции «:постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаясь в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественный, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих целей, пока не создается положение, отрезающее всякий путь к отступлению:» (Там же, стр. 123). Пока мы не научились так критиковать самих себя.

Сложность решения задач пролетарских революций обуслов-

лена необходимостью более глубокой ломки существующего строя, его коренного преобразования. Социалистическая революция должна впервые в истории решить задачу не усовершенствования форм эксплуатации трудящихся, не замены одной формы эксплуататорских отношений другой, а уничтожения эксплуатации человека человеком вообще. Эта задача обусловлена объективными факторами развития общества. Но ее решение обусловлено воздействием и вполне конкретных субъективных факторов, среди которых важную роль играют политические партии рабочего класса, их лидеры, наконец, идейно-теоретическая общность революционных масс, ибо «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» (Маркс К., Энгельс Ф., там же. Т. I, стр. 422)

Итак, революции поднимаются, совершают ошибки, идут на убыль, терпят поражение и вновь поднимаются, движимые объективными потребностями прогресса человечества. Видимо, можно утверждать, что «закон цикличности» буржуазных революций, открытый Марксом и Энгельсом (См. Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч. Т. 22, стр. 533-534), распространяется и на рабочие революции. Однако, свое новое восхождение рабочие революции начинают с более высоких ступеней общественно-политического состояния общества, чем буржуазные, со ступеней, которые в современных условиях никакая реакция не в состоянии уничтожить полностью, не подвергая угрозе свою собственную судьбу. Исходя из таких позиций, можно понять процессы, происходящие в нашей стране и в странах Восточной Европы.

«Не бояться признать поражения, - учит В.И. Ленин, - учиться на опыте поражения. Переделать тщательнее, осторожнее, систематичнее то, что сделано плохо: Сила наша была и будет в том, чтобы трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности. И поэтому надо говорить напрямик. Это интересно и важно не только с точки зрения теоретической правды, но и с практической стороны. Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если наш новый опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44, стр. 205). Беспощадный критический анализ социалистических революций XX в. не уничтожает «химеру социализма», а расчищает путь новым, объективно неизбежным социалистическим преобразованиям.

Историческая длительность социалистических революций обусловлена и самой их целью: создание новой, коммунистической цивилизации, предполагающей коренные изменения не только в экономических и политических отношениях, но и в сознании. Ясно, что общественные изменения нельзя осуществить «кавалерийской ата-

кой». Здесь потребуется смена ряда поколений в новых условиях. Следовательно, революционно-социалистическое преобразование общества должно занять целую историческую эпоху. Это будет эпоха подъема, упадка и нового подъема пролетарской революции, начинаемого с более высокой социально-политической ступени. Собственно, в такую эпоху мы и живем сегодня.

С точки зрения «чистой теории» Россия 1917 г. представляла отнюдь не идеальное поле для социалистической революции. Это была страна среднеразвитого капитализма, сохранявшая значительные остатки феодализма, в основном с крестьянским населением; рабочий класс, которому именно имманентны идеи научного социализма, составлял всего около 14% населения; общий культурный уровень был весьма низок - 80% населения было неграмотно. Нередко слышны упреки в адрес большевиков и лично В.И. Ленина в том, что они «сделали» революцию в стране, в которой отсутствовали необходимые предпосылки социализма.

Но революции не делают по заказу. Их возникновение, как и сам революционный процесс, обуславливается объективными и субъективными предпосылками и соотношением сил, борющихся в стране. И если бы большевики не возглавили революционный процесс в России в Октябре 1917 г., то ей грозило наступление невероятного хаоса, обусловленного развалом экономики, голодом, начавшимся еще в 1916 г., национальным сепаратизмом, развалом армии и т.д., что неминуемо привело бы к установлению кровавой антинародной диктатуры корниловского типа. Что же касается недостаточной зрелости российских условий для социализма, то В.И. Ленин резонно ответил на подобный упрек меньшевику Суханову: почему мы не можем взять власть, чтобы создать в России необходимые условия для ее социалистического развития, изгнав буржуазию из власти? Ведь совершенно очевидно, что, находясь у власти, буржуазия никогда не позволит сформироваться началам социализма, угрожающим ее господству. Самое большее, на что можно было бы ее подвинуть, это на ряд временных уступок по второстепенным вопросам, вынужденных конкретными условиями классовой борьбы. Если победой восстания и установлением в той или иной форме диктатуры буржуазия революции буржуазные заканчивались, что пролетарская, социалистическая революция этим актом только начинается. Ее цель - социализм - требует глубочайших коренных преобразований не только в отношении собственности на средства производства, но буквально во всех сферах общественной жизнедеятельности, а также формирования нового социального типа личности, нового типа общественного и индивидуального сознания, нового типа морали. Поэтому, после победы политической, т.е. пос-

ле завоевания власти пролетариатом, следует труднейший и продолжительный период социалистического строительства, создания объективных и субъективных условий, принципиально отличающих социализм от всех предшествующих типов общественно-политического устройства, создания условий, знаменующих начало восхождения на принципиально новую, высшую ступень человеческой цивилизации.

Всякая попытка преждевременно провозгласить эту задачу выполненной лишь дискредитирует подлинное содержание понятия социализма. Как ни трудно обыденному сознанию принять мысль об исторической длительности решения этой задачи, необходимо понять, что любые волюнтаристские устремления объявить ее выполненной приводят лишь к торможению, а то и приостановке динамики социалистического развития. «Коммунизм - есть движение» неоднократно отмечал К. Маркс, имея в виду обе фазы этой общественно-экономической формации.

Октябрьская революция действительно дала мощный импульс процессам социалистического развития в стране, что позволило в первое же десятилетие создать прочные «ростки социализма» (Ленин), заложить базу социалистического уклада, который должен был восторжествовать над другими укладами, определить новый исторический тип создаваемого общества. Здесь требовалось высокое тактическое искусство сочетания тактической гибкости и сохранения неуклонной верности стратегическому курсу на социализм. К этому следует добавить отсутствие научно-теоретических марксистских разработок решения этой задачи при данных социально-экономических условиях. Такое тактическое искусство нашло свое выражение в ленинской программе Новой Экономической Политики (НЭП), которая стала проводиться сразу после окончания гражданской войны.

Часто эта программа представляется как вынужденная уступка крестьянству, сопротивлявшемуся политике так называемого «военного коммунизма». Однако, если обратиться к документам, мы увидим, что еще весной 1918 г. в «Заключительном слове об очередных задачах Советской власти», «О мелкобуржуазных партиях» и в ряде других выступлений Ленин настойчиво проводил мысль о необходимости «выучки» у буржуазии, о необходимости создания «крупно-капиталистической техники», о необходимости повседневного убеждения мелкого производителя в неизбежности социализма (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27, стр. 404-407, 291-339; Т. 28, стр. 180-196; и др.). То есть Ленин с самого начала революции понимал, что задача построения социализма не может быть решена методами «военного коммунизма», не может быть решена «ни-

какими декретами». Нужна постоянная, методическая, длительная преобразующая деятельность, требующая терпения и выдержки.

Новая политико-экономическая программа означала переход к политике смычки пролетариата с крестьянством, к союзу, который был подорван политикой продразверсток, вынужденной условиями гражданской войны. Эта политика осуществлялась посредством допущения свободы торговли, оборота и даже допуска - в ограниченных диктатурой пролетариата пределах - госкапитализма. Эта новая политика означала также переход в мирных условиях к резкому сужению государственного принуждения, вынужденного все теми же условиями гражданской войны. Общие принципиальные положения о том, что насилие не может быть средством решения организаторских задач пролетарского государства были изложены В.И. Лениным на VIII съезде РКП(б): «Тут та область, где революционное насилие, диктатура употребляется для того, чтобы злоупотреблять, и от этого злоупотребления я бы осмелился вас предостеречь» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38, стр. 148-149).

Следует отметить принципиальное изменение форм проведения государственной политики. Если в годы Октябрьской революции пролетарская диктатура не колеблясь ответила красным террором на террор белый, угрожавший колоссальными жертвами трудящимся, то после победного завершения гражданской войны молодая Советская Республика твердо встает на путь сужения карательных форм, который был прерван в середине 30-х годов. В 1921 г. на Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин отмечал: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, тем уже становится сфера учреждений, которые ответным ударом отвечают на всякий удар заговорщиков» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44, стр. 329). Забвение этих принципиальных положений дорого обошлось нашей стране. Таким образом мы видим, что на недовольство крестьян политикой «военного коммунизма» государство диктатуры пролетариата ответило целой системой мер экономического и политического характера, направленных на хозяйственное стимулирование и на резкое сокращение роли репрессий.

Наверное нет надобности объяснять, насколько возросло значение научной теории при практически полном отсутствии исторического опыта решения задач социалистического строительства. Однако после смерти В.И. Ленина постепенно начинает проявляться пренебрежение к теории научного коммунизма, его творческому развитию, также свойственное революционной мелкой буржуазии. Со

временем значение марксизма-ленинизма было вообще сведено к роли апологетического комментария политической практики правящей номенклатуры. С уходом Ленина из жизни в партийном и государственном руководстве развернулась борьба за власть. В ходе ее принципиальные вопросы борьбы за социализм были подменены вопросом о личной преданности той или иной политической фигуре. В ходе этой борьбы началось перерождение партийно-государственного руководства, в которое все больше проникали беспринципные люди, озабоченные только своим личным интересом. Подобные настроения постепенно проникают в массовое сознание. Этому процессу немало способствовало истребление ленинских кадров партийно-государственного руководства, осуществленное в 30-е годы, окончательное изживание внутрипартийных дискуссий, фактическое уничтожение демократических основ внутрипартийной жизни и реальная компрометация социалистической демократии. Постепенно партия перестала быть политическим авангардом класса и превратилась в послушное орудие единоличного «вождя», чья точка зрения, чье мнение и чья воля выступали как высшее достижение теоретической и политической мысли. Партийно-государственный аппарат все более бюрократизировался, утрачивая связь с массами. Власть приобретала все более репрессивные формы воздействия на общество, все более отрываясь от общества. Все это происходило в контексте с определенными успехами в деле индустриализации промышленного и сельскохозяйственного производства, успехов национальной политики, подъема общей культуры населения. В них проявился динамизм, порожденный революцией. Импульс Октября проявился и в героизме строителей первых пятилеток, ударничестве, стахановском движении. Но и здесь, постепенно, к концу 30-х годов, сказывается влияние бюрократии, формализующей, омертвляющей всякое живое проявление энтузиазма и инициативы масс. То есть, несмотря на достигнутые успехи в создании материально-технической базы государства и рост общей культуры населения страны, социалистическое содержание процессов общественно-политического развития все более утрачивалось.

Параллельно процессу бюрократизации партийно-государственного аппарата, мещанскому разложению общественного сознания, в партийной пропаганде настойчиво проводится мысль о бурном развитии социализма в стране и даже решении этой задачи в основном. Так в резолюции XVII партийной Конференции в 1934 г. фиксируется построение в СССР бесклассового общества. Еще ранее, в 1933 г. И.В. Сталин заявил, что экономический фундамент социалистического общества в СССР уже построен. (См. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК

и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11-е, М., 1945, стр. 397). Это должно было означать, что социализм в СССР перестал быть общественно-экономическим укладом, а превратился в фазу развивающегося коммунистического способа производства. В 1936 г. Сталин уже утверждал: «Наше советское общество добилося того, что оно осуществило в основном социализм» (Сталин И.В. О проекте Конституции СССР. Доклад на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР 25 ноября 1936 г. Там же, стр. 514). Сомневающиеся могли получить разъяснения в органах, руководимых Г.Г. Ягодой, Н.И. Ежовым и Л.П. Берией.

Нельзя не вспомнить характеристику, данную А.И. Герценом такому представителю мелкобуржуазного революционизма как Бакунин. Подчеркивая его нетерпение, стремление «подтолкнуть» революцию, Герцен писал, что Бакунин «второй месяц беременности принимает за девятый» (Герцен А.И., Соч., т. 11, стр. 368, М., 1952). Такая тенденция, как известно, сохранилась и в последующие годы, что на наш взгляд также является свидетельством проявления мелкобуржуазной психологии в партийном руководстве. Эта психологическая природа выразилась и в формировании культа личности, и в широком применении различных форм антидемократической политики в целях искусственного «подталкивания» общества в его естественно-историческом развитии..

Правда, в постановлении XVII съезда ВКП(б) вывод о построении в СССР бесклассового общества отсутствует. А Конституция 1936 г. признала существование в стране двух дружественных классов, - рабочих и колхозное крестьянство -, а также социальной прослойки - интеллигенции. Но вот о таком социальном слое как бюрократия Конституция 1936 г. (как и последующая - 1977 г.) умалчивает. А между тем, именно она этот слой фактически легализовала, заменив ленинскую систему власти Советов своеобразной формой парламентаризма, а ведь В.И. Ленин считал парламентскую систему власти «в миллион раз» менее демократичной, чем систему Советов.

Название системы организации власти по Конституции 1936 г. также советской формой диктатуры пролетариата не соответствовало ее подлинному содержанию, поскольку в ней резко возрос приоритет исполнительной власти (т.е. уже сформировавшейся бюрократии). Тогда как роль Советов, представительной власти, носителей суверенитета народа, стала чисто номинальной. Таким образом массы оказались вновь отчужденными от политической власти (вспомним ленинское: «Советская власть сильна сознательностью масс»). Механизм власти оказался по сути почти полностью в руках бюрократии. Это обстоятельство немало способствовало тому, что

фактически изменились и отношения собственности на средства производства.

Сложившееся в СССР бюрократическое государство никак не подходило под марксистское понятие государства диктатуры пролетариата, «т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс». (Маркс К., Энгельс Ф., Собр. соч., изд. 2-е. Т. 4, стр. 446). При условиях, когда основная сумма производительных сил находилась в руках бюрократического государства, которое также контролировало и все формы общественной формы собственности на средства производства, у трудящихся осталась только функция владения. Функция распоряжения и управления собственностью оказались полностью в руках бюрократической элиты. А значит говорить о социалистических принципах распределения - этого первого экономического показателя социалистического общества - не приходилось. Функция распределения также оказалась в руках бюрократического государства. Напомним, что В.И. Ленин в «Государстве и революции» оставлял за социалистическим государством функцию лишь контроля за распределением с помощью права, но никак не самое распределение. (См. Ленин В.И., Полн. собр. соч. Т.33, стр. 91-94). Неизбежно стало прогрессировать отчуждение трудящихся от результатов их труда в то время, как бюрократия обеспечивала свои интересы через систему скрытых привилегий, особенно в распределении общественных фондов потребления. Альтернатива социалистической демократии оказалась не реализованной. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. была, пожалуй, последним искренним порывом массового героизма общества, поднявшегося на защиту своего социалистического Отечества. Для послевоенного развития страны также характерны успехи в восстановлении и развитии производительных сил. Но, с другой стороны, оно характерно и усилением власти бюрократии, ее репрессивного характера, внедрения командно-административного стиля и методов управления. Происходит дальнейшее сращивание партийной, государственной, хозяйственной, военной верхушки, совершенствование корпоративной системы внеэкономического принуждения, дальнейшее развитие тоталитарной системы власти, ее распространение на сферы науки и искусства. Общество все дальше уходило от целей социалистической революции, усиленно маскируясь под социализм на словах.

Решения XX и XXII съездов партии, на которых была предпринята попытка критического анализа предшествующего периода, не смогли кардинально изменить направление общественного развития, т.к. были инициированы, главным образом, стремлением Н.С. Хрущева утвердиться в роли лидера партии и государства. Но даже

эти робкие попытки были подавлены силой бюрократической массы, не желавшей поступиться и толикой своих привилегий и власти. Зато партийная пропаганда выдвигает тезис о полной и окончательной победе социализма не только в СССР, но и в рамках всей системы социалистического содружества. Этим тезисом утверждалась невозможность реставрации капитализма изнутри социалистических стран.

Приход Л.И. Брежнева на роль лидера партии и государства способствовал проникновению в партийно-государственную номенклатуру лиц криминально-авантюристического плана, типа министра внутренних дел Щелокова или его заместителя Чурбанова и им подобных. Криминализации бюрократического аппарата немало способствовал дефицитный характер производства товаров народного потребления, создававший нишу «отложенного спроса», которая стала заполняться с помощью так называемой «теневой экономики», т.е. нелегального частнособственнического производства и спекулятивной торговли. Существование «теневой экономики» было бы невозможно без связи ее представителей с партийно-государственной бюрократией, которая все больше криминализировалась и коррумпировалась. Начинает формироваться негласный блок криминализированной бюрократии и частного «теневоего» капитала, союз сил, объединивших свои усилия на установление полной собственности на средства производства, присвоение также функции владения. Наступил период, когда утрата социалистического динамизма привела, наконец, к застою во всех сферах социально-политической жизни. Страна встала перед перспективой откровенно попятного процесса социалистической революции, ее отката.

Как известно, существующая в обществе система собственности на средства производства и распределения его продуктов определяет и содержание политической власти, прежде всего, сущность государства.

Пока корпоративно организованная бюрократия выступала как коллективный собственник и коллективный дистрибутор (распределитель), т.е. как коллективный эксплуататор она вынуждена была в какой-то мере сохранять зачатки социалистического уклада, сложившиеся в первое десятилетие Советской власти. Она не решалась пойти на открытое ущемление политических и, особенно, социальных прав трудящихся. В течение 80-х годов старая система корпоративной бюрократии под возрастающим воздействием «теневоего» капитала себя изжила. Сросшаяся с «теневой экономикой» часть номенклатуры желала перемен, позволивших бы им легализоваться, и уж никак не желала перемен социалистического харак-

тера, угрожавших ее существованию. В стране, однако, нарастали критические настроения и требования подлинно социалистических преобразований. Состояние общества становится все более нестабильным. «Верхи» не могут управлять по-старому, а «низы» не желают жить по-старому. Сложившаяся обстановка не устраивала ни «верхи», объективно стремившиеся к уничтожению «ростков социализма», ни «низы», также стихийно стремившиеся к возрождению и развитию социалистических начал, к возрождению динамики социалистического процесса.

Таким образом, перед страной со все большей очевидностью вставала альтернатива: или продолжение социалистической революции, или неизбежность контрреволюционного переворота. Еще в первые годы революции В.И. Ленин отмечал, что складывающаяся общественно-политическая обстановка «кто кого» может разрешиться в пользу социализма только в условиях диктатуры пролетариата. При указанных условиях о ней говорить не приходилось: сама идея пролетарской диктатуры была скомпрометирована репрессиями сталинского периода. Да и партийная пропаганда объявила ее задачи уже выполненными. К этому следует добавить дискредитацию социализма в его практическом виде в глазах теоретически неискушенных масс. Политически и идейно господствовало бюрократическое, криминализированное мещанство. Очевидное буржуазно-бюрократическое перерождение руководства КПСС в условиях полной невозможности воздействия на него со стороны партийной массы предопределило победу контрреволюции в начале 90-х годов. Процесс все большего ухода от социализма выдавался официальной пропагандой за новый этап социалистического развития, этап «развитого социализма».

В идеологии утверждается господство догматизма, манипулирования понятиями, служивших для оправдания субъективизма и волюнтаризма в политике, десятилетия господствовавших в нашем обществе. И все это под заклинания о «верности марксизму-ленинизму», монополии на который присвоила себе все та же номенклатура. Ленин давно отмечал, что «теоретическая победа марксизма заставляет его врагов переодеваться марксистами» (Ленин В.И., там же. Т. 23, стр. 3). Политическая победа российского пролетариата была тем более использована теми, кто меньше всего заботился о социализме. Последовавшее пришествие М.С. Горбачева и его сподвижников типа Яковлева, Шеварднадзе и др. привело страну в состояние полного кризиса во всех отношениях. Оказавшись перед фактом утраты динамики социально-экономического развития, перед фактом «застоя», но не способные в силу своего «аппаратного» мышления вникнуть в подлинные причины этого явления, Гор-

бачев и его окружение чувствовали необходимость серьезных преобразований. Но, будучи порождением партийно-государственной номенклатуры, ставшей, по сути, оплотом партийного мещанства, они, конечно, искали причины неуспеха где угодно, только не там, где они действительно находились. Отсюда их метания в поисках «главного звена», ухватившись за которое можно было бы вытащить всю цепь неудач. Все предлагаемые преобразования носили декларативный характер и были лишены подлинно социалистического содержания. Дезориентированные массы не верили в серьезность намерений корпоративной верхушки тем более, что объединенными усилиями криминализированной бюрократии и «теневиков» в стране был сознательно организован хаос в сфере торговли, под разговоры о «застое» искусственно создавался дефицит товаров массового спроса, вызывавший бурное негодование в массах.

Партийно-государственное руководство окончательно теряло остатки своего авторитета. Страна двигалась к контрреволюции, она вступила в полосу открытой реакции: результаты событий августа 1991 г. при любом исходе были бы антисоциалистическими, т.к. победа ГКЧП означала бы консервацию общества в прежних формах, а к чему привела победа «демократов» во главе с Ельциным мы все видим сами - открытая контрреволюция, реставрация капитализма. Остатки политической власти, как и функция владения средствами производства были окончательно отобраны у трудящихся страны, оглушенных воплями о демократизации и либерализации. Развитие контрреволюции также прошло через свои этапы: в августе 1991 г. начался мелкобуржуазный этап контрреволюции. Но, как известно, мелкая буржуазия не может реализовать свои интересы без опоры на пролетариат. В 1917 г. революционная мелкая буржуазия логикой классовой борьбы вынуждена была пойти за пролетариатом. Затем, в силу производственно-технической отсталости России, недостаточной политической зрелости рабочего класса и общества в целом, ей удалось встать во главе правящей партии и государственного руководства, сбить развитие социалистической революции с научно-обоснованного пути. В конце концов этот процесс завел общество в тупик.

В августе 1991 г. за спиной мелкой буржуазии, за спиной мелкого российского мещанства встала формирующаяся из прежних криминально-бюрократических кадров новая российская буржуазия, прежде всего, в нише банковско-спекулятивного капитала, чему достаточно откровенно содействовала монетаристская политика Гайдара и приватизационная - Чубайса.

Октябрьские события 1993 г. знаменовали вступление российской контрреволюции в буржуазный этап. Для этого этапа характер-

ным является не только рост, пока еще в большей мере стихийный и робкий, сопротивления трудящихся их новому порабощению, но и нарастание противоречий - между мелкой и крупной буржуазией, между основными группировками крупной буржуазии по поводу передела собственности, между буржуазией и нынешней бюрократией. Социальным фоном этого этапа является нарастание нищеты и бедствий трудящихся, нарастающая криминализация и нравственный распад общества.

Вовсе не следует делать вывод, будто Россия уж сегодня вышла на прямой путь к социалистической революции. Сложившиеся условия могут стимулировать также и контрреволюционные процессы. Из невозможности «верхов» управлять по-старому вытекает лишь объективная необходимость перемен. Направление же этих перемен будет зависеть от соотношения сил, от степени влияния политических партий и от «готовности масс на решительные действия, способные сломить или надломить правительство, без чего оно не упадет» (Ленин). Словом, история России имеет сегодня весьма «сослагательный» характер, ибо эти перемены могут быть направлены не только к социализму, но и в сторону формирования надклассового, так называемого «народного сообщества» (Гитлер), замешанного на идеях этатизма, национализма и клерикализма, т.е. фашизации; они могут пойти и в сторону углубления влияния иностранного капитала, т.е. по пути колонизации России. Оба последних указанных направления могут реализоваться и в формах реставрированной монархии. Разумеется, они не приведут Россию ни к социальному миру, ни к благополучию. Все они исторически бесперспективны, ибо ведут Россию к гражданским междоусобицам, проскрипциям, войнам и, в конечном счете, : к социалистической революции. Можно считать социалистическую революцию «вывихом», подобно яковлевому, ципко, волкогоновому, и смирно дожидаться страшного конца на радость внутренним и внешним хищникам; а для других, опыт - «сын ошибок трудных» (Пушкин), ошибок, которые надо изучать и преодолевать в борьбе за продвижение по нелегкому, но неизбежному пути исторического прогресса, по пути к социализму.

Резонанс

Во втором номере нашего журнала за 1999 год была опубликована статья «Российская коммунистическая академия», которая вызвала у наших читателей заинтересованный отклик.

В статье была высказана мысль о необходимости создания организации, которая могла бы развивать коммунистическое мировоззрение и готовить новое поколение научных работников - коммунистов. Предложения о поддержке этого начинания пришли из самых разных концов России. Из Костромы, Новосибирска, Читы... Наши товарищи предлагают свою активную помощь в работе Коммунистической академии. Спасибо большое всем им.

Дело, однако, в том, что в статье высказано предложение о создании Академии, но это вовсе не означает, что редакция или КПЛР собираются взять на себя функции создания самой Академии. Наша задача объединить людей, которые способны решить эту задачу. Но мы надеемся, что среди них найдутся люди, которые будут способны и будут иметь желание не только помогать в решении этой задачи, но и возглавить ее решение. Конечно, если такую команду организовать не удастся, то нам придется взять в свои руки и организационное решение этой проблемы. Но это худший вариант. Развитие Компартии Левая Россия, ориентированной как раз на те цели, которые, по нашему мнению, будет решать новая Академия (развитие идеологического обеспечения коммунистической идеи), издание журнала «Коммунист» и участие в целом ряде других направлений коммунистического фронта, едва ли возможно совместить еще и с созданием Академии. Время имеет свои четкие рамки и его катастрофически не хватает. Поэтому мы просим именно вас развить предложенную инициативу и довести ее до практического решения. Мы готовы оказывать посильную организационную помощь, но хотим, чтобы за обеспечение работы такой Академии взялись именно вы. Поэтому, по-прежнему ждем ваших предложений по адресу:

**125130, Москва, ул. 3. и А. Космодемьянских, 10/12 - 168,
председателю Коммунистической партии Левая Россия,
Бурдюгову Владимиру Викторовичу.**

Список авторов

Блюм Октябрь Фейзелевич - кандидат юридических наук, доцент

Видьманов Виктор Михайлович - член президиума ЦК КПРФ, председатель Агропромстройбанка

Гриффен Леонид Александрович - доктор технических наук. Украина.

Махоткин Александр Георгиевич - редактор бюллетеня «Вестник пропорционализма, к.с.-х.н.

Муртазин Энгель Мустафович - экономист.

Пирогов Григорий Григорьевич - кандидат экономических наук.

Польгуева Екатерина Юрьевна - математик, преподаватель средней школы.

Потапов Виктор Егорович - кандидат экономических наук.

Симчера Василий Михайлович - доктор экономических наук.

Трушков Виктор Васильевич - профессор, доктор философских наук.

Редакционная коллегия: В.В.Бурдюгов - главный редактор,
Ф.Б.Белелюбский - зам. главного редактора, М.В.Иголкин.

Адрес редакции для писем: 125130, Москва, ул. 3. и А. Космо-
демянских, 10/12, кв. 168. Бурдюгову Владимиру Викторовичу.
Тел. (095) 159-21-12.

Технический редактор Н.И.Ильина

Зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 013009 от 03 ноября 1994 г.
Формат А5. Печать офсетная. 8 печатных листов. Тираж 2000 экз.
Отпечатано в Москве кооперативом "Тематик".

На журнал "Коммунист" можно подписаться в любом почтовом от-
делении. Журнал включен в Каталог Агентства "Роспечать".

Подписной индекс нашего журнала - 73539

Министерство связи «Роспечать»		АБОНЕМЕНТ на журнал		73539 (индекс издания)							
		Коммунист		Количество комплектов							
на 2000 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
		(почтовый индекс)				(адрес)					
Кому											
		(фамилия, инициалы)									

Доставочная карточка		на журнал		73539 (индекс издания)							
		Коммунист									
Стои- мость	подписки	руб.	коп.	количество комплек- тов							
	пере- адресовки	руб.	коп.								
на 2000 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
		(почтовый индекс)				(адрес)					
Кому											
		(фамилия, инициалы)									

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

В этом номере:

**Пленум ЦК КПРФ: Как
вывести страну из кризиса.**

**Новости теории
социализма.**

4

ИЮЛЬ

1999

АВГУСТ